

Афганистан сквозь замочную скважину «Барона»

Глава 1.

Вот уже месяц, как меня приютил «Барон», - частный гостиничный комплекс, который в своё время был построен одним из Кабульских миллионеров, а сейчас сдан в аренду международной организации. «Барон», наподобие тюремной зоне, отделён от внешнего мира высокой оградой с токопроводящей проволокой в верхней части железобетонных стен. Тамошняя администрация и американцы ласково называют комплекс «Компаундом». А я, про себя, называю его «Исправительно-трудовой колонией с усиленным питанием и активным отдыхом». Под исправительно-трудовым я, естественно, подразумеваю исправление собственного и семейного экономического положения в результате хорошо оплачиваемой трудовой и спортивно-оздоровительной деятельности внутри «Барона».

Для того, чтобы попасть в эту колонию, люди добровольно преодолевают довольно сложные конкурсные преграды. Лично мне, для занятия должности, несмотря на рекомендации близких друзей, пришлось пройти через целый ряд телефонных интервью, в результате чего я была назначена Директором по Коммуникациям одного из афганских проектов Агентства международного развития США. Кстати, перевод аббревиатуры названия проекта «ТАФА» на грузинский язык, звучит весьма забавно: «Сковорода».

Короче говоря, нахожусь я в бурлящем Афганистане и хочу получить в этой разорённой и измученной стране не только материальные, но и духовные дивиденды; пытаюсь, не то, чтобы пробить, подобно Петру Великому «окно в Европу», но, хотя бы приспособить замочные скважины «Барона», чтобы своими глазами увидеть сквозь эти скважины Кабульскую действительность, убедиться в том, что телевидение показывает про эту страну правдиво, после чего можно спокойно обдумать и взвесить увиденное и услышанное: ведь один раз увидеть лучше, чем сто раз услышать.

Так получилось, что в «Бароне», в момент моего прибытия, находились два лица грузинской национальности (улучшали своё здоровье и материальное благосостояние): Диана и Тато. Согласно «приговору» (контракту), мне и Диане «присудили по одному году исправительно-трудовых работ», хотя, как мы увидим дальше, мне этот срок несколько урезали, а Диане – удлиннили. Что касается Тато, он был краткосрочником: через полтора месяца его там уже не было.

А пока, по вечерами, я и Тато играли в спортзале в настольный теннис (пинг-понг). Тато оказался сильным соперником и, когда мы оставались одни, он учил меня разным премудростям игры. В руках такого тренера я неусловно повысила свой класс вплоть до того, что не упускала ни одного подходящего игрового момента, чтобы не атаковать «топкой». В то же самое время, я стала довольно непринуждённо принимать хитрые подачи и сильные топки Тато (сама себя не похвалишь, никто тебя не похвалит). Тут ещё, в неделю два раза, я начала ходить на йогу (растяжки и дыхание по-йоговски). Так что можно не задумываясь сказать, что в «Бароне» моя жизнь вошла в колею суперактивного спортивно-оздоровительного тренажа.

Чтобы мама не нервничала, я соврала ей, что уезжаю на год работать в Америку. Она обрадовалась за меня, но не забыла заметить, что, когда в Грузии люди из кожи вон лезут, чтобы выжить, её старшая дочь, в это самое время, будет нежиться в Америке. Все остальные считали, что на нас непрерывно будут сыпаться бомбы и земля будет гореть под нашими ногами. А вышло вот как: я, окруженная усиленной охраной, лежу в садовом шезлонге комплекса «Барон» «и на Солнышко гляжу...».

«Барон» охраняет известный на весь мир Британский спецназ. В город ездим в белом бронированном лэндкрузере в сопровождении двух офицеров охраны: афганец за рулём, а рядом иностранец-«шутер» (по-нашему снайпер). При каждой посадке в лэндкрузер, шутер вслух повторяет инструкцию по безопасности: что надо делать, если убили водителя, на какую кнопку нажимать, если машина подрывалась на mine и т.д. Конечно же, я очень быстро научилась и начала повторять за шутером инструкцию, как молитву, что очень забавляло офицеров. Но я-то знала, что случись что-нибудь нехорошее, я, конечно, не смогла бы ни на кнопку нажать, ни сирену включить и ни бежать сломя голову в укрытие. Это мой характер: наличие у меня с детства водительских прав, никогда не означало, что я могу сделать разворот, не зацепившись, как минимум, за две машины.

За стенами «Барона» почти постоянно, особенно во время «Рамадана», гремела кононада взрывов. В большинстве случаев – это самоубийцы (террористы – смертники), которые с таким самозабвением самовзрываются, что самому захочется. Нельзя сказать, что при этом не взрывают других. Почти одновременно с моим приездом в Афганистан, взорвали брата Президента

Казраи, который, по слухам, был наркобарон. Затем, на протяжении месяца, уложили целый ряд губернаторов в разных провинциях. Как раз после этого «Барон» перевели на закрытый режим, что означало, что наши поездки за территорию «Барона» могли происходить только в исключительных случаях. Наружу, по неотложным делам, могли выходить только таможенные эксперты. Я, в отличие от них, отсиживалась в цветущем по-весеннему саду «Барона».

С окружающими меня сотрудниками мне повезло: вокруг меня, большинство – афганцы. Я очень полюбила эту команду. Все они, мужчины это или женщины, внушают доверие, скромны и улыбчивы. Они, к тому же и веселы, и у всех, как ни странно, наблюдается исключительное чувства юмора.

В моём распоряжении четыре афганца и одна афганка. Не думайте, что я ими руководила, я училась у них. Когда они замечали, что я устаю или нервничаю, они терпеливо рассказывали мне об особенностях и нюансах местного подхода и успокаивали: «Не пугайся, это от того, что ты далеко от дома, сначала со всеми так происходит, вот увидишь, очень скоро привыкнешь». Конечно же, это очень благоприятно на меня действовало и я максимально пользовалась их духовной благотворительностью и знаниями. А может и остроумием.

Наши женщины-афганки благопристойно передвигаются в очень красивых цветастых брючных костюмах. Косынки на их головах тоже цветастые, но, опять же, весьма благопристойные. Цветастость здесь многообразная и вызывает желание украсить себя так же. Афганки с удовольствием обучают меня способам обвязывания головы цветными платками: их огромное множество. Они (афганки) никогда не повышают голоса (мужчины-афганцы тоже), щебечут как птички с непрпадающей улыбкой на лице.

- Какие они весёлые, говорю я Гюнтаи (Гюль).

- Это женщины, прошедшие войну,- говорит мне Гюль,- им надо совсем немного, чтобы они были счастливы и веселы. Они легко приходят в восторг и их глаза, из тёплых с грустью, моментально преобразуются в смеющиеся по самому незначительному поводу.

После этих слов улыбки афганок кажутся мне ещё более привлекательными. Больше всех мне нравится, когда они скучиваются в каком-нибудь уголке и тихо и мирно щебечут. В это время глаза их светятся внутренним светом.

Дома я, в основном, смотрю по телевизору Альджазиру, что равносильно самоистязанию типа «шахсей-вахсей». Несмотря на то, что такого количества и качества актов насилия не показывает ни одно телевидение мира, мне кажется, что это один их наиболее надёжных и независимых источников информации. Сейчас, например, в эфире выступает высокопоставленный военный чиновник, полковник НАТО, который заявляет, что Талибане упорно продвигаются к Кабулу, но это не впервой: «Кабул мы не уступим», - говорит он.

Большое спасибо, уважаемый полковник, но Вы уверены, что Талибане не посмеиваются над такими самоуверенными заявлениями ? Вы же знаете, как красиво и с каким удовольствием занимается эта публика самовзрыванием, - позавидуешь. Но что делать полковнику НАТО? Он говорит то, что он говорит. Наверно советские полковники и генералы выступали также, когда Моджахеды приближались к Кабулу. Правда, конкретных фактов таких выступлений не существует, но я уверена, что было именно так.

В «Бароне» помимо ресторана, кафе, спортивного зала, плавательного бассейна и минимаркета имеется салон красоты. Хозяйка салона – женщина, пока ещё не установленной национальности, по имени - Марина. Она слегка прибалтнённая и говорит на таком русском языке, что невольно чувствуешь себя лицом к лицу с одесской Муркой. Сама она говорит, что она наполовину таджичка, наполовину турчанка, хорошо знает языки Пашту и Дари поэтому, с местными, свободно общается на их языке.

Со мной она говорит громко и применяет такие блатные выкрутасы, что уши вьются. Хорошо, что афганцы из «Барона» почти не знают русский язык: они меня за такие разговорчики перестали бы уважать. С другой стороны, из-за того, что в памяти афганцев остались отдельные «обломки» русского языка, они всё время заговаривают со мной на ломанном русском, несмотря на мои напоминания, что я прекрасно владею английским языком. Иногда мне хотелось сказать им: «Ребята, я грузинка, говорите со мной по-грузински! Не знаете? Я Вас быстро обучу!».

Марина приходит в салон, когда ей заблагорассудится. Говорит, что в «Бароне» нет работы, если только заказы на массаж. Она очень любит поболтать, но из-за того, что «строчит» словами словно пулемёт, собеседник быстро устаёт.

Несмотря на то, что её рассказы о характере афганцев, их традициях и обычаях, с познавательной точки зрения, очень информативны и интересны, мне тоже было трудно, но я упорно слушала её «через не могу».

- «Я, блядь, 12 лет здесь живу и одеваюсь, как они: черное платье, головная повязка, иногда бурка. Так я почти не привлекаю внимание. «Спасает» меня ещё то, что я говорю на их языке. Здесь у меня много близких: недавно я была в Кандагаре на свадьбе», - рассказывает Мария.

- В Кандагаре? А как ты туда попала : вчера, по-крайней мере семь раз объявили ракетное нападение. Туда самые смелые журналисты отказываются ехать, а ты, пышная блондинка, так, между прочим говоришь: «Вчера была в Кандагаре».

Мария смеётся, увидев мои расширенные от удивления глаза и говорит:

- Ты чего удивляешься, блядь, я же сказала, что говорю на их языке, живу по их обычаям, являюсь дочерью этой страны. Никто не имеет ко мне никаких претензий. Что с меня взять, влядь, если сам не дашь чего. Эти же не успокоятся, пока не сделают своё. Как тебе объяснить, они как орлы, любят

свободу. Их, блядь, войной не возьмёшь ! Войной привести их в порядок – невозможно!

Марина, говорит, что Талибана, в основном, пуштуны, которые составляют сорок процентов населения Афганистана, т.е. представляют большинство. Они претендуют на управление страной, на то, чтобы бразды правления государства были в их руках. Все остальные, по их мнению, – быдло и изменники.

По Восточному летоисчислению Солнца и Луны, сейчас 30 асадия 1390 года (6-ой месяц). Мой муж, Вадик, говорит, что в каком веке они находятся, так они себя и ведут.

Э !... Откуда Вадику знать, кто в каком веке живёт и какое летоисчисление ближе к истине. Факт тот, что всё это происходит на нашей общей пленете, под одним и тем же небом и в одно и то же время и, вместо того, чтобы жить мирно и спокойно путешествовать по Земле, люди, строят дорогостоящие защитные укрепления, чтобы высовывать оттуда языки друг другу, плевать и ругаться.

Итак, я приветствую Вас из Афганистана девяностых 14-го века ! Ну-ка вспомните, что в это время происходило в Грузии ? Чёрт знает что...

Глава 2.

Когда я летела из Дубай в Кабул, в салоне самолёта ко мне подседа благообразного вида женщина, средних лет, по имени Мина. Она оказалась афганкой, но не современной, а тех времён, когда Кабульский стиль воспитания включал в себя Европейские и Советские элементы такие, как обязательное хождение на музыку, английский, плавание и теннис; в тинейджерском возрасте ношение мини-юбок, а в студенческом, – обязательное обучение в Ленинградских и Московских ВУЗ-ах. Мина, как выяснилось из разговора, окончила ВУЗ в Ленинграде. Сейчас, вместе с мужем и детьми, живёт и работает в Мюнхене. С мужем – афганцем, познакомилась и училась в Ленинградском Государственном Университете. Едет в гости к брату, крупному афганскому бизнесмену, учредителю единственной в Афганистане компании минеральной воды, имеющему вес в деловых и правительственных кругах Афганистана, между прочим, получившему высшее образование в США.

Как «птенцы из одного, советского гнезда», мы с полслова поняли друг друга и быстро сблизились. Она с большим восторгом говорила о России, видимо не зная, что сегодня между Россией и моей Родиной, Грузией, отсутствуют дипломатические отношения.

- Тогда мы жили нормально. Русские никогда не вмешивались в нашу жизнь. А сейчас, если я не завернусь в национальные одежды, я не могу выйти

на улицу. Действительность такова, что всех устраивает, чтобы в Афганистане был постоянный кавардак. А поскольку афганцы без войны жить не могут, в Афганистане война не кончится никогда,- категорично и рассерженно заявляет Мина.

- Кабул красивый ? – задаю я отвлекающий, по моему мнению, вопрос.

- Что в городе было красивое,- всё сломали, Превратили город в пыльные развалины: смотреть страшно ! Мне очень тяжело это говорить, но я потеряла надежду на то, что моя страна сможет возродиться из пепла,- такой ужасный диагноз поставила Мина своему многострадальному Афганистану с высоты своего Европейского положения. Но интересно и то, что по моим наблюдениям и наши, грузинские эмигранты, такого же мнения о Грузии.

Фериде, из «Барона»,- тоже афганка, вернее молодая афганская девушка, которая окончила колледж в Калифорнии. Её тоже тянет туда, где не обязательно покрывать голову косынкой и поститься во время Рамадана, где можно ходить в хлопчатобумажных голубых джинсах. Другими словами туда, где обычная цивилизованная жизнь.

Фериде, - единственная дочь у матери. Отец погиб, когда она была маленькой, из-за чего ей с матерью пришлось жить то у одного, то у другого, то у третьего дяди. Она очень старается быть настоящей американкой: манерами и интонациями. Ей повезло: она устроилась на работу в американскую компанию. Сейчас она собирается отправиться на курсы в Калифорнию, где, как она сама говорит, собирается во чтобы-то ни стало, выйти замуж. Но, до осуществления своего замысла, в нашем проекте, она положила начало одному хорошему делу. Вместе со своими афганскими партнёрами она покупает на Кабульском базаре овощи, красиво их упаковывает и каждую субботу устраивает в нашем Компаунде маленький базар, естественно, с небольшой наценкой. На вырученные деньги девочки помогают детским домам и приютам для престарелых улучшать питание качественно и увеличивать количественно. Эта инициатива выгодна и нам т.к. на базар мы практически попасть не можем, а у овощей, купленных в супермаркете, как правило, привкус упаковочной пластмассы и стоят они очень дорого.

В «Бароне» Фериде ходит, как мы, без головного платка. Вечером она возвращается домой на секондхендовской тойоте. Она уже так заражена западной идеологической эмансипацией, что ей уже порядком надоело, находясь на улице, получать из афганской толпы возгласы типа: «сука» , «блядь» и т.д., которые она «заслужила» по причине любви к новаторству и движению вперёд «против течения». Женщины неафганской национальности, живущие в «Бароне», пожалуй, правильно считают, что Фериде - жертвующая собой героиня, т.к. в условиях Афганистана, то, что она делает,- это действительно героизм. Американка Денис говорит, что на протяжении 8 лет её работы в Афганистане она помнит только 3-й случай подобного самопожертвования. В

подтверждение опасности, которой подвергается Фериде, один бароновский коллега рассказал, что на днях в деревне, недалеко от Нандагара, камнями забили мать и дочь, которые посмели выйти из дома без мужского сопровождения.

«Барон» представляет собой поистине Вавилонское столпотворение всемирных и всеафганских сил по спасению и возрождению Афганистана. Подобно Грузии, здесь верят, что Афганистан обязательно возродится. Но пути возрождения, в отличие от Грузии, здесь выбраны излишне радикальные. Все маршруты радикализма следуют от Кандагара по направлению к Кабулу с погромом «вилиджей» (поселений) и последующим поднятием их на воздух.

Упаси Господь от такой участи наш «Барон» ! Одной маленькой паники достаточно, чтобы все, от мала до велика одновременно забыли всеильный на земле английский язык, а я, на временно отложенном в сторону родном грузинском, взвыла бы: «Вай Деда!» или «пронеси, Господи».

В «Бароне», Директором нашего проекта является Абдулкадер Эд Элрахал. Мы его называем просто, - Эд. Эд Либанец, он управляет Административной и технической частью и четырьмя Компонентами (Отделами) проекта. Один из управляющих Компонента, - австралиец по имени Энди. Второй Компонент управляется канадкой Кармел, третий, - американцем Фреди, четвёртый, - афганкой Гюнтаи (с ней читатель уже знаком), а я, - Директор по Коммуникациям, - грузинка. Приглашенные эксперты: босниец, индусы, таджики, киргизы, филиппинцы, японцы. Базовые сотрудники, ассистенты, - афганцы. Безопасность обеспечивает британо-южноафриканско-непальская бригада. Все эти люди хорошо владеют и общаются на английском языке.

По-английски здесь хуже всего говорят британцы. Они даже друг друга понимают с трудом потому, что собраны из разных мест Британии, где наречия сильно отличаются друг от друга. Самого «речистого» зовут Пол. Его очень уважают и говорят, что Пол хорошо знает «Королевский английский». Пол, - «Пош» (Posh – Portside out starboard home), - представитель высокого языково - разговорного класса, не позволяет себе говорить на каком-нибудь местном наречии. Кстати, про него сами британцы рассказали мне смешную историю, согласно которой сын Пола одно время патрулировал у Букингемского дворца и вся его семья гордилась этим. Когда он неподвижно стоял в карауле, целый рой молодых туристок и обыкновенных прохожих женщин кружил вокруг него. В карманы красивой военной формы молодого человека, женщины незаметно клали записки со своими адресами и телефонами с предложением связаться с ними и встретиться. А поскольку караул, самым строгим образом, лишен права не только двигаться, но даже моргать, под конец смены, к радости прохожих, молодой караульный, стоящий у Центрального входа Букингемского дворца, оказывался обвешанным записками, как новогодняя ёлка игрушками.

Нетрудно догадаться, что у этих отборных молодых людей, красивых и полных юмора, нет проблем с поиском партнёров и назначением любовных свиданий. Эти проблемы собственноручно снимает сам многоцветный и многонациональный женский мир. Этим ребятам остаётся заниматься только отборочно-селекционной работой, но это тоже не просто: попробуй запомни, какая из женщин в какой карман опустила записку...

Бронированный автомобиль везёт меня в Американское посольство на рабочую встречу. На этой дороге я впервые. Проезжаем мимо разных посольств и домов членов Правительства. Все дома окружены высокими железобетонными стенами с колючей проволокой, на земле - горы мешков с песком. На зажатой между этими «стенами» серой улице довольно редко встречаются живые существа: это или нищие, или совершенно неожиданный для такого пейзажа одинокий афганец-велосипедист в пыльном национальном костюме, взгромодившийся на старый, весь погнутый велосипед. Женщины-нищенки, как в Тбилиси, шагают в основном по середине проезжей части центральных улиц с грудными детьми за пазухой. В афганском варианте женщины-нищенки носят голубые бурки, а дети завернуты в складки этих бурок. Дахунда мне сказал, что цвет бурки зависит от провинции: в Кабуле носят только голубые бурки.

Как-то, не так давно, Софо Тодуа на Фейсбуке выставила рекламную картинку магазина бурок в Тегеране с комментарием, что эта одежда очень удобна и красива. Потом, в порядке поддержки, кто-то ей написал, что эта одежда ей тоже очень нравится, что у неё были голубая и чёрная бурки и она их с удовольствием носила.

Афганские женщины называют бурку ходячей крепостью и страшно их не любят. В Кабуле, например, ходить в бурке не обязательно и этой свободой пользуются очень много женщин. Но в провинции, в дальних деревнях, отказ от ношения бурки, равносителен смертному приговору, который ты сама себе выносишь. Поэтому разговор о том, что бурка прекрасная экзотическая одежда, моментально отбивает у меня охоту шутить и очень меня раздражает. На фотографии в Фейсбуке, бурки блестят и светятся от чистоты голубым светом. Это тебе не вываленные в многовековой Кабульской пыли и грязи мятые и выцветшие бурки, которыми, помимо Кабула, заполнена вся афганская земля. А голубой цвет – это цвет, который наилучшим образом переносит пыль и грязь.

Уличный лабиринт наконец кончился и мы выехали на залитое Солнцем пространство. Чем ближе мы подъезжаем к американскому посольству, тем зеленее и красочнее становится окружение. Под конец, мы проехали многошлагбаумную аллею, украшенную красивейшими, разного рода, цветами. Автомобильный контроль отнял у нас полчаса, после которых мы въехали на территорию посольства.

Само главное здание посольства, по своей архитектуре, показалось мне довольно безвкусным. Оно весьма фундаментально и похоже на наш ИМЭЛ (бывший Институт Марксизма Ленинизма на проспекте Руставели в Тбилиси). В пяти-шестиэтажных корпусах, вокруг здания посольства, живут штатные сотрудники. Здесь же, на территории посольства, стоит очень много окрашенных в голубой и белый цвет специальных вагонов, где живут специалисты, находящиеся в Кабуле в краткосрочных командировках. Внутри этих жилых вагонов красивая домашняя мебель и другое домашнее оборудование: интерьер очень симпатичный. Рабочая встреча происходит как раз в одном из этих вагонов, но гораздо большего размера.

Эти рабочие встречи, каждый третий месяц, организует Агентство международного развития США для специалистов по коммуникациям своих программ, где знакомит их с новыми требованиями к активности и правилам отчётности. Встречи похожи больше на глобальные форумы потому, что на них собирается большое количество людей самого разного происхождения, разного цвета кожи и разного вероисповедования, какое можно встретить на земле.

Отличие этой конкретной встречи от прошедших заключается в том, что посольство, из уважения к традициям проходящего праздника Рамадан, предоставляет участникам встречи только воду, да ещё с просьбой: не особенно увлекаться её питьём на глазах у мусульманских участников. Меня это раздражает не потому, что я очень люблю кофе, а потому, что никто и никогда в христианском обществе не посмеет запретить кому-либо угощаться мясом и сыром на глазах у постящегося христианина. Наоборот, постящихся строго предупреждают, не создавать неудобства непостящимся и, в случае, если хозяин стола очень просит отведать мясное блюдо, сделай милость и тихо попробуй его.

Вобщем, я оказалась свидетелем обычной дискриминации: во время Рамадана, о духовном состоянии мусульманских коллег заботится вся конференция, остальным «безбожникам» во время перерыва, в скрытой и отдалённой вагонетке, продают холодный и горячий кофе по завышенным ценам.

Вот так поставлено дело у местных. Их совершенно не интересует, что о них думает остальной «цивилизованный» мир. Они абсолютно уверены, что все, на этой грешной Земле, только и думают о том, как присвоить их природные ресурсы: полезные ископаемые. «Не получите !» - громко глаголят они на каждом шагу. Это их кредо в многовековой борьбе то с внешним, то с внутренним врагом. Когда из их страны, - многоцветного восточного ковра, - будет вытряхнута вся вражеская иноземная пыль, начинается большая «стирка» ковра с тем, чтобы отмыть его от местной «нечисти». И так без конца. Война за возрождение когда-то сильного и великолепного Афганистана, не кончается.

Вы не поверите, но я заметила за многими афганцами и особенно афганками, ностальгию по прошедшим временам либерального Короля Дауда и

советского режима (60 – 70-е годы прошлого века); по тем прошедшим временам, когда молодые афганские женщины ходили на работу без сопровождения, в одежде, которая позволяла им безнаказно гордиться своими красивыми ногами, заниматься спортом, ходить в бассейн на плавание, при наличии средств, получать современное качественное образование...

Один мой сотрудник с улыбкой вспоминает, что социалистическое правительство платило каждой семье 5 000 афгани за каждого ребёнка, который начинал ходить в школу, так что родители многодетных семей вполне могли не работать, что они и делали: каждый год в школу приходил следующий ребёнок.

«За счёт этого тогдашнего закона мои родители, на моём хождении в школу, хорошенько подзаработали», – мило улыбается мой сотрудник Хасиб. Улыбаюсь и я, но не потому, что он плохо говорит по английский, нет, он, как и все афганские сотрудники, прекрасно владеет языком. А потому, что в этом факте есть какая-то странная, непонятная для меня философия. Не зря, в гениальном советском фильме «Белое Солнце пустыни», герой фильма неоднократно произносит фразу, которая превратилась в классическую: «Восток, – дело тонкое!»

В конце месяца моего проживания в оазисе под названием «Барон», наряду с прочими неожиданностями, я обнаружила ещё одну, весьма важную для меня: кругом в самом разгаре жаркое лето, а в «Бароне» комары не кусаются! Я даже ни разу не включала рептор! «Ну и прекрасно», – подумала я и в тот вечер вышла в сад отдохнуть. К сожалению, моё любимое место под высоким белым лампионом, было занято. Недолго думая, я устроилась поотдале в несколько затемнённом уголке. Скоро появились Диана и Тато с колодой карт в руках: иногда, по вечерам, мы играли в карты.

Не прошло и двух минут, как на нас налетели не одна и ни две группы, а целые полчища комаров со всех сторон. Они атаковали нас так решительно, что не успели мы и рукой двинуть, как оказались сильно покусанными. Атака следовала за атакой с таким же азартом, с каким мы от них отбивались. Чем больше я пришлёпывала комаров на себе, тем количество налетающих увеличивалось. Под конец их количество и наглость привели к тому, что они начали проникать в ноздри, уши, кусать через брюки и т. д. Откуда они взялись и где были до сих пор – непонятно.

Вечерний отдых на воздухе с игрой в карты, конечно же был испорчен. Окровавленные и сломанные морально мы собрались идти домой, но тут я заметила, что моё любимое место под высоким белым лампионом освободилось. Все втроём, как по команде, мы рванули туда, присели и настороженно стали ждать мучителей. Представьте себе, прошла минута, две, три, комары не появлялись. А мы ведь сидели под светящимся лампионом на освещённом лампой поле боя. По нашим понятиям, противник получил прекрасную возможность атаковать, но комары куда-то пропали. Ещё некоторое время мы

напряженно ждали нападения, но тщетно: комары куда-то пропали. Я немного расслабилась, осмотрелась и что я вижу ? Там, поодаль, в темноте, комары собрались в тёмную тучу и в яростном порыве бросаются в нашу сторону. Но каждый раз, как туча подлетает к границе тени и света, она останавливается и отступает. Я зафиксировала несколько таких попыток, которые сопровождались таким грозным коллективным зудением, что кровь стыла в жилах и я не сомневалась: прорвись они через границу тени и света, от нас ничего не осталось бы. Но нет, комары-террористы ни на миллиметр не нарушали границу. Можно было предположить, что они начали разрабатывать новый план штурма. Странно, но в этой стране и насекомые действуют диаметрально противоположно нашим насекомым !

Комары ведут себя точно так, как Талибаны, по их стратегии: в темноте они борются и кусаются, на свету – отступают. Зудят поблизости, ждут подходящего момента, нападают и большинство смертников умирает на тебе. Притаившись, в темноте, они следят, когда ты споткнёшься и заступишь на их территорию, а дальше, что надо делать, они прекрасно знают.

Сегодня в англоязычном «Афганистан таймсе» было написано, что «... в провинции Центральный Парван, полиция обнаружила ограбленные трупы двух германских туристов, пропавших две недели назад. По делу об убийствах задержаны четыре Кучи (кочующие племена в Афганистане), следствие продолжается».

Глава 3.

У Афганцев два государственных языка: Дари и Пашту. Не трудно догадаться, что Пашту,- язык пуштунов. Кстати, между мной и пуштунами установились очень близкие и, я бы сказала весёлые взаимоотношения. На их языке, на Пушту, Манана означает, спасибо, а «дейра манана»,- большое спасибо. Когда они говорят: «Дейра манана», они смягчают звук «р» и получается «дейда манана», что по-грузински означает: «Тётя Манана». Так что стоило пуштунам узнать, что на их языке моё имя означает «спасибо», они тут же подхватили это совпадение и при каждой, даже мимолётной встрече, издали кричали мне «Тётя Манана», «Тётя Манана» и заливались смехом. Я уже привыкла к этому. Если сначала «Тётя Манана» от молодого продавца супермаркета воспринималось мной как излишняя фамильярность и даже раздражала меня, то теперь, обращение «Мэм», мне уже не нравится. Получилось, что, благодаря этой «Тёте Манане», я стала суперзвездой «Барона»: сегодня все знают меня в лицо.

14-го августа 2011 года. Фактически, впервые выхожу к людям за пределы «Барона» в животрепещущее афганское и международное общество: наш проект открыл на территории Торговой палаты Торгово-сервисный центр. Об успехе

этого центра я должна написать эссе и отснять видеоклип. На бронированном автомобиле в сопровождении охраны я прибыла в Торговую палату. Неудобство заключается в том, что «Барон» находится на окраине Кабула, между аэропортом и базой НАТО, которая в пятнадцать минут ходьбы.

Объекты, которые нам разрешается посещать, - это пять ресторанов: «Бокаччо», «Белла Италия», «Лебанон», «Гандемарк», «Бистро», два супермаркета: «Чиано» и «Файнест», и художественная галерея «Сардоза». Территориально они находятся рядом с «Бароном». Поэтому в центр города и в такие колоритные места, как «Чикен стрит» (Куриная улица), Птичий базар, «Баги Занана» (Женский сад) и другие, мы никоим образом не попадаем. Соответственно, мой редкий выход в новое место, можно приравнять к открытию мной нового континента. Сотрудники-афганцы порой предлагают мне прогуляться или зайти к ним в гости, но наша охрана сверхкатегорична в этом вопросе и смотрит на всё это так, как рекомендовано службой безопасности: не входить в интимные отношения (в широком смысле) с местным населением и местными сотрудниками! Малейшее нарушение инструкций и указаний службы безопасности, выразившееся даже в простом выходе за пределы «Барона» без разрешения, ведёт к увольнению и, соответственно, к выезду из Афганистана за 24 часа.

Еслиб я не увидела своими глазами, как охрана заставила быстро собрать вещи и отправила в аэропорт сотрудника, без разрешения съездившего в аптеку за лекарством, я не поверила бы в это. Водитель спасся лишь потому, что был афганец и это произошло с ним впервые: он получил строгое предупреждение. Дело в том, что заявка на автомобиль должна быть подана за 6 часов до выезда. К сожалению правила не делают скидку на «острую зубную боль».

С другой стороны, претензий к охране у меня, пожалуй, нет потому, что случись чего, охранник, в лучшем случае, теряет работу, а в худшем, - отправляется из развлекательных мест прямо в небеса потому, что какой-то шахид, - ходячая бомба, - ворвался в самое многолюдное место и взорвал себя. С собой он забирает, в обещанный ему рай, от пяти до двадцати человек. Короче говоря, центральная часть Кабула, за редким исключением, нам не доступна. А попасть на Куринную улицу, где, по разговорам, выставлены на продажу все афганские богатства, - мечтать не приходится. В таких жёстких условиях, посещение Торговой палаты становится равносильным посещению Бамина (исторический край Афганистана, где Талибаны взорвали уникальные скульптуры Буд). Торговая палата размещена в помещении бывшей гостиницы с довольно зелёным окружением: остатки былой роскоши.

Как следует из исторических документов и видно из фотографий, Кабул был достаточно зелёный город с изумрудными скверами, в которых цвели розы. Об этом свидетельствуют необыкновенно ухоженные и цветущие сады министерств и посольств, аккуратно прибранные зелёные территории бывших

советских поселений, огороженные дворы международных организаций и территории других охраняемых помещений.

Сегодня в Кабуле, наподобие тбилисского Плехановского проспекта, не увидишь многолетних лиственных деревьев. Все они срублены, или взорваны. А бутоны, вновь посаженных розовых кустов в скверах и на площадях, покрыты толстым слоем пыли, из-за чего они быстро вянут. На фоне всего этого, территория «Барона» радует глаз. Наш сад, подобно райскому, ухожен необыкновенно. Двухэтажные корпуса окружены скверами с красными и чёрными королевскими розами. Изредка среди них, словно микровзрывы, возникают желтые и белые розы. На зелёном ковре двора цветёт тысяча разновидностей полевых цветов. Такая же картина открывается во дворе Министерства женского развития и в Женском саду («Баги Занана»).

Торговая палата и торгово-информационный центр нашего проекта сегодня принял в гости до 30 афганских женщин-работниц торговли. Они пройдут тренинг на предмет того, как развить свой собственный бизнес с помощью веб-страницы нашего информационного центра и как осуществлять электронную коммерцию (e-commerce).

С первого взгляда трудно представить себе совместимость афганских женщин и бизнеса, тем более электронного. Но афганки, подобно грузинкам (правда, с опозданием на 30 лет) поняли, что если они не «зашевеляться», их увлечённые войной мужья загубят и дела и семьи. Поэтому в чадре или без чадры, в бурке, с детишками за спиной, они берутся за выполнение женской и мужской работы в своей семье. Иногда они подключают в свой бизнес и своих мужей. Если это удаётся, их счастьем нет конца и края.

Среди 30-ти приглашенных торгово-информационным центром деловых женщин были юные, молодые и пожилые, красивые и менее красивые. Вообще, внешность афганской женщины, по-моему, особая тема, которая достойна отдельного рассмотрения. Одно я знаю точно, что в этой стране полностью разрушилось моё представление о восточной женщине с круглыми бёдрами, красивым ртом и кожей персикового цвета. Большинство местных женщин, – тонконогие, немного выше среднего роста, бледнолицые. На тех, на которых одета бурка, чувствуется красота тела при движении. Эти скромные и спокойные женщины, которые пока не решаются показать своё лицо в интернете, показывают удивительные способности в торговле и предпринимательстве. Те знания, которые были накоплены веками их предками, начиная с вышивания и кончая изготовлением ковров, они аккуратно собрали и вынесли на продажу на все местные и международные рынки. По инициативе женского Министерства, женщин, отличившихся в успешной бизнес-деятельности, четыре раза в год бесплатно посылают на международные ярмарки и помогают рекламировать продукцию.

Не успела я положить на Фейсбук фотографии нескольких таких женщин, как тут же один фейсбуковский «друг» спросил меня, правда ли, что они находятся в таких невыносимых условиях, как об этом говорят? Мне стало жалко, что они знают об афганских женщинах только это. Весь мир видит только то, что они оскорблённые, забитые и забытые...

Если Вы мне поверите, сами афганки ничуть не довольны имиджем несчастных жертв. Они обижены тем, что почему-то никто не замечает, какие они гордые и сильные. И правда, почему-то никто не говорит об их ясном уме, трудолюбии, их жажде к обучению и, что самое бросающееся в глаза, их красоте и обаянии.

Вот и сейчас, по тому же Фейсбуку, моя филиппинская коллега прислала мне выписку из афганской газеты (знает, что я собираюсь писать книгу об Афганистане), где написано, что муж некой Розии Д. на протяжении двух лет наказывал побоями свою жену. Под конец, когда Розию, в тяжёлом состоянии отвезли в больницу, экспертиза определила, что больная была девственницей.

Конечно же, это очень нехорошо, но европейцы, американцы, русские, - все мы ведь тоже не подарок. Но мы продумываем прикрытия, одно из которых хорошо сформулировано русскими: «Бьёт,-значит любит !» Очень хитрая позиция. Прикрытие, явно не используемое афганцами. Или другая позиция, наша, грузинская: «Женщину я признаю только на кухне».

Недавно я присутствовала на презентации Мина Шерзой на тему: «О культуно-бытовых Афгано-Западных различиях». Больше всего на этой презентации мне понравилось замечание Миной о том, что в Афганистане вошло в моду перенесение внимания с животрепещущих проблем на проблемы афганских женщин. «Уже давно я работаю над проектами ментального развития афганских женщин, но только сейчас поняла, что в Афганистане нет женской проблемы. В Афганистане сегодня необходимо поднимать образование и развитие мужчин с тем, чтобы они догнали в своём развитии женщин. Все несчастья войн, все нововведения ложатся на плечи женщин. Все репрессии касаются только женщин. Поэтому у афганских женщин, в сравнении с мужчинами, выработалось гораздо более сильное влечение к прогрессу и самоутверждению», - заявила она.

Мина - из дипломатической семьи, уже два десятка лет живёт в Калифорнии и работает в американских правительственных проектах в Афганистане, является квалифицированной специалисткой американской и афганской культур и поэтому её умозаключения для меня весьма ценны и я им доверяю.

«Все выиграли от афганских войн, кроме афганцев, которые проиграли. Коммунизм развалился, Германия объединилась, Пакистан возродился. Только мы потеряли уйму людей и оказались в развалинах», - эти горькие слова тоже принадлежат ей.

Я и Набила...Как правило я не называю фамилий, но это потому, что в Афганистане имена имеют больший вес, чем фамилии. Там и меня называли мисс Манана, а не мисс Думбадзе. При этом на Дари, Думбадзе, оказывается, означает вилиние хвоста. А один поклонник моего таланта по дружески мне посоветовал: забудь ты эту неприличную фамилию, есть у тебя нормальное имя и подписывайся по имени.

Мы нащёлкали с Набилой кучу фотографий и я с радостью сообщила, что это,- прекрасный материал для Фейсбука. Она с грустью посмотрела на меня и попросила не поступать с ней так: она от этого пострадает. Я тут же пообещала не делать этого.

- Тогда зачем тебе столько фотографий? – спросила я,

- Это, – память о нашей дружбе. Сделаю альбом и назову его: «Дружба с Мананой»,- ответила Набила.

Набила в нашем проекте руководитель гендерной части. Она помогает афганкам в развитии бизнеса. Часто водит меня на встречи с афганскими женщинами потому, что я готовлю эссе об успехах гендерной программы.

Из окна бронированной машины я вижу группу афганок в бурках. Они вместе переходят дорогу. Видимо это жёны одного мужчины. Я с интересом провожаю их взглядом и тут же слышу гордое заявление Набилы:

- Такие у меня две. Одна здесь, а другая в деревне.

От удивления у меня отвисла челюсть:

- Вот тебе и руководитель гендерной программы ! Как она может призывать кого-нибудь к свободе? – подумала я и, чтобы не показывать своё удивление, я спросила, какого цвета её бурки.

- Бурка должна быть синего или голубого цвета. Вообще-то носят бурки черные, белые, золотистые и голубые. Но самые популярные цвета бурки,- синий и голубой. В Кабуле принято носить голубые.

Позднее Грейси, австралийка, которая вот уже 7 лет живёт в Афганистане, сказала мне, что Набила родом из Нандагара, а там женщина ещё миллион лет не сможет пройти по улице без бурки. Поэтому, когда она едет в деревню, она обязательно одевает бурку, иначе живой ей оттуда не вернуться. Более того, в Нандагаре даже иностранки носят бурки. Так что, будь ты сторонником гендерной свободы или её противником, в обоих случаях в Афганистане надо одевать бурку и так защищать или опротестовывать гендер. Бурка здесь гораздо надёжнее любой кольчуги или бронежилета.

- Набила, разве это не грех, не позволять мне выставить на Фейсбук такую красавицу, - не перестаю я донимать Набилу.

- Ты меня не видела подкрашенной, когда я иду на свадьбу или ещё на какое событие. Вот тогда ты должна посмотреть, какая я девочка. Поспорим,- не узнаешь.

- Ладно, а что ты такое мажешь, что я не смогу тебя узнать ?

- У меня такой макияж, что все в замешательстве спрашивают меня, кто я такая ?

Я решила, что она перебарщивает, но Френсис Хардин, из нашего офиса, подтвердила, то, что она сказала:

- Представь себе, моя ассистентка, нежная и утончённая Зухра, сегодня принесла мне фотографии своей помолвки. Я просмотрела их и была поражена: эта моя малолетняя стыдливая простушка была на фотографиях в таком вызывающе открытом платье и с таким вульгарным макияжем на лице, что любая высококлассная куртизанка ей бы позавидовала. Она была похожа на расфуфыренную куклу.

- Ну и что ? – ответила Френсис Грейси,- это их карнавал, спектакль, премьера, если хочешь, которая устраивается лишь один раз в их жизни. Мне нравится этот макияж, я называю его «Кабуки». Это больше похоже на шоу, клоунаду, маскарад, на котором происходит показ костюмов и макияжа друг другу. И здесь обнаруживаются талантливые и бесталанные режиссеры. Уверяю Вас,- очень интересное представление. Мне довелось побывать на множестве таких свадеб и быть свидетелем многих таких спектаклей. В такие дни, творческие тормоза афганок полностью отпущены и они свободно стремятся покорить вершины приведения себя в супер красивый вид, путём изготовления неординарных нарядов и лицевых художеств. Мне довелось видеть как шедевры, так и китч.

Комментировать это выступление Грейси смысла явно не имело, да и не было надобности. Поэтому мы молча с ней согласились.

Я и Набила усталые, но довольные вернулись из Торговой палаты. Набила установила со мной дружеские отношения, а я установила их с остальными простыми афганками. Можно сказать, что одну ячейку большого улья я заполнила сладко-горьким Афганским мёдом. Остальные соты пока пустые, но я ведь знаю, что моя неугомонная натура не позволит мне остановиться: куда-нибудь я снова просуну свой пчелиный хоботок. а он самый длинный у пчёл Грузинской породы; сниму порцию нектара с этого пёстрого Афганского поля и начну заполнять следующую ячейку. Кстати, мой хоботок позволяет достигать дна таких глубоких щелей, которые недоступны моим коллегам, пользующимся лишь открытыми дверями. Правда, в середине этого Афганского поля расположилось огнедышащее чудище и, думаю, что его надо обойти потому, что с ним иметь дело,- бессмысленно. Вот и сижу я пока в этом оазисе под названием «Барон» и гляжу сквозь щели на бирюзовое небо с клочками пёстрых туч.

Глава 4.

«Файнест»- это супермаркет типа нашего «Гудвила». Таких супермаркетов в Кабуле четыре. В двух из них уже самовзрывались два Талибана и туда нас пускать воздерживаются. Мы ходим в менее опасный, в «Файнест», который находится рядом с «Бароном».

У афганцев к «Файнесту» приблизительно такое же отношение, как у нас к «Гудвилу»: тот, кто любит хорошо и дешево покушать - идёт на базар. Дианыны афганские друзья помогают нам в этом. С Кабульского базара они то и дело приносят нам свежие продукты. Например, там же зарезанных молодых кур со снятой шкуркой: в Афганистане на базаре продают только живых кур. Ты выбираешь курицу, её тут же режут и не ощипывают, как у нас, а моментально снимают с неё шкурку, которая считается перенасыщенной холестерином. Вот в таком виде ты получаешь товар.

Наша служба безопасности, когда мы посещаем «Файнест», ходит за нами по пятам между торговыми рядами и прилавками. Наиболее спокойно я чувствую себя, когда нас сопровождает Пати (Патриций).

Пати, - сухопарый ирландец среднего роста, чрезвычайно скромный, с постоянной тёплой улыбкой на устах. Он из нашего, британского спецназа. Побывал и отработал везде, где только в мире возникали «горячие точки»: Африка, Азия (Средняя и Центральная), Восток (Ближний и Дальний). В Чечне он работал или нет я не знаю, но знаю точно, что в Иране и Ираке он был. У него совершенно детский взгляд, более того, при разговоре, он застенчиво опускает свои голубые глаза. Из всего британского спецназа это единственный человек, который говорит на понятном английском языке. Пати похож на старого грузинского безработного интеллигента, одного из тех, которого жизнь «смыла в помойку». Он отличается от спецназовцев ещё и возрастом: ему будет эдак до сорока, из-за чего он видимо снят с передовой, но продолжает работать в частных компаниях. Это благодаря его колоссального опыта работы. Конечно же, охранять «Барон» и меня, для него не уровень. Этот небольшого роста голубоглазый ирландец, необычайно скромный, с большим чувством юмора, оказывается, наводил ужас на талибанов: в афганских горах на него была объявлена охота.

От талибанов он благополучно ушёл целым и невредимым, но тут же попал в Френсис, Дианы и мои лапы: каждый раз, когда нам нужно ехать за покупками, мы просим, чтобы нас сопровождал Пати. Вы наверное прекрасно представляете себе, какое это удовольствие охранять трёх женщин, бегающих по магазинам за покупками. Но профессионал он и в магазине профессионал. Я так

увлекаюсь наблюдая за его работой, что порой забываю, за чем я пришла. Динамичный, как ртутный шарик, он бесшумно перемещается между торговыми рядами и прилавками. Постоянно появляется там, где его не ожидаешь и именно в тот момент, когда у тебя возникает вопрос, а где он ? Это создаёт и поддерживает мысль о том, что он всё время рядом. Может он закончил курсы невидимок ? Тогда он должен был работать в цирке. Сам Пати никогда не рассказывает о своих военных похождениях. О его талибанских похождениях мне рассказала одна сотрудница. Кто ей это рассказал, не знаю, но представить себе Пати кровожадным убийцей или Джеком-Потрошителем, я затрудняюсь.

19 августа в Афганистане большой праздник – День Независимости Афганистана и, соответственно, День изгнания британских империалистов из страны. В этом году 92-я годовщина этого события и афганцы, вот уже второй день, празднуют его. Я искренне разделяю радость афганских братьев и сестёр по поводу этого праздника, но несколько огорчена из-за того, что нас сегодня никуда не отпускают. Служба безопасности с большим сожалением, но со скрытой усмешкой заявляет, что сегодня и завтра будем безвыходно сидеть дома потому, что сегодня и завтра нельзя ни туда, ни туда и ни туда. А сюда ? – Сюда тоже нельзя. Надо было запастись товарами заблаговременно и нечего теперь ныть! Сидите дома и чтоб вас не слышно было! Ну что ты тут поделаешь ? На нет и суда нет ! Единственный вариант, забраться в свою нору и, с горя, немного выпить. Уж что, что, а это Службой безопасности не запрещается и не контролируется.

Весна разбудила меня с ужасной новостью: «Включи телевизор, взорвали здание Британского Совета!» Шести террористам-смертникам удалось проникнуть в здание Британского Совета (для меня это остаётся вопросом, каким образом им удаётся проникать внутрь охраняемых помещений. Видимо они сильно мотивированы и обладают способностью гипнотизировать людей из охраны), взорвать себя и забрать с собой на тот свет девять полицейских, хотя не до конца пути, потому, что для самоубийц Врата Рая открыты, а для полицейских... не знаю.

Вслед за этими взрывами последовали взрывы в пригородах Кабула и в нескольких других афганских провинциях. Вот таким «фейерверком» отметил Афганистан 92-ю годовщину освобождения от Британского господства. Надеюсь, что к 92-ой годовщине освобождения от господства США, я не буду нигде: ни близко, ни далеко. Скорее всего я уже буду предана моей любимой Грузинской земле. А у моего Афганского друга Мустафы на этот счёт ответ готов: «Ты это не знаешь, это – жизнь!»

«Барон», - интересная «страна», граждане которой всё время должны быть в напряженном состоянии потому, что никто не знает, когда включится тревога (да, настоящая боевая тревога). Но как любая страна, «Барон» заселён людьми, с которыми то и дело происходят курьёзы. Например, в корпусе по соседству с

нами, у одного американца в квартире взорвался газовый баллон. Бедный, он в жизни не пользовался газовой плитой и, не удивительно, что однажды оставил газ открытым. По возвращении домой, он сначала чуть не задохнулся, после чего печка взорвалась и взрывная волна бросила его довольно далеко. Надобности вызывать охрану не было: четыре бронированные машины уже были на месте. Американец-то остался жив и здоров, но в «Бароне» была объявлена весьма широкомасштабная тревога. Начались поиски «смертников» с помощью собак и миноискателей.

Тревога в «Бароне» была снята только тогда, когда пострадавший пришёл в себя и честно признался в том, что он совершил. Сначала афганский обслуживающий персонал страшно перепугался: «не хватало нам своих взрывов, а тут ещё иностранцы самовзрываются. Наверняка на нас всё свалят». Они съёжившись молча сидели по углам, пока не выяснилось, что виновник взрыва был американец. После чего они осмелели и с такой гордостью ходили по «Барону», что создавалось впечатление будто террористов-смертников выдумали не афганцы, а американцы.

На второй день пришёл приказ о демонтаже во всех корпусах «Барона» газовых плит и установке на их местах электрических. На эту замену ушёл месяц, и этот месяц мы все готовили пищу на одной маленькой электроплите.

Однажды, придя домой на перерыв, при входе в мой корпус, я обнаружила весьма комическую картину: люди моего поколения, которые помнят гениальный грузинский фильм «Серенада», где Зозо Бакрадзе, «замученный» неожиданными наскоками Рамаза Георгобиани и окруженный сотней унитазов сидит, словно Мыслитель Родена на одном из унитазов и строит планы выхода из создавшейся ситуации.

Наш директор по хозяйственной части Хашим, который по габаритам не уступает Зозо, сидит на одной из газовых плит в позе Мыслителя Родена перед моим корпусом, с той лишь разницей, что вокруг него, вместо унитазов, сотня газовых плит. Уверена, он думал, с каким удовольствием он отколотил бы проклятого устроителя «фейерверка».

Глядя на эту картину, я прыснула со смеху. Я не поняла, что вспомнил Хашим (наверняка не «Серенаду»), но увидев меня он захохотал и сквозь смех говорит мне: «Это что, приходи минут через двадцать и ты ещё не так похочешь». Прихожу через час и вижу: на одной из газовых плит стоит Хашим, завернутый в белый шалвар-камиз, в руках держит гросс-бух и в позе оратора проводит аукцион.

- По какому принципу идёт продажа? – спрашиваю я,

- По принципу заслуг в деле развития «Барона»! – не растерялся Хашим.

Как я узнала, газовые плиты были раскуплены обслуживающим персоналом «Барона» за копейки в один миг.

Так закончилась очередная гуманитарная акция США-Афганистан, акция компенсации «психологической травмы».

Глава 5.

По вечерам я полностью переключена на Фейсбук, из которого следует, что нынче вся Грузия увлечена историей снятия с работы своего выдающегося режисёра Роберта (Робико) Стуруа. Протестуют все, включая самого Меэстро. А мне кажется, что наш Робико, на старости лет, сделал постановку шикарного спектакля и триумфально, по красному ковру, шествует туда, где его всегда ждут, где ещё знают его цену. А Руставелевский театр на определённое время попадает в руки махровых провинциалов и начнётся эра ожидания возвращения большого Меэстро - Робико. Разрозненной и побитой Грузинской оппозиции требовалась именно такая пощёчина потому, что кто, как не Робико Стуруа, как не Руставелевцы, кто способен в такой момент двинуть рукой, выйти на охоту? Не будь я заточена в эти четыре стены, я вообще не впутывалась бы в это дело. «Баронская» действительность в достаточной степени изменила моё мировоззрение. Я начала оценивать проблемы совершенно в другом измерении, ценности несколько видоизменились, я ушла далеко от «высоких материй», спустилась на землю. Меня очень смешат все проблемы, кроме миротворческих, мои Фейсбуковские друзья !

Сегодня я и Тато, как обычно, играли в пинг-понг в спортивном зале, который, как оказалось , одновременно был бункером: закрытый, без окон, с бетонными стенами, двухэтажный. Четырёхзальный «подвал» с внутренним балконом полностью покрашен в белый цвет. Поэтому стены не «давят» на психику находящегося там. Зал постоянно заполнен. Я здесь занимаюсь йогой и ежедневно, с семи до десяти вечера, принимаю участие в турнирах по настольному теннису.

Тато надоело играть с таким «фрайером», как я и он решил, что пока он здесь, он будет заниматься повышением класса моей игры. При этом, игра с прибавляющим учеником сама по себе интересна, но, что самое главное, он хотел, чтобы я в настоящих играх, с ним, и будущих играх, без него, достойно поддерживала честь Грузинского флага, под которым я выступала.

Что касается меня, я весьма азартный человек и часто вступаю в споры, когда это не надо. Здесь это не проходит. Поэтому мы оба очень захотели, сидьно напряглись и , под конец пребывания Тато в Афганистане, стали абсолютными чемпионами «Барона» по пинг-понгу.

- Твоё дело перебросить мяч на другую сторону сетки, остальное сделаю я сам, - говорит мне Тато и я готова, ценою собственной жизни, безошибочно

принять любую подачу и точно переправить пластмассовый шарик на другую сторону сетки.

Сегодня во время разминки к нам явилась Диана, которая сказала, что, по-видимому, будет объявлена тревога и надо заканчивать игру. Как она объяснила, в Кабуле, в особенности в Кабульском международном аэропорту, который буквально в двух шагах от нас, ожидается нападение террористов. Впервые я оказалась лицом к лицу перед реальной опасностью серьёзной тревоги. Как должен себя вести человек перед лицом такой опасности? Лично я не знаю. Тато, привыкший к жизни на русско-грузинской линии фронта, не спешит волноваться. А я от страха начинаю нервно хихикать.

- Я же говорила, что взятием Кандагара они не удовлетворятся, они хотят взять Кабул, я сама слышала это по телевизору ! – говорю я и нервно подаю подачу. Тато в ответ поднимает мне мяч под топку и я бью... Получается хорошо.

- Какого чёрта на старости лет я устроила себе эти приключения? Мама думает, что я в Америке. Вот вернут меня в цинковом гробу домой, как я посмотрю ей в глаза ? – пытаюсь я шутить.

- А я никак не могу влезть в бронежилет ! – говорит Тато и лупит такую топку, что шарик, ударившись о противоположную стенку с треском раскалывается.

- А я свой не могу сдвинуть с места, а каска на голову не лезет: маленький размер, - не уступаю я.

- Видимо твой и мой жилеты перепутали, надо поменяться!

- Знаешь что, мой оставь себе не память, а твоего мне не надо. Всё равно такую тяжесть я носить не смогу.

- Во время тревоги паспорта и другие необходимые документы надо иметь с собой! – подливает масло в огонь Диана, - у Вас нет такого опыта, поэтому я Вам заранее напоминаю.

Выглядываю в сад и вижу, что британский спецназ в полном составе расположился в саду и пьёт пиво.

- Это что такое ? – спрашиваю я Диану,

- Зато вся афганская охрана с автоматами расположилась на крыше над всей территорией «Барона» и в проходах. Если случится плохое, знай, что самое безопасное место- туалет. Нужно присесть в углу и ждать сигнал отбоя.

- Не хочу быть одна в туалете, я же с ума сойду ! Давай будем вместе, я дома одна оставаться не буду !

- Ладно, дорогая, пойдём ко мне,- говорит Диана,

- Конечно, пойду. А ты Тато ?

- Я пойду спать. Лучшего выхода из создавшейся ситуации я не вижу,- говорит Тато и зевает.

- Я одна не останусь ! – упрямо повторяю я,- вообще не зайду домой !

- Хорошо, тогда заснём втроём !

Короче говоря, я оказалась самая большая трусиха так как идею спать втроём никто не поддержал.

- Забирай свой жилет и пойдём ко мне,- говорит Диана.

- Этот жилет я не в состоянии сдвинуть с места, я предпочитаю смерть в туалете,- говорю я и на этом мы заканчиваем спор о преимуществах одной или другой квартиры. Диана продолжает моё обучение поведению во время тревожной ситуации (она месяц назад в Иордании прошла специальный курс по этому вопросу) с таким упорством, что я догадываюсь о необходимости знаний способов самозащиты, если не хочешь в критический момент кричать на разных языках: «Помогите !» Но это не помогает.

Я вспомнила, что утром, когда, вместе с Дианой, мы брали у охраны разрешение на посещение «Файнеста», дежурный охранник велел обязательно сообщить, когда вернёмся. Вернувшись я позвонила ему и сказала, что я, Манана, сообщаю, что вернулась. Он удивлённо спросил, почему я побеспокоилась и с трудом вспомнил, что он просил это.

Всю ночь я не спала в ожидании тревоги и встретила рассвет за описанием событий. Никакой тревоги объявлено не было, но со стороны базы НАТО я всё-таки зафиксировала звуки нескольких взрывов и сигналы тревоги. Пойми теперь, было всё это настоящее или была имитация ? На все эти вопросы ответы я получу утром от Алджазир. От наших ведь сто лет ничего определённого не узнаешь: стараются защитить нас от стресса. А тут ещё для снятия стресса поступил первый мейл. Ни много, ни мало, я получила спец-информацию от службы безопасности фирмы «Фермес», как надо вести себя во время объявления тревоги и список вещей, которые надо класть в «быструю сумочку» (Греб Бег, GRAB BAG). Секретную информацию сообщать не буду, но приведу список того, что надо класть в эту сумку. Кто его знает, когда может понадобиться знание того, что надо иметь с собой в подобной ситуации ?

Поскольку это общая инструкция, в список могут быть внесены изменения, в зависимости от специфики случая. Тут же вы должны помнить, что вес сумки не должен превышать 8 кг, что говорит о том, что в машину, кроме Вас должна быть уложена необходимая аппаратура и, что важнее всего, если необходимо, место должно остаться и для членов Вашей команды.

Итак, содержимое «Греб Бег»:

- Паспорт;
- Удостоверения с отметками местных организаций или посольства;
- Самые главные документы, удостоверяющие личность и их копии;
- Водительское удостоверение и другие документы, связанные с автомобилем и 500.00 долларов США наличными;
- Кредитные карточки и необходимые личные записи;
- Список оставленных вещей;
- Пять смен одежды и носок;

- Гигиенические средства;
- Медикаменты и предметы первой помощи;
- Кремы, защищающие от насекомых, противоожоговые кремы и кремы от солнечных ожогов;
- Туалетная бумага;
- Питьевая вода.

В определённых местах Вам может понадобиться спальный мешок, простыня или занавеска, защищающая от комаров.

Что касается медикаментов, напоминаем, что Ваша бронированная машина и охрана снабжены всеми средствами против травм и тяжёлых ран. И всё-таки имейте с собой:

- Имодиум (Imodium);
- Регидрационные порошки (Rehydration powders);
- Разные бинты (Bandages various);
- Медицинская лента (Medical tapes);
- Антисептические средства (Antiseptic solutions/cream);
- Глазные капли (Eye drops);
- Ушные капли (Ear drops);
- Антигистаминические кремы (Anti-histamine cream (Anthisan));
- Парацетамол (Paracetamol);
- Ибупрофен (Ibuprofen);
- Лейкопластыри и перевязочные средства (Plasters/Band-Aids);
- Мокрые салфетки (Wet wipes);
- Стерильные марлевые компрессы (Sterile gauze pads);
- Противотошнотные средства (Anti-nausea tablets);
- Латексные перчатки (Latex gloves).

Надеемся, что наш указатель поможет Вам в укладывании Вашего «Греб Бега». Сумку положите на самое видное место так, чтобы в нужный момент не нужно было бы её искать и можно было бы быстро её захватить с собой: кто знает, что может произойти !

Должна Вам рассказать одну историю, связанную с бронированным лэндкрузером.

Я и Набила возвращались из Баги-занана (помните, – женская бахча). Был час пик и мы попали в «пробку». Во время попыток пролезть между машинами, наш джип носом наехал на одну задрипанную, старую, неизвестной фирмы и марки легковую машину. Столкновение было мягким, но нам пришлось всё-таки съехать к тротуару и остановить машину. Мы напряженно следили, что будет ?

Из легковой машины, которую мы ударили, один за другим вылезали один, второй, третий и т.д. пассажиры. Их было до десяти человек. Женщина в бурке, которая вышла из машины последней, была с грудным ребёнком на руках. У меня сжалось сердце, но к счастью ни с машиной и не с людьми ничего не

случилось. Водитель и шутер вызвали из «Барона» ещё один джип, чтобы отвезти нас домой.

Я и Набила вышли из машины на тротуар. Я посмотрела на наш громадный шикарный лендкрузер со стороны, с которой мы проехали боком по той машине и обомлела: передняя правая сторона лендкрузера почти полностью была снесена, бампер – сломан и отброшен, фара разбита и вмята в корпус и ещё много чего, названия которых я не знаю, было развалено и разбито. Всё выглядело так, что у афганских пострадавших, уверена, слёзы жалости появились на глазах.

- Да, но разве такая машина так должна развалиться при первом же несильном столкновении? – попыталась я пошутить.

- А Вы почувствовали удар? – спросил у меня шутер.

- Так себе, почти нет.

- Вот поэтому-то всё наружное сломалось, чтобы Вы внутри не почувствовали удар!

- Хорошо что с этими афганами ничего не случилось, видели маленького ребёнка, с ним всё в порядке? – нервно спрашивала я.

- Всё в порядке, скоро наши приедут и заберут Вас домой, не нервничайте.

Через несколько минут за нами пришёл второй джип, который срочно увёз нас в «Барон». Набила всю дорогу молча молилась, а я, наоборот, не могла остановиться и, по-моему, несколько раз пересказала новому водителю всё, что с нами стряслось.

Глава 6.

В то утро «Альджазира» ничего скандального не передала, за исключением того, что в Кандагаре, как обычно, произошли факты самовзрывания, которые повлекли за собой гибель 2-х или 3-х местных полицейских.

Зато кипит и перекипает взрывами соседний Пакистан. Что касается Грузии, она нигде и никем не упоминается ни как гнездо терроризма, ни как колыбель криминала, ни как факел демократии. Как сказал бы наш брат-кавказец из кинофильма «Кавказская пленница»: «Обидно, да!»

В Грузии сейчас «застойная» тишина, мир и покой (если не считать скандал с изгнанием Робико Стуруа). Так что как говорят в Сванской Академии, – «скучаем!». Эти российские соседи тоже что-то кимарят, – ни разу не гульнули, с автоматами наперевес, в нашу сторону. Все приуныли, стихли. Только хозяева «Речных Плотов» в Фейсбуке громко шухарят, что, мол, не дадим «выплеснуть нас на помойку!»

Помню, в молодости, когда местный ЦК Комсомола организовывал в Бакуриани ежегодные симпозиумы, куда наезжали как активисты, так и дисиденты, Гия Перадзе очень любил приезжать туда и ласково называл их «спиртбозиумами» («бози» на грузинском «блядь»; тогда, кроме основного значения, «бозиумом» называли и женское курение), в зал заседаний изредка забегал Парна Закарая и громогласно объявлял, что тот, кто желает отmaterить существующий Советский Союз, может подняться на второй этаж, в десятую комнату. Вот такой «застойный» период был у нас, у тогдашних «комсомольцев». Что явилось причиной этих воспоминаний – не знаю, но вечером хочу засесть за Фрейда, может с его помощью разберусь в ситуации.

А сейчас Правительство Грузии, в полном составе «рвануло» в Батуми для открытия Доиашвилевским спектаклем «Кето и Коте» «нового летоисчисления» в развитии Грузинского театрального искусства. Правда, премьера спектакля вызвала большое волнение в соответствующих кругах общества, но ровно через несколько дней трагикомедия «Бассейн», поставленная президентом в нетрезвом состоянии в зоне батумской гостиницы «Интурист», явно перекрыла «волнение умов», сильно ранив физически и психологически ведущих участников спектакля: нескольких действующих министров женского рода, работников президентского пресс-центра, нескольких фотографов и «суперзвёзд». Другими словами, в Грузии, если не считать редких, небольших по амплитуде стокатто, полная прострация: оппозиция протестует в допустимых пределах, руководство страны упивается своими совершенно потрясающими (как они сами считают) успехами, а на страже подобного, удобного для руководства баланса, стоит не меньше, не больше, сам Вано Мерабишвили со своими «опричниками» из МВД Грузии и патрульной полицией. Объяснять, какая это сила, я не стану.

Господи, куда же меня занесло? Где «Барон», а где гримасы Розовой Революции... Опять без Фрейда не обойтись... А вот и он... Наш головной офис для работающих в Афганистане прикомандировал сюда эксперта-психолога по вопросам «снятия стрессов» и «создания команды». Но во время первого же группового сеанса я так раскритиковала политику, стратегию, тактику и менеджмент проекта, что на второй день меня хотели отправить домой, в Грузию, но психолог Дин Грасс представил обо мне наилучший отзыв (наверное написал, что больше всех нуждаюсь в лечении) и включил меня в следующие свои сеансы в основную группу, которая представляет собой международную команду, укомплектованную представителями разных стран, что означает, что, после выезда из Афганистана, он будет поддерживать связь со мной и получать от меня результаты наблюдений из «стрессовой зоны». Связь должна была быть осуществлена по Скайпу. Дни и часы сеансов связи мы оговорили. На телефонную связь мы должны были выходить один раз в месяц.

На первый сеанс связи он меня поймать не смог, так как я со своей командой играла пинг-понг и совсем забыла про звонок. Второй сеанс также не

состоялся потому, что я его проспала. А третий звонок прозвонил в кульминационной ситуации тревоги и я, с перепугу говорила с ним так, что он поспешно попросил перенести разговор на неделю.

В течении той недели в «Бароне» дважды объявлялась тревога и сеанс телефонной связи снова не состоялся. Под конец мы связались друг с другом, но теперь уже он был в такой депрессии, что мне весь вечер пришлось снимать его стресс. Через месяц мы ещё должны связываться с ним. Посмотрим, кто из нас и в каком состоянии подойдёт к этой дате.

Однако, вернёмся к нашему «Барону» (как хочется сказать, к Кабулу или к Афганистану, но как? Я ведь не там? Я, - в «Бароне»). Вчера, вместе с Дианой и Френсис была в «Чиано». Это итальянский супермаркет, - здесь же, по соседству с «Бароном». Я уже с закрытыми глазами могу ходить в этих местах (разумеется в бронемашине). Никаких дел у меня там не было, но было большое желание хоть на немного времени покинуть территорию «Барона».

Опять вокруг меня пыльные улицы окраин, грязные дома и неопрятные уличные прилавки, старики-мусульмане, завёрнутые в обесцвеченные от пыли и выгоревшие от Солнца одежды, в чалмах; черноглазые, очень красивые, неумытые дети голышом, вываливающиеся в уличной пыли. «Все дети красивые», - скажете Вы, но таких чумазных и таких красивых можно увидеть только в кино и только в Афганистане. На девочках ещё короткие платья, но головы уже покрыты косынками. Из под длинных черных ресниц, на Вас смотрят изумрудно-зелёные глаза. Они весело провожают бронированный автомобиль и приветливо машут руками. Я тоже машу им, да ещё посылаю воздушные поцелуи, что вызывает их смех.

В «Чиано», если даже ничего не купишь, кроме продуктов первой необходимости, всё равно выходишь без 50-ти Евро. Я поклялась было, что ноги моей здесь больше не будет, но тут же вспомнила, что это одно из средств отдыха от «Барона». В «Чиано» я поймала себя на том, что веду себя подобно собаке, выгуленной за город в поле, которая бежит без какой-быто ни было определённой мысли в совершенно разных направлениях. Одна маленькая банка горчицы, килограмм сахара, небольшая упаковка сосисек, 200 граммов сыра и две бутылки грейфрутового сока обошлись мне в 62 Евро. Если об этом узнает мой муж в Тбилиси, он тут же «покончит» с собой потому, что за 20 лари (приблизительно 12 долларов США) он приносит домой половину Навтлугского базара.

Ещё одно такое «Чиано» имеет место у нас в «Бароне», - минимаркет, в котором продаётся всё, кроме мяса. Здесь тоже цены кусаются по-страшному с той лишь разницей, что здесь торг уместен и, после достижения взаимного компромисса, ограбленный покупатель довольный покидает минимаркет.

Хозяин минимаркета и продавцы, молодые, весёлые (иногда чересчур) ребята очень «созвучны» с ребятами из охраны и с нами. Это как раз те молодые

люди, которые обнаружили, что моё имя «Тётя (по грузински –дейда) Манана» на пуштунском означает «Большое спасибо». Мне они цены снижают и приговаривают: «Это цена тёти Мананы». На самом деле это не так, но я всё равно довольна. Даже их собачка для меня хвостом виляет по другому, будто говорит мне: «Тётя Манана», а хозяина это веселит и он уверяет, что эта его собака ест только из рук тёти Мананы.

Хозяина собаки зовут Наджибула. Это стройный молодой брюнет в военной форме, по специальности кинолог. Со своими двумя собаками, он работает в службе безопасности «Барона». Уже несколько лет в разных провинциях Афганистана Наджибула воюет со своими собаками против талибанов. Его собаки ищут и обнаруживают бомбы, мины и прочую разную взрывчатку. Белый с чёрными пятнами спаниель «Бруно» и его напарник ротвейлер (по имени не Бруно), - штатные сотрудники «Барона». Бруно моё любимейшее в «Бароне» создание и поэтому у Наджибулы выработалась ко мне особая симпатия. Он всё время хочет мне сделать что-нибудь приятное. Однажды он даже показал мне вещь, которая представляла собой прекрасное национальное изделие,- настоящее произведение искусств: вязанный бисером голубой браслет-перчатку с закреплёнными на ней пятью кольцами. Между браслетом и перстнями был выткан, тоже бисером, распустившийся розовый бутон: великолепная вещь.

- Это что за красота,- воскликнула я, - откуда она у тебя ? - Я тут же начала натягивать красоту на руку. Браслет очень ловко сел на мою кисть, но пальцы в кольца не лезли.

- Тебе нужен размер больше,- с сожалением сказал Наджибула,- целую неделю я работал над этим и видишь, всё-таки ошибся !

- Потрясающая вещь, Наджибула, ты что сам это делаешь ?

- Да, это очень трудно выполняемая вещь, но я люблю этим заниматься.

Правда, делать её очень долго. Повесь её на стене.

- А сколько она стоит ?

- Семьсот долларов,- улыбается он,- эту я продам другому, а тебе сделаю другую и подарю.

- Нет, я так не хочу, я тебе заплачу, я знаю, сколько на самом деле стоят такие вещи.

- Денег я у тебя не возьму, ты мою собаку виноградом кормишь и она очень любит тебя, не отказывает тебе в этом удовольствии,- улыбается Наджибула, поглаживая Бруно по голове.

- Что ты говоришь, а я думала твой Бруно с ума сходит от винограда, но ты же его кормишь !

- То, что я его кормлю,- это так надо. Бруно знает это и не смеет мне отказать. Удивительно то, что он тебе не отказывает.

- Хорошо, что ты мне это сказал, не то у меня для него была приготовлена целая кисть.

Неожиданно Наджибулу вызвали по рации и он ушёл вместе с Бруно, забрал собой браслет и удаляясь крикнул мне, что для меня сделает лучше. Я глядела вслед Бруно, бегущему задремав хвост за своим афганским хозяином и перед глазами промелькнули кадры из гениального фильма моего детства «Белый Бим - чёрное ухо». Бруно и Бим очень похожи были друг на друга, чего нельзя было сказать о Наджибуле и Тихонове.

Глава 7.

Я и Дахунда сидим в одной комнате. Образованный и способный молодой человек 32-х лет от роду. У него жена и двое детей. Он тот человек, который рассказывает мне про Афганистан. Он очень хороший рассказчик и знает, что я делаю литературные зарисовки. Он хочет, чтобы я правильно видела всё. Сначала, пока я всё это поняла, я задавала ему вопросы очень осторожно:

- Сколько лет тебе было, когда ты женился ?
- Двадцать пять.
- Когда моему сыну было 25, он уже был женат второй раз,- приврала я.
- А у Вас закон не запрещает жениться второй раз ? – спрашивает Дахунда.
- Закон не запрещает, если ты официально разведён с первой женой.
- Да-а...
- А ты можешь по закону иметь вторую жену ?- спросила я, зная ответ.
- Конечно могу; я могу иметь четыре жены. У моего отца, например, две жены.

- У меня тоже есть знакомый, у которого две жены, но вторая жена неофициальная, хотя семья и близкие знают об этом и никто не возражает,- успокаиваю я Дахунду. От одной у него двое детей, от другой,- трое.

- Живут они отдельно ?
- Разумеется !
- Мы все живём вместе: отец со своими женами и детьми. Только мой старший брат со своей семьёй живёт отдельно, но очень близко,- в соседнем доме. А младший,- только что женился и живёт с нами; Поэтому у нас очень много тётъ и дядь.

- Две жены вместе у нас нельзя. И отдельно нельзя. В редчайших случаях бывают исключения, но я знаю это по наслышке. Представляю, что будет, если в Грузии две или три жены одного мужа попытаются жить вместе, что они сделают или с этим мужем, или друг с другом: ни у кого на голове ни одного волоса не останется.

- У нас это зависит от мужчины, Мой отец так поставил дело дома, что жёны не смеют сказать друг другу громкого слова. Уважительно относятся друг к другу. Вместе растят детей при полном покое и взаимопонимании. Это потому, что решающее слово всегда за отцом. Он никогда не даст женщине возможность вмешаться в процесс принятия решения. Особенно в тех случаях, когда дело касается семейных взаимоотношений. Он говорит, что если в семье происходит что-то не то, то ответственность за это ложится на него.

- Да, но если одна из жён любит его больше другой, ревнует его к ней и чувствует себя обиженной ?

- За это он тоже в ответе и, надо сказать, что все эти дела у него отлично налажены: он никогда не унижит одну в присутствии другой, деньги на покупки даёт обоим строго одинаковые и всегда покупает две одинаковые, равноценные вещи обоим. Так он относится и к своим детям. Чтобы убедиться, что он прав, надо посмотреть, что творится между женами в семье у наших соседей: это - ужас. Отец мой - крепкий парень !

- Чтож, он на самом деле крепкий мужчина,- соглашаюсь я и жду продолжения рассказа.

- Он, – военный и на своей работе поддерживает такой же порядок. Он,- главный аудитор Афганской полиции.

- Так бы и сказал, что твой отец кадровый военный. Нарисовал картину такого семейного порядка, такой семейной гармонии, что я уже начала подумывать об изменении вероисповедования. А под конец выясняется, что человек, в силу своей должности, держит в строгом порядке финансы всей Афганской полиции. Думаю, что держать в строгом порядке двух женщин в семье, для него не проблема,- мы оба смеёмся.

- А ты, как легко ты оказывается обращаема ? А говоришь, что грузинские женщины так мол и так, ради христианства..., где твой адат и самопожертвование ?

- А там, мой дорогой Дахунда, где эти женщины, о которых я тебе рассказывала, что ради христианства ушли и вышли за...- А если тебе захочется, ты можешь привести ещё одну жену ? – поменяла я тему разговора.

- Если захочу, кто мне помешает, но сейчас я не хочу ! – горделиво говорит Дахунда.

- А право на развод у Вас есть ?

- А как же, у мужчин есть, а у женщин нету. У женщин есть право выбора. Перед выходом замуж её спрашивают, хочет ли она, чтобы этот мужчина был её мужем ? В момент, когда она соглашается, прекращается право женщины принимать какие-либо решения. После этого поменять своё решение она уже не может, если мужчина сам этого не захочет. Но возникновение у мужчины желания развестись,- для любой женщины ужасный стыд и трагедия. В вопросе расторжения брака мужчина тоже не обладает большой свободой: для этого

должны быть достаточно веские причины. Мелочи типа «не сошлись характером» здесь не проходят.

- Как интересно...

- Для мусульманина изгнание женщины из дома, большая трагедия.

Например, если умирает член семьи, мужчина, то жену умершего стараются не отпускать из семьи. Иногда она становится женой брата. Правда бывает, что таким образом молодому мужчине достаётся жена умершего брата в возрасте. С целью компенсации, он может привести вторую жену, молодую и желанную женщину.

- Конечно, его жалко. Должна же быть у него хотябы одна жена, на которой он женился по любви. Такое стремление совершенно объяснимо, что если бывшая жена брата ему не нравится и он ищет любви, это ему должно быть разрешено,- соглашаюсь я с Дахундой и чувствую, как стараюсь найти оправдание этим для меня совершенно чуждым и непонятным неписанным законам.

Было бы ошибочным возмущаться тамошними правилами жизни и спорить по поводу их правильности. И, как отдушина, в связи с этим, я вспомнила старый анекдот, когда группу грузинских туристов захватило в плен племя канибалов. Вождь племени собрал совет, на котором было решено: всех персон мужского рода изнасиловать, а женщин съесть. При объявлении приговора грузинские женщины резко запротестовали: обычно насилуют женщин, а мужчин убивают и едят. Откуда такой обычай? «Это, генацвале, старый и добрый местный обычай», - спокойно и убедительно отвечали грузинские мужчины, жизнь которых была спасена, грузинским женщинам, приговорённым к смерти.

Как можно было прицепить этот вспомнившийся анекдот к рассказанному Дахундой, я не знала, поэтому я решила снова обратиться к «Потоку подсознания» Фрейда. Но всё равно я сомневаюсь, чтобы у закомплексованного Фрейда был ответ на простейшее народное уравнение: откудашний обычай? – местный, и всё тут!

Для таких совершенных персон, как Дахунда, с хорошим высшим образованием, с большим опытом работ в международных организациях, с ясным умом и большим чувством юмора, человеком, который по горло сидит в интернете, всё рассказанное выше,- обычная Афганская жизнь со своими писанными и не писанными законами и причин, по которым надо изменять её, он «в упор» не видит.

- Моя жена говорит мне, что хочет начать работать учительницей. Я переспросил её и выяснилось, что она будет зарабатывать что-то около 200 долларов. Я говорю ей, что эти 200 долларов я тебе заплачу, только сиди дома и учи детей дома,- говорит Дахунда и начинает смеяться, глядя на то, как от сказанного у меня изменилось лицо.

Дахунда напоминает мне моего зятя Гогиту, у которого никогда не поймёшь, шутит он или говорит всерьёз. У Дахунды хорошее чувство юмора и на афганские «абсурды» он смотрит с позиции «доброй сатиры». Самые ошеломляюще-возмутительные новости он преподносит так, что от смеха можно надорвать животы. А самыми интересными из его рассказов являются истории из новейшей истории Афганистана. Например, выясняется, что при режиме талибанов очень популярным было посещение английских и компьютерных курсов (как у нас, после Розовой революции и сейчас).

- Ты что говоришь, я не верю, везде написано, что талибаны запретили кино, театры, музыку, книги. За всё это полагалась тюрьма или ссылка. На кой черт им тогда нужны были английский язык и компьютеры. Они ведь и университеты запретили и школы закрыли...

- Это для женщин, а мужчины могли учиться на любых и любого количества курсах. Что касается школ, в течение двух лет все школы Афганистана объединили в несколько школ, куда мы ходили только сдавать экзамены, которые происходили в запросно-ответном режиме, полный абсурд, «блиц-интервью». Так мы переходили из класса в класс.

Во времена режима моджахедов какие-то новации всё-таки имели место: как известно из новейшей истории Афганистана, после падения Советского Социалистического властвования, установился режим моджахедов и, как бывает во всякой уважающей себя стране, начинаются внутренние войны. У нас друг на друга «наехали» живущие в Афганистане пуштуны, хазары и таджики. Кабул в то время был оказывается разделён на зоны, из-за чего человек не мог свободно попасть из одного квартала в другой. Если нарушители границ попадались, их строго наказывали. Хазары, внешне, очень легко отличимы от других афганцев, особенно формой носа и скулами. Они – монголоидная раса. Пуштуны и таджики, - арийцы. Отличить пуштуна от таджика трудно. Но во время режима моджахедов, для того, чтобы опознать друг друга, афганцы, чтобы не мучаться, обратились к лингвистически-фонетическому способу контроля. Дело в том, что слово «круд», которое на языке Дари означает выжатое мацони, таджики, для которых Дари родной язык, произносят как «к» горловое и «руд». А пуштуны, чей родной язык Пашту, произносят это слово «к» мягкое и «руд». Фактически это слово стало паролем.

- А если у меня дефект речи ? – пытаюсь «кинуть» Дахунде интригу.

- Нет здесь дефект речи не проходит. Скажи спокойно и правильно «круд» и гуляй на все четыре стороны, - смеётся Дахунда и продолжает,

- Один из домов нашей семьи оказался тогда на территории хазаров и я тихо ходил туда посматривать за ним. Несколько раз постовые останавливали меня и, когда выяснялось, что я таджик, они давали мне в руки большую лопату и велели копать окоп. До середины дня я копал окоп на границе пуштунов и

таджиков, после чего они освобождали меня, сменив на вытасненных из проходящего автобуса двух таджиков.

- Ещё хорошо, что отпустили с миром,- смеясь сказала я.
- А что ещё они должны были сделать, я целую неделю после этого не мог нормально разогнуться.
- Ты мне скажи, пожалуйста, сколько ещё домов у Вас в разных районах ?
- Семь домов и столько же магазинов.
- Выходит, Вы довольно богатые ?
- Ну не жалуемся, но откладывать деньги не удаётся потому, что все мои сёстры ходят в частные школы, образование братьев тоже очень дорого обходится, так что сколько входит, столько и тратится: ведь не секрет, как дорого обходится содержание большой семьи.
- А почему ты со своей семьёй не выделишься ?
- Потому, что не хочу. Сейчас мой младший брат женился и мы ещё больше расширимся. Думаю, что придётся надстраивать третий этаж вместо выделения из большой семьи. Так жить для всех удобнее и лучше, – говорит Дахунда улыбаясь. Он знает, что я с незапамятных времён живу отдельно и не уверена, в том, хорошо это или плохо. Может было бы лучше, если бы всю свою жизнь жила бы с папой и мамой.
- А у Вас разделено имущество с братьями ?
- Всё имущество принадлежит моему отцу. Иногда он говорит: это ему, это другому, но только устно. Он единоличный распорядитель имущества. Меня никто не заставляет оставаться, могу отделиться, но у меня нет такого желания. Лучше я надстрою этаж. Мой старший брат же живёт отдельно. Ему так больше нравится, мне эдак...

Беседуя таким образом мы забыли, что на площадке «Барона» сегодня состоится соревнование по воздушным змеям между проектами. Всю неделю я с нетерпением ждала этого дня и тут, благодаря историям Дахунды, чуть не забыла про это. Мы как сумшедшие вылетели во двор «Барона», но соревнование было окончено и двор готовили к «Пикнику». Хорошо, хоть к этому мероприятию мы не опоздали.

Глава 8.

Над моей головой ежедневно порхают словно бабочки десятки воздушных змеев и потому мой взгляд почти всё время направлен в небо. Наблюдение за ними подобно долгому умиротворённому созерцанию огня или долгому наблюдению за морем. Воздушный змей такая же неотъемлемая часть афганской культуры, как у грузин...ну, скажем, какое развлечение ? Затрудняюсь найти грузинскую аналогию, но, пожалуй,- это застолье, потому, что за свои 60 лет, такого

повального увлечения чем-либо другим, в Грузии я не наблюдала. Не даром самая популярная книга об Афганистане, «Бегущий с воздушным змеем» Халеда Хоссейни (эта книга переведена на русский язык под названием: «Бегущий за ветром»).

Воздушный змей – любимая игрушка афганцев и, когда бы ты не взглянул на афганское небо, там всегда порхает один-другой змей, пёстрый, трапециадальной формы, формы ромба, вытянутый, цилиндрической формы и т.д. Трапеция, видимо, классическая форма афганского змея и в воздухе, в основном, летают пёстрые воздушные змеи такой формы. Глядя на них невольно забудешь, что уже более 30-ти лет небо этой страны было прибежищем пуль, снарядов и порохового дыма, но несмотря на это змей, такая независимая штука, что врежется и в этот туман.

Короче говоря, хочу сказать, что парочка змеев всегда украшает афганское небо, а в меня вселяет хорошее настроение. За этой громадной стеной с колючей проволокой находятся поселения бедняков, которые живут в домах, построенных из глины. Но, несмотря на то, что у этих людей нехватка еды и питья, воздушный змей всё равно висит над их глиняными домами. Змей трепыхается так далеко в небе, что соединяющая верёвочка не видна. из-за чего он похож на крупную птицу с расправленными крыльями парящую и играющую над «Бароном», окруженным железобетонными стенами с колючей проволокой.

- Афганцы могут жить без воздушных змеев ? – спрашиваю я у Дахунды.
- Ну что ты хочешь ? Сейчас сезон. Дети развлекаются. Раньше были сравнительно короткие верёвочки, а сейчас змеи моделированные с большими катушками. Поднимешь змей на любую высоту. Много бегать нет надобности. Управлять змеем можно не сходя с места.

- А зимой что Вы делаете ?
- Змеи и зимой весьма популярны. В Афганистане дети очень увлечены воздушными змеями, в особенности летом . Это – наиболее популярное их увлечение.

В хорошую погоду запускать воздушные змеи нравится всем. Поэтому небо в такое время пестрит змеями. Управлять полётом змея довольно трудно. Во время соревнований участники стараются перерезать верёвочки друг друга и тот, кто останется последний, становится победителем. Верёвочки такие острые, что, если специально не обвязать руку скотчем, к концу соревнований останешься без пальцев.

- В детстве я очень любила воздушные змеи, но в наше время это была большая редкость. В России у «летающих змеев» гораздо больше последователей. Во Франции тоже устраиваются турниры летающих змеев, но у них правила соревнований отличаются от наших.

- Да, я тоже так слышал тем более, что правила управления змеями придуманы европейцами. У нас соревнования змеев происходят без правил, никаких штрафов. Все действия оправданы, если они завершаются победой.

- Это как война ?

- Да, как любое соревнование. Искусство управления змеем зависит от работы пальцев рук. Соперники беспардонно перерезают верёвки или тонкие тросики друг другу, стараясь при этом не повредить пальцы.

Во время рассказа о запуске и управлении змеем, подошло время Дахунды молиться и он отправился в молитвенную комнату. А я направилась в мой любимый сад «Барона». Присела на Солнышке, подняла взгляд на небо и снова окунулась в мир порхающих воздушных змеев, от которых трудно было оторвать взгляд. Неожиданно, два змея оторвались от небосвода и, как подбитые птицы, начали стремительно падать. Удар о землю я не видела так как между мной и местом падения - железобетонная стена семиметровой высоты. Хочется кричать: «Не делайте этого ! На таком большом небе оставлять одного змея жалко !» Но змеи падают с неба один за другим и я ничего не могу сделать для прекращения этой бойни. «Прекратите, сжальтесь, сжальтесь», - хочу я прокричать. Но в «Бароне» кричать запрещается. Крик, без особой на то причины, «карается по закону».

Я смотрю на оставшего в гордом одиночестве огромного трёхцветного змея (цвета Афганского флага) и вспоминаю комплекс Короля Лира: «И я разыдался как всеми покинутый Король Лир». В «Бароне» от таких вещей у меня начинают течь слёзы. Оставшийся в одиночестве «Змей»-Император несчастен, как Понтий Пилат, он носится от одного конца небосвода к другому будто хочет вырваться в космос. А вместо этого он подрбно копьё врезается в землю и на этом кончается его короткое, как жизнь бабочки, существование. Король умер, да здравствует Король ! Завтра вновь взлетят в небо воздушные змеи и, кто падёт на землю последним, никому не известно. Как говорит мой ассистент Мустафа: «это, – жизнь !»

Я вернулась из сада, а Дахунда из молитвенной комнаты и мы продолжили беседу. Но прежде, чем я перейду на новые темы, о которых мы начали говорить, должна сообщить Вам, что в соревнованиях змеев победил наш сотрудник - Хашим. Он заведует хозяйственной частью и, как полагается работнику его должности, достигшему сорока лет, он похож на несколько пополневшего торгового работника с весёлым и хитрым взглядом. Мне показали его фотографии во время соревнований змеев, что оказалось для меня большой неожиданностью. На фотографиях он выглядел симпатичным, спортивного вида человеком среднего возраста с фигурой и осанкой танцора. Эта жизнь, мой Мустафа, - подумала я. Змей украшает дух и тело Афганского народа. Поэтому полёты воздушных змеев в небесах не прекращаются.

На свадьбу брата Дахунды, видеозапись которой он мне показал, было приглашено 1500 человек. Для иностранных гостей это была историческая свадьба: все они были одеты в национальные афганские одежды с масудовскими головными уборами и все, без исключения, самозабвенно танцевали. Вдоль стен стоят мужчины в возрасте и курят кальян, а остальная тысяча или больше танцует до упаду. Что-то вроде нашего шалахо с чеченским уклоном в современной модификации. Танцующие, вращая помутневшими глазами, приглашают друг друга к танцу. Работа ног и бёдер в танце, - невероятная. К этому добавляется экстаз самодовольства и кульминация кайфа. Действительно большая ответственность невесты увенчать от имени Аллаха космический экстаз.

Всё, что я только что описала происходит в мужском зале. Видеозапись происходящего в женском зале Дахунда разумеется не сделал. Если верить роману «Книготорговец из Кабула», норвежского журналиста и писателя Осне Сейерстада, в женском зале происходит приблизительно то же самое. И здесь идёт безудержная танцулька. Загримированные до полной неузнаваемости афганские женщины, которые в обычной жизни и муху не обидят и чирикают как птички, в головоломном вызывающем танце впадают в полный экстаз и щипают друг друга за ляшки, груди и другие мягкие возбуждающие места. В таком перевозбуждённом состоянии, наконец, происходит встреча невесты с не менее перевозбуждённым женихом. Поэтому в первую брачную ночь должен произойти или конец света, или полностью обессиленная пара должна мирно заснуть друг рядом с другом до утра. «Да, Восток действительно дело тонкое», - сказал бы товарищ Сухов из известного, уже упомянутого мной, советского фильма «Белое Солнце пустыни». Я тоже так считаю.

Наджибула и его пёс Бруно сегодня позировали перед объективом моего фотоаппарата. Наджибула не обижается, если я забуду его имя, но он мне не простит, если я забуду имя Бруно. Сам он совсем молодой человек с типичной афганской внешностью, простой смуглый худощавый парень, с волосами цвета крыла чёрного ворона и такого же цвета глазами и с удивительно пропорциональной фигурой. Короче, он мог бы стать голливудской звездой, еслиб знал это. Поэтому он очень непосредственный, а иногда немножечко смешной со своими военизированными собаками, которые так натренированы, что свободно могут тягаться с цирковыми собачками.

Наджибула – афганец, пуштун; Бруно – датская ищейка. Белый с чёрными пятнами, пёс натаскан на поиск мин и оружия. Боюсь даже подумать о том, что в один прекрасный день он может взорваться на mine и тогда Наджибула останется один на один с тем чёрным ротвейлером, который мне совсем не нравится. На всех без разбора он рычит, а Наджибула говорит, что это его дурной характер, на самом деле сердце у собаки доброе.

- А вдруг Бруно взорвётся на mine ? – вырвалось однажды у меня,

- Ты что говоришь, мой Бруно мину за сто метров чуёт. Сядет в двух метрах от неё и не трогается с места. Скулить будет до тех пор, пока ты не обезвредишь мину. Очень умный пёс. Пока не ошибался, - успокивает себя Наджибула и в доказательство сказанного, прячет в отдалённом уголке сада под лавочку испытательную холостую гранату.

Именно тогда, когда совершенно случайный человек садится на эту лавочку, Наджибула командует Бруно: «Ищи !» И тут начинается забава: Бруно прорывается к лавочке и начинает копать передними лапами землю под ней. Человек, сидящий на лавочке, сначала ласкает Бруно как бы спрашивая, что ты здесь ищешь, что копаешь ? Потом его начинает беспокоить вопрос, а почему ищейка так упорно копает в одном месте. А в конце, догадавшись, что это может быть мина, человек, как ошпаренный взлетает с лавочки и сломя голову уносится на безопасное расстояние. Еслиб в этой шутке главным действующим лицом не был бы Бруно, население «Барона» по другому бы разговаривало с Наджибулой. На «чёрный» афганский юмор Наджибулы, из-за участия в нём Бруно, население «Барона» смотрит сквозь пальцы.

Сегодня я проснулась поздно и без обычного кофе понеслась на работу, где, вот уже сороковой день не то, что кофе, нам даже воду не дают. Я, конечно, пожаловалась Дахунде, упрекнув его в том, что за всякими своими заботами, во всём офисе людям негде утолить жажду. В добавление я заметила ему, что мы тоже постимся, но от этого никто кругом не страдает. Он искренне удивился, что в офисе явный дефицит питьевой воды и помчался сообщить об этом начальству. Скоро он вернулся с сообщением о том, что в зале заседаний накрыт огромный стол со сладостями для всех и можно туда тотчас пожаловать. В одном из углов зала заседаний в действительности был накрыт стол с четырьмя разновидностями трёхэтажных тортов и всякого рода пирожными. Кофе с молоком, чёрный кофе и чай в термосах. Большой выбор прохладительных вод и соков завершал этот натюрморт.

Я осмотрелась: в зале, помимо иностранцев, которых представляли я и русский Андрей, были только афганцы. Они освобождают мне коридор к сладостям. Афганские женщины сидят отдельно в одном из углов зала. Они не мешаются с мужчинами. «Лейдиз ферст» - говорит мне афганский коллега и уступает мне очередь. Я выбираю, что мне хочется и направляюсь к женщинам. Сажусь рядом с одной красивой женщиной. Несмотря на то, что стол очень длинный и часть людей стоят на ногах, мест не хватает.

Стол ведёт на Афганском языке заместитель директора проекта Сафир Сафари. Из его выступления я, естественно, ничего не понимаю, но вдруг выступает «Кари» (человек, который наизусть знает весь Коран) и поёт несколько сур из Корана. Люди, сидящие за столом, те, которые сидели на полу и просто стояли опускают головы, складывают руки на груди и самозабвенно молятся. Я сижу неподвижно и мои глаза почему-то наполняются слезами.

Одновременно мне не хочется, чтобы это кто-нибудь увидел. Кари заканчивает пение. Мусульмане поднимают руки к небесам и восхваляют Аллаха. Мне становится тепло и я шёпотом начинаю читать «Отче наш». Мои глаза снова заполняются горячими слезами и я точно чувствую, что в сей миг он со мной и с теми мусульманами, которые оказывается молятся за упокой души совсем недавно усопшего дяди Роия.

Согласно здешним правилам, перед началом застолья обязательно произносится молитва за упокой души недавно скончавшегося близкого человека, после чего начинается застолье и времяпрепровождение. Есть определённое сходство с нашими традициями, но у нас с этого не начинают и, сразу, после поминания безвременно ушедших в лучший мир, следует тост за жизнь и счастье.

Я и Дахунда и этот вопрос не оставили без внимания и детально его рассмотрели. Выяснилось, что между нами и ими нет никакой разницы ни в духовности, ни в возрастных ограничениях. И в доказательство этого был приведён пример несуществующего возрастного барьера между Зурикелой и Илларионом из книги моего отца.

Глава 9.

Набила и Гюль очень жалеют меня из-за того, что мои выходы из «Барона» весьма и весьма ограничены. После долгих раздумий они предложили мне ходить вместе с ними в Министерство по женским делам и в Департамент по гендерным вопросам. Обе эти организации в центре Кабула и я хоть немного осмотрюсь по сторонам (разумеется из окна бронированного автомобиля). Идея мне понравилась и я оформила командировку в первый же выезд в Министерство по женским делам. Набила была со мной. Прилипнув к узкому окну автомобиля, я ждала чего-то необыкновенного. Мне говорили, что интересного ничего нет, всё разрушено и разбомблено, но я не сдавалась. Не может быть, чтобы хоть что-нибудь не осталось целым. Хотя бы какая-нибудь старая крепость. Это же ещё интереснее. А Набила оказалась очень слабым гидом. Она мне ничего не рассказывала, всю дорогу разговаривала по мобильному телефону. Несколько раз она отчётливо произнесла: «Манана». Я даже отозвалась. Но оказалось, что она на пуштунском языке кого-то благодарила.

Набила,- немного полнее того, что требуют афганские женские стандарты. Из-за этого она больше похожа на азербайджанку. Красивая, круглолицая, с тёплой весёлой улыбкой. Она говорит мне, что несмотря на то, что на работе в офисе она производит впечатление сдержанной серьёзной женщины, она, на самом деле, любит и повеселиться и, вообще, мило дружить.

- Что ты имеешь в виду ? – спрашиваю я.
- Это американская организация, здесь нельзя быть непосредственной хохотушкой. По окончании рабочего времени, – пожалуйста. А, если говорить честно, мне немного надоела эта игра в мрачную серьёзность.

Видимо кто-то её «накрутил» на этот манер и бедная Набила изо всех сил старается укротить в рабочее время свой весёлый нрав, укрыть в дальних уголках своей души играющих в глазах весёлых чёртиков. Иногда она устаёт от этого и заходит ко мне, чтобы немного расслабиться. Совсем недавно я узнала, что Набиле 22 года и она не замужем. Согласно моим дилетантским познаниям в области афганологии, это не похоже на обычное явление, поэтому я не могу скрыть своего удивления.

- Кто оставил такую красивую и прекрасную девушку до сих пор незамужней ? – спрашиваю я Набилу.

- Эх, у меня умер отец и в семье я одна работаю. Мои братья и сёстры маленькие и всех я должна поставить на ноги. Если я выйду замуж, кто за ними смотреть будет ?

- Ты что заканчивала ?

- Я, – студентка третьего курса факультета бизнес-администрирования Кабульского университета После окончания школы, восемь лет то одни курсы кончаю, то другие. Недавно получила сертификат педагога Английского языка.

- Ты, моя дорогая, получила такое образование, что жених, меньше чем Карзай, тебе не пара!

- Кому и зачем нужен этот Карзай ! – смеётся Набила.

- Правда и мой президент не очень популярен среди хороших женщин, но провинциальные простушки разной породы, вероисповедания, социального положения так и липнут к нему, – понесло меня в сторону «сложностей» моей страны.

- Посмотри, какие красивые сандалии купила мне мама. Сердце матери – это особая статья. Нет на свете ничего дороже материнского сердца. Я сначала помогу матери, а потом, конечно же, выйду замуж.

- А Гюль сколько лет ?

- Не знаю, но она по-моему старше меня.

- Она очень красивая.

- Да, и муж у неё хороший, он – британский афганец, работает здесь экономическим экспертом в Британском посольстве и получает британскую зарплату. Он очень хороший муж, но у них до сих пор нет детей. Совсем недавно у неё уже второй раз произошёл срыв беременности, – скороговоркой проговорила Набила про семейные дела Гюли.

- Почему срывы ? Её что-нибудь беспокоит ?

- А я откуда могу знать. Я в этих вопросах я вообще не разбираюсь. Гюли иногда мне жалуется, но я ничего не могу ей ответить кроме того, что она

должна присмотреть за собой. У меня в женских вопросах нет ни практического опыта, ни теоретических знаний. Единственное, что я могу предложить - это следить ей за собой более внимательно.

- Что ты говоришь, для чего в этих вопросах практический опыт. У меня, например, есть подруга, пока ещё девушка, которая при сугубо женских разговорах и спорах, громко заявляет, что в этих вопросах лучше неё никто не разбирается.

- Я тоже об этом говорю, что единственное, что я ей могу посоветовать, - это очень внимательно следить за собой, - заключает она и подмигивает мне, - пойду-ка я и присмотрю за своими делами: если и на рабочем фронте у меня возникнут проблемы, то меня можно будет спокойно списывать.

Набила ушла, рабочий день кончился, я отослала отчёты в головной офис, который наши ласково называют «родным» офисом, собрала свои монетки и двинулась напрямик в мой маленький райский сад «Барона». Там всё так красиво цветёт, такой ароматный чистый воздух и такое бирюзово-голубое небо, при изумрудно-зелёной траве, что невольно в голове возникают слова известного грузинского гимна Грузинской природе: «Мой край – бирюзовое небо, мой край – изумруда поля !»

Я присмотрела в небе какую-то точку. Это оказалось как раз то, о чём я рассказывала ранее: на большой высоте кувырчался сине-жёлто-красно-коричневый трапециадальный воздушный змей. Он произвёл калейдоскопическое вращение от чего у меня запестрило в глазах. На момент возникло приятное головокружение, после чего трапеция неожиданно сорвалась с неба и камнем полетела вниз, метеором пролетев мимо меня. Я оглянулась кругом. Метеор пропал. Я нигде не видела упавшее тело, от чего и успокоилась, начала снова искать змей на небе. Потом моё внимание перехватили движущиеся облака и я, незаметно для самой себя, забыла про змей.

- Тётя Манана ! – Послышалось мне вдогонку, когда я направилась домой. Это продавец нашего мини-маркета, Абдула, с довольной улыбкой произнёс моё имя.

- Мэм, как видите, Вы уже отзываетесь на это имя.

- Конечно отзываюсь, это же моё имя ! – улыбнулась я и вдруг мой взгляд остановился на Абдуле. у которого под мышкой была сложенная трапеция змея, только что сорвавшегося с неба: Абдула наматывал на катушку нейлоновую верёвочку. Потом я воочию увидела как он спрятал в протёртую картонную коробку катушку и змей.

«Фараджа хана нигде не видно, Мустафа закрылся в свой комнате, украшенной пластмассовыми цветами, куда-то исчез американский спецназ, ничего не происходит кроме того, что каждую ночь слышны звуки

автоматных очередей, а в небе кругами летают вертолёты. Можно сказать, что в самом неуправляемом регионе мира – тоска зелёная» («Книготорговец из Кабула», Осне Сейерстад, «Издательство Бакура Гулуа», Тбилиси 2009 год).

Дахунда показал мне фотографии двух своих дочерей (фото жены не показал). Старшей четыре года, младшей – 6 месяцев. Обе разодеты как куклы и, что меня удивило, глаза у девочек подкрашены, как у взрослых женщин.

- Это кто так разрисовал девочек ? – спрашиваю я у Дахунды.

- Их мать. Младшая, как увидит карандаш, визжит и сучит ногами, замучила женщину !

- А без этого нельзя ?

- Как без этого ? Такой стиль, ты думаешь ей нравится умыться ? Это тоже наша проблема. Вот старшая с ума сходит, очень ей нравится. Она с нетерпением ждёт, когда её раскрасят.

- А когда старшая была новорожденной, она не протестовала ?

- Не помню, по-моему она всегда была более покладистой, младшая – бандитка с заковыристым характером.

Дахунда верит, что из-за упрямого характера младшей дочери ей не нравится подрисовка глаз. Я этому не верю. Может потому, что я не афганка и в нашей культуре не принято разрисовывать грудных детей. А впрочем, если это не вредит здоровью и не влияет на психику ребёнка, что из этого, пусть играют со своими детьми в куклы тем более, что некоторые любят эту процедуру. Позже я узнала от Узра, что карандаш, которым подкрашивают глаза маленьким афганским девочкам, – это сурьма, – большой чудодейственный чёрный камень из Саудовской Аравии, который будто бы хранит детей от дурного глаза.

Глава 10.

В Афганистане все женщины, которых зовут Мина, обязательно должны быть красивыми. О Мине Шерзои я уже рассказывала. Это, если Вы помните, американская афганка. Она – ведущий координатор нашего проекта из головного офиса, необыкновенно элегантна, рождена в аристократической афганской семье. Её отец на протяжении многих лет был послом Афганистана в странах Европы и Азии. Это причина того, что она вращается в дипломатических кругах самого высокого ранга. В настоящее время она «переселена» в Калифорнию и иногда приезжает сюда для работы в американских проектах в Афганистане. Немного некомфортно выглядит то, что в соответствии с законом и в связи с её работой в проекте «ТАФА» ей не разрешается жить в собственном доме. Согласно условиям проекта «ТАФА», последний не может гарантировать её безопасность в

случае, если человек не живёт в «Бароне». Поэтому, будьте любезны, госпожа Мина, пожалуйста ночевать не в своём «семейном замке», а в стандартном двухкомнатном номере «Барона». Ежедневно после работы бронированный автомобиль увозит Мину домой, а в 11 часов вечера он же привозит её в «Барон» на ночёвку.

Мина говорит вроде того, что «не так страшен черт, как его малюют», но что она может сделать кроме как подчиниться закону. Такого же мнения австралийка Грейс Хезер Джонс. Её муж – афганец, работает в Германии и приехал в отпуск к Грейс, но ночевать ему приходится у родственников. Грейс нарушает все каноны «Барона» и держит своего мужа, как держат собаку на привязи, в своей комнате в «Бароне». С наступлением темноты они вместе выходят погулять в саду. Все знают, что Грейс прячет в своей комнате мужа, но никто об этом не говорит. Это неправда, что кроме Грузии везде имеются стукачи. Такие имеются везде и в Грузии и за её пределами.

В самом лучшем положении среди таковых, являюсь я, потому, что, как мне объяснили, привозить с собой членов семьи нельзя. Уж если кому-то приспичило, то можно привезти близких или родственников, оплатив из своего кармана дорогу и проживание вне «Барона», причём за безопасность этих людей никто, кроме них самих, не отвечает. Из этого всего я поняла, что если я хотела работать на высокооплачиваемой работе, надо было на некоторое время оторваться от семьи и быть там, где тебя просят. Этот принцип подобен условиям согласия афганок на брак: «Если ты не хочешь взять в мужья этого мужчину, скажи об этом сейчас же потому, что потом «хоть локти кусай»- будет поздно»

Грейс, то причитает о своём неудобном положении, то рассказывает разные ужасы. Оказывается, талибаны похитили ведущую сотрудницу американского посольства и, поскольку похищенная пользовалась большой популярностью в международных кругах, потребовали огромный, в несколько миллионов, выкуп. Правда посольство начало переговоры, но параллельно была спланирована спецоперация по освобождению заложницы.

- Про неё говорят, что её продали,- сказала Весна. В этих вопросах Весне можно верить, даже если она врёт, потому, что она из Боснии.

- У меня нет никаких сомнений,- согласилась Грейс.

- Кто продал ? – спрашиваю я удивлённо, – кто мог продать, охрана ?

- К примеру водитель, который сообщил бы кому надо, что я, с таким-то человеком в машине, еду туда-то и буду на таком-то месте в такое-то время и получил бы за эту информацию большие деньги.

- Да, но...Я не продолжила, потому, что поняла, что чем спорить, лучше было дослушать окончание истории. А дело завершилось очень грустно: после долгих переговоров предпочли оплате денег спецоперацию. Они провели её, но женщина погибла. Теперь иди и разбирайся, кто виноват. Грейс страшно

испугана ещё потому, что прекрасно знала эту женщину и очень её уважала. Хотя, её случай совсем не находится в связи со случившимся. Мина тоже считает, что случившееся не имеет никакой связи с её «абсурдным» положением. Так не бывает, что из страха к волкам, начинают резать овец, пытается оправдаться она и я с ней согласна, что в результате такого специфического заключения наша свобода весьма ограничена.

Через несколько часов, после этой беседы, служба безопасности прислала мне конфиденциальную форму для заполнения. Просили следующие данные: имя и фамилия, описание внешности, черты характера, телефоны близких людей, личные номера и т.д. для того, чтобы можно было опознать этого человека, если это понадобится бы. В некоторые графы трудно было что-то вписывать: было неясно, что спрашивают.

- Для чего Вам такие детали ? – спрашиваю Нилса, начальника охраны.

- Это нужно для того, чтобы, в случае похищения, по этим данным Вас опознали, - отвечает Нилс.

- Ну хорошо, а данные близких зачем Вам нужны ? – не отстаю я.

- Это для случая, если Вас убили, и мы должны пригласить того человека, который сможет Вас опознать.

Не знаю проблемы, на которые жалуются Грейс и Мина, но я получила такой «инструктаж», что не то что из «Барона», из моего номера выходить не хочется. Одно только меня беспокоит, что если я такая безвылазная, то откуда взять покупки для моей мамы, которая думает, что я в Америке, а в «Бароне» не продаётся ничего, кроме афганских ковров и сувениров.

Раньше Кабул, оказывается, утопал в зелени громадных лиственных деревьев. Благодаря бесконечным войнам происходило не только физическое уничтожение государства и населения, но пропадали деревья и зелень вообще. То, что осталось после бомбёжек, взрывов и мин, безжалостно вырезалось потому, что при ведении уличных боёв, спрятанный за дерево враг представляет большую опасность.

Сегодня впервые мне пришлось направиться в район города, в котором я ещё не была (но до этого я была только в районе аэропорта). Я его назвала про себя горной «Нахаловкой», по аналогии с тбилисской, а так, этот район называется «Карти Парван». Он очень похож на поселения типа Самарканда и Бухары: плотно стоящие друг рядом с другом дома с плоскими крышами и врезанными между ними высокоступенчатыми и узкими лестницами. Земляные ухабистые дорожки, по которым в гору и с горы двигаются «караваны» коричневых и белых ишаков, тащущих воду в медных кувшинах.

Воду на ишаках здесь таскают потому, что питьевой воды здесь нет, так же как нет канализации. А ишак заменяет автомобиль, особенно на верхних улицах, из-за своей «высокой проходимости» и других качеств. Водитель моего бронированного автомобиля говорит, что в этом районе живут люди, которые,

практически, голодают. Не знаю, но своей старой красотой район подействовал на меня так, что я сказала водителю, что еслиб я жила в Кабуле, обязательно построила бы здесь себе дом, что вызвало улыбку водителя «в пышные усы».

Нашу машину не пускают в Министерство внутренних дел и я очень довольна, что у меня возникла возможность пройти несколько шагов по живой Кабульской улице с вдыханием натуральной пыли. Пыль есть и в «Бароне», но она замешана на международных инградиентах и искусственная. Настоящую афганскую пыль в «Бароне» никогда не вкусишь и никогда не догадаешься, почему афганские мужчины, восседающие коленапреклонно на кабульских улицах на деревянных кушетках по своей запылённости не уступают запылённости своим сине-серым молитвенным коврикам. Почему у перемещающихся с деловым видом по кабульским улицам женщин, бурки имеют протёрто-синий цвет и почему красные, желтые и белые розы на газонах сереют и вянут.

Пыль для Кабула животворящая и убийственная сила. Животворящая потому, что битва афганцев с ней, начатая тысячелетия назад, продолжается. Убийственная она наверное по той же причине, не знаю, но так они, по крайней мере, говорят. Этому чисто афганскому явлению потворствует ещё то, что Кабул каждый раз, в промежутке между войнами, интенсивно строится. Большинство улиц (кроме центральных) - не асфальтированы. Нехватки в ветре и дожде в Афганистане нет, а что ещё нужно для возникновения пыли. По моим наблюдениям, про пыль, в таком возвышенном виде говорят только в театре: «Когда познаешь вкус сценарной пыли...» и т.д. Я бы никогда не поняла сократального значения городской пыли, но это ведь Афганистан, отличающийся от всех и вся. Афганистан со своей пылью и грязью, со своим ничтожеством и величием, закрытый для всех, ушедший в сторону и всем режущий глаз, притягательный и наводящий ужас. Охота на него не прекращена ни изнутри, ни снаружи.

Женщина, которая убирает у меня в номере, по имени Кобра, говорит, что те, которые строят сегодня небоскрёб, а завтра его взрывают, научились делать на этом деньги. Эх,упаси, Господи, нас от бомб, разве это не так и у нас в Грузии? Дороги уложат, через две недели всё перекопают, через три недели проложат трубы и закроют дорогу асфальтом, потом снова раскопают, ошиблись мол. Привезут новые трубы, постелят новый асфальт и так без конца и края. Отмывают и отмывают чёрную бухгалтерию. Так одни невероятно богатеют, а другие невероятно беднеют.

Глава 11.

Совсем недавно моя филиппинская подруга Мартина Буенкамино окрестила наш «Барон» (так называемый Вавилон) «лагерем рабов». Правда, я ещё не уловила и не прочувствовала подсознательные импульсы этого сравнения, но верю, что подобное определение, сделанное человеком, с колоссальным жизненным опытом (в особенности афганским) и многогранными умственными способностями, явно имеет под собой серьёзную основу. Задача, заложенная в определении: «Барон, - лагерь рабов», явно требует серьёзного обдумывания и нахождения своего рода ключа к данному определению. Если бы Мартина назвала бы объект судебно-исполнительным учреждением или исправительно-трудовой колонией с усиленным питанием, я подняла бы обе руки, но слово «рабов» в определении, думаю, не проходит. Думаю, что это перегиб. Почему рабы? Да, с утра, в первой половине дня, все «вкалывают» не поднимая головы что называется не за страх, а за совесть. Но после 4-х часов всё прекращается и никто не мешает тебе до самого следующего утра заниматься тем, чем тебе заблагорассудится. Никому и в голову не придёт помешать тебе. Как говорить, хошь футбол играй, хошь алкоголь принимай, хошь забавляйся сексом или займись чем-нибудь духовным. В «Бароне», в этом плане, большие возможности. Но за всем этим постоянно следят минимум два зорких глаза. Ну и пусть себе следят, ты же расписался, что ты это знаешь и согласен с этим. У этого всего нет ничего общего с афганской проблемой, это твой выбор и твоя проблема.

«Я рождён чтобы быть рабом твоим с ярмом твоим на шее о Грузия моя» - ужасный приговор, хотя весьма патетичный и поэтический. Почему-то я никогда не могла спрятать протест, когда слышала эти строчки во время застолья или со сцены. А когда здесь, в Афганистане, некто, подобный мне чужеземец, говорит мне, что на тебе ярмо «Барона», - это воспринимаемься гораздо тяжелей.

А теперь напомним Вам о том, о чём мы уже договорились ранее. «Барон» - это своего рода Вавилон, здесь собрано столько народностей и представителей столько разных стран, что трудно себе представить, что на склоне лет, в Афганистане, а, конкретнее, на окраине Кабула, ещё конкретнее, в Компаунде «Барон», я начну изучать более фундаментально географию. Не помню точно сформулировала ли я ранее, что слово «компаунд» по английски означает не только структуру, комплекс, смесь, но и огороженную территорию фабрики, включающую бараки для рабочих, огороженное место для военнопленных, посёлок негров-рабочих фермы. Ещё одно значение этого слова, - «сложный» (например, сложное предложение, сложное слово и т.д.). А теперь соединим все эти значения и, то, что получится, это и будет «Барон». То есть «Барон», как одно целое, это некая сложная субстанция (по домашнему «аджабсанда», блюдо, в

котором всё перемешано), в котором я, Манана Думбадзе, - одна молекула, по национальности, - грузинка, по вероисповедыванию, - православная христианка, убеждённая космополитка-интернационалка: моя Родина – моя Земля. В Афганистане подобное декларирование совершенно не выигрышное дело. В «Бароне» никто этого не делает. А я делаю ! Не думайте, что это наглость. Я поняла это, когда афганский садовник и хозяин нашего минимаркета одновременно, на полном серьёзе сказали мне: «Вы - наш друг, Вы - прекрасная женщина». По их глазам я поняла, что они не шутили и мне захотелось задушить их в своих объятьях, но в Афганистане, даже собственного ребёнка нельзя публично обнимать, нельзя и всё ! Когда я вспоминаю эти слова, очень теплая внутренняя струя согревает меня, будто из рук всего Афганского народа я получила премию мира за заслуги, оказанные стране.

Фамилия Андрея -Моисеев. Он, - русско – казахско – татарско – еврейская смесь. Говорит, что православный христианин. Родной язык, - русский. 10 лет назад уехал в Канаду и по сей день живёт в Ванкувере. Впечатление, что родился со стаканом в руке потому, что, где бы я его не встретила, в саду, в коридоре, в руках у него стакан с водкой на дне. Его друг, Рахат, - киргиз, жена у него, - шведка. Живут они то в штатах, то в Москве. Вероисповедание, - атеист (дитя Советского Союза). Дживан, - малайзиец, живёт в Тексасе, куда переселился 30 лет назад и достиг там определённых успехов. Дживан – чернокожий, но с европейскими чертами лица. На груди у него золотой крест в подтверждение того, что он, как и я, христианин, но неизвестной мне конфессии. Вот Саша, о котором я думала, что он с головы до ног немец, каковым он и оказался, во время Рамадана, выяснилось, что принял мусульманство и начал выполнять все религиозные обряды, покорно молясь 5 раз в день вместе с мусульманами «Барона». Грэм, - американский еврей, рафинированный интеллигент, напоминающий мне одного из чеховских персонажей. У него мягкий, но в то же время разительный юмор. Диана, - православная грузинская христианка, более того, Сигнахская кахетинка породистая и свободная. Ненавидит бывшую советскую Россию, но обожает своих зауральских русских родственников, которые достались ей в наследство от бабушки с отцовской стороны.

Недавно я и Диана приготовили грандиозную хинкальную дегустацию и пригласили вышеупомянутый «аджабсанда». Нам показалось, что хинкали на всех не хватит и мы, сверх приготовленного, приготовили к столу другие шедевры грузинской кухни. Мы хорошо всё сделали потому, что хинкали, который вызвал всеобщий восторг общества, конечно же не хватил русско-татарскому Андрею. Сами хинкалины показались ему очень маленькими, да и по вкусу они его совсем даже не поразили. Наоборот, он назвал гордость грузинской кухни пародией на утонувшие в горячей воде «Манте».

Невоспитанный, необтёсанный нахал, - такой комментарий сделали громогласно я и Диана, а Андрей хотя с удовольствием уплетал приготовленное нами хинкали, приговаривал, что, мол, вроде есть можно. Когда «битва» с хинкали была закончена, Андрей заявил, что в пятницу, он приглашает всех на татарское манте (это на то, на что были похожи наши утонувшие в горячей воде хинкали). Мы ждали этой пятницы, как предпасхальную «красную пятницу» и, ровно в семь часов, я и Диана стояли у дверей комнаты Андрея готовые к сражению за наше оскорблённое блюдо. Нам не терпелось попробовать соперницу манте с «вмонтированным тыквенным соусом» и признать это блюдо или разгромить ненавистного соперника в пух и прах.

Как и было задумано, мы оказались в первых рядах гостей. На газовой плите в специальном пятиэтажном котле кипело и благоухало манте. На каждом, уложенном друг над другом ситообразном этаже, парились пять-шесть «великих предка» хинкали, по размерам, достойным монгольских богатырей. Вместо традиционных складок в хинкали, манте закрываются своего рода усиками, имеющимися по четырём углам. На пятиэтажной парилке Андрея помещалось 20-25 манте. Это, - завернутое в тесто средней толщины мелконарубленное мясо с большим количеством лука, посыпанное красным и черным перцем и мелконарезанной мякотью тыквы. Последняя придаёт манте необыкновенно пикантный аромат. Обязательным и неотъемлемым спутником манте является помидорная подливка с большим количеством красного перца и ещё большим количеством чеснока, которую татары совершенно справедливо называют «Кобра».

Что уж говорить, даже Диана, которая здесь, в «Бароне» радикально, в уменьшительной форме воспринимает всё негрузинское, тем более произведённое русским, весьма сдержанно, но признала, что манте лучше хинкали, но лишь при определённых обстоятельствах (до конца не сдалась). Больше двух манте из тех, кто там был, смог побороть только сам Андрей: он съел четыре манте. Остальные, несмотря на аромат и привлекательный внешний вид, по причине огромных размеров не решались сразиться с третьим и, тем более, четвёртым манте.

Так был «задавлен» на международном уровне наш любимый хинкали и не начинайте теперь, на подобие Фрунзика Мкртычяна утверждать, что это потому, что «мы не умеем готовить» ?

Не думайте, что в «Бароне» не происходит ничего, кроме приготовления пищи. Происходит очень и очень много чего интересного. Но пища и её приготовление интересны не только с точки зрения жизненной необходимости, но и как средство общения людей, средство взаимного знакомства культур и обмена информации. Этот процесс является источником объединения людей, средством оживления и вытаскивания из глубин подсознания благородных импульсов. Это сила, которая доносит до высохших корней старого дерева

Солнечный свет и воду и вдыхает жизнь в зелёный росток, пробившийся сквозь потресковшуюся древесную кору. Потом выясняется, что на этой необъятной планете все чьи-то деды и внуки. Мне, например, очень нравится малазийская колыбельная. Думаю, что еслиб я спела её моему сыну, я запросто его усыпляла бы. Но я усыпляла его моцартовской колыбельной.

Здесь же мне хочется вспомнить один момент из моего китайского путешествия. В 2007 году я была в Шанхае на Генеральной ассамблее международной федерации переводчиков (FIT). Этот случай произошёл за одним из небольших круглых столов грандиозного банкета и развивался по типичному глобализационному сценарию. Обед был в банкетном зале одного из фешенебельных отелей Шанхая «Звезда Востока». Я долго думала, за какой стол должна сесть грузинская делегация, которая была представлена одним человеком, мной. При этом мне очень хотелось сесть там, где сидели китайцы, чтобы попробовать китайские блюда в истинно китайском окружении. Я наметила один из столиков. За ним уже сидело человек десять китайцев, а три места были ещё свободны. Я присела на один из стульев и попросила рядом сидящего соседа помочь мне тем, что предлагать мне то, что он сам будет кушать и объяснять, как это надо кушать. Его очень обрадовала моя пищевая любознательность и он тут же начал объяснять мне, какая посуда для какой пищи предназначена. Над поверхностью стола вращалась другая плоскость, как в обычных китайских ресторанах. Официанты не успевали приносить всё новые и новые блюда. Я, естественно, развлекала китайцев, которые, как оказалось были из разных провинций и все по разному учили меня в соответствии со своими, свойственными именно их провинции традициями. Под конец я так поднаторела, что начала делать им замечания, когда замечала их ошибки.

В этот момент престарелая парочка приблизилась к нашему столу и, получив разрешение, уселась на те два свободных стула, рядом со мной, произнесла свою фамилию. Я её не запомнила, но помню, что это была типично еврейская фамилия. Когда они узнали, что я грузинка, они заинтересовались сегодняшней ситуацией в Грузии, моей персоной, моей специальностью, местом работы и т. д. Парочка оказалась весьма разговорчивой, особенно женщина. Мужчина явно был учёный: типичная для таких людей одежда и взгляд. Когда я доложила, что я окончила факультет западноевропейских языков и литературы Тбилисского государственного университета, мужчина сказал женщине, что это, наверное, кафедра Нодара.

- Какого Нодара ? – живо заинтересовалась я.
- Нодара Джинджихашвили, нашего друга, кажется он читал этику, очень симпатичный молодой человек, - сказал мужчина.
- Мой самый симпатичный лектор Нодар Джинджтхешвили ?
- Он был Вашим лектором ?

- Представьте себе, он был моим лектором. Мы, девочки, с ума по нему сходили. Его лекции никто не пропускал, такой он был интересный и привлекательный. Современный, хорошо одевался, любил джаз и т.д.

- Да, да, он был очень привлекательный молодой человек, мне он тоже очень нравился,- подтвердила женщина и добавила,- не обижайся, дорогой.

- Почему «был»? Не случилось ли с ним чего ?

- Нет, лет десять тому назад он перешёл жить в другой штат, в другой университет и, после этого, мы его не видели, связь пропала, а были так близки !
— с сожалением отметил мужчина.

- Он был очень молодой, когда приехал в Нью-Джерси. В университете ближе нас у него никого не было. Мы всё время были вместе. Благодаря этому он основательно обосновался в университете. И супруга у него была очень симпатичная,- добавила жена.

- Да, знаю, очень красивая была у него жена, Манана Баазова, я не раз видела её в Тбилиси,- согласилась я.

- Оказывается, как я по ним соскучилась. Вот вернёмся домой и я обязательно отыщу их,- решительно сказала женщина и мужчина согласился с ней,- хорошая идея !

Потом я и эта женщина по-женски посплетничали. Она рассказала как они приехали в Америку, как вся еврейская община помогала им твёрдо встать на ноги, какой хороший юмор был у него и какой хороший парень он был и как они семьями ходили по приглашениям. И как они были счастливы от того, что нашли друг друга. Потом и я вспомнила ту малость, которую я знала о Нодаре Джинджихашвили по Тбилиси. Профессор изредка, но вмешивался в наш разговор, с любовью и теплотой добавляя кое-какие детали. Между тремя обыкновенными людьми, которые несколько минут назад не подозревали о существовании друг друга, завязалась очень домашняя беседа. Ведь это здорово, что участники разговора преодолели кучу горных хребтов, моря и океаны, добрались до Китая и, в центре Шанхая, с умилением вспоминают одного общего знакомого-друга. Если об этом крепко задуматься, то жизнь сразу покажется прекрасной и удивительной.

Прекрасно, да будет так ! Но что мне делать с формулировкой «лагерь рабов», которая не даёт мне покоя ни днём ни ночью ? Очень мне не нравится, что живу я в «Бароне» и кто-то всё время зудит мне, что я живу в лагере рабов. Ищу в словарях значения слова «Компаунд» и нахожу: 1. Огороженное место (например, для военнопленных), 2. Поселение цветных работников фермы в Африке...Сколько я не старалась и так и эдак, вариант Мартины Буенкамино оказался наиболее жизнеспособным: «Барон,- лагерь рабов». Неприятно, но факт.

Глава 12.

Кальян здесь называют «шиша». Афганцы называют его также «Кайлуном». В «Бароне» это ещё одна достопримечательность и ещё одно развлечение. Здесь считается, что не курить шишу, - плохой тон. Я уже год, как бросила курить сигареты. К курению кальяна у меня тоже не лежит душа, хотя запахи вокруг курильщика мне нравятся: фруктовый, ягодный и цветочный ароматы, запах мяты, аромат граната и многого другого. Однажды я не выдержала и попросила вынести мне в сад шишу с ароматом мяты и яблока. Сидела я на диване как паша и ждала. Принесли мне красивый заряженный прибор готовый к употреблению, надо было только тянуть ароматный дым. Я, подобно старому профессиональному курильщику, решила начать с глубокого «напаса» (глубокая затяжка). Но не тут-то было. Ни из той тонкой трубочки, ни из мундштука вытянуть я ничего не смогла. Переменив направление давления воздуха с засасывания на дутьё, я не смогла взбурлить воду. Губы мои были на грани потрескивания, а лёгкие на грани разрыва. Это был мой глобальный позор в центре Азии, в этой Мекке наркотиков и кайфа. Сидящие рядом тихонько похихикивали и предлагали помощь. Глядя на мой провал у Тато не выдержали нервы:

- Сестричка, что происходит ? – сердито спросил он меня.
- Я ничего не понимаю, не тянется и всё,- стыдливо ответила я.
- Все курят, а у тебя почему не получается ?
- Видимо мой прибор бракованный.
- Такой брак в природе не существует.
- Ладно, погоди, наверное получится,- сказала я и стала тянуть как можно нежнее. Скоро всем надоело смотреть на мои мучения, я тоже бросила убиваться. Поиграла ещё немного и бросила. Когда бармен пришел расчитаться, я сказала ему, что это было в первый и в последний раз.

- Почему ? – Спросил он удивлённо,- всем нравится, а у Вас что-нибудь было не так ? – взял кальян и так мастерски задымил, что мне аж плохо стало.

- Ты это приготовил для себя,- пробормотала я про себя по грузински, Он ничего не понял, поднял плечи, извинился и ушёл, забрав с собой кальян.

На следующий день, после пинг-понга, мы сидели кружком друг рядом с другом через стул. Вокруг нас витал аромат диких цветов и фруктов. Сотрудники меняли мундштуки и передавали кальян друг другу. Мне тоже предложили, но я отказалась, сказав, что это дело не для меня. Подобно вчерашнему бармену они удивились и мне пришлось им всё рассказать.

- Попробуй это,- не отставал Брайен, поменял мундштук и чуть ли не силой всучил его мне.

- Хорошо, я ещё раз попробую, но не смейте смеяться,- сказала я, взяла мундштук и попыталась сделать затяжку. Со мной произошло то, что произошло

когда я в первый раз в жизни попробовала закурить. Я чуть не задохнулась от кашля: после вчерашней тренировки я затынулась слишком сильно. На это окружающие ответили громким смехом, хоть и пытались сдержать его. Я совсем не удивилась. Потом всё уладилось. Смешанный поток аромата влился в мои отдохнувшие в течении года лёгкие и покрыл их розовато-лиловатым туманом. Этот туман согрел меня и успокоил.

- Еслиб ты закончила вчерашним, ты же больше никогда не узнала бы это? – спросил Брайан.

- Да, хорошо, что моё мнение об этом изменилось, нето я незаслуженно отругала бы этот прекрасный «кайлун» в своих дневниках.

- А какое красивое и мистическое слово «кайлун»? Интересно, что оно означает? – Спрашивает Брейн у Анны. Она молча поднимает плечи.

- Теперь ты смело можешь утверждать, что ты уже не «фраер», - успокаивает меня Брайен.

- Да и скоро я наверно снова начну курить табак, - подтверждаю я. Брайен это понял, но на всякий случай продолжал улыбаться.

Глава 13.

Дато Турашвили: «Во времена Гурген-Хана там, в Северном Афганистане, поселились грузины (1202). В прошлом году, когда американцы бомбили Афганистан, здесь, в Тбилиси, я всем говорил, что это бомбят грузин, которые стали афганцами, но помочь им было невозможно» («Гурджи Ханум», Тбилиси, 2011, Палитра, стр. 16).

В Пакистане произошел такой случай: некто явился в Британское посольство и заявил, что он представитель талибанов и прислан, чтобы начать мирные переговоры с правительством Афганистана. Британское посольство на самолёте НАТО перекинуло этого человека из Пакистана в Кабул и представило его Хамиду Карзай. Для организации работ по подготовке и проведению мирных переговоров, Афганское правительство передало этому человеку миллион американских долларов. Долго ждал Хамид Карзай начала обещанных переговоров, но человек с миллионом исчез в неизвестном направлении, как исчезает в небе выхлопной дым пролетевшего самолёта. Служба международной безопасности Афганистана безрезультатно искала этого человека по всей территории Афганистана. Только после долгих поисков вне Афганистана, афериста обнаружили в Пакистане. Он оказался хозяином небольшого афганского магазина. Разразился грандиозный международный скандал: Карзай обвинял британцев в том, что они всучили ему этого якобы талибанского лидера, а британцы обвиняли афганцев в недостатке бдительности и мозгов: куда, мол глядели, почему не проверили личность досконально? НАТО

устроила разнос обоим сторонам: куда девался добровольно отданный неизвестной личности миллион долларов ? А в это самое время талибаны убивали виновных и невиновных, а служба безопасности Афганистана ни себя не может защитить ни своих граждан.

Конечно же ситуация очень сложная, требующая очень высокой бдительности и пишу я об этом потому, что вчера, например, какой-то кандагарский талибан, с вмонтированной в чалму маленькой бомбой, явился в гости к бывшему президенту Рабану. Они обнялись в знак любви друг к другу и гость, в этот самый момент, привёл в действие взрывное устройство... Оказывается, несчастного Рабана, специально для встречи с этим человеком, привезли из Дубай. Карзай каждый день ему звонил из Ирана, где он находился с визитом, и просил с ним встретиться потому, что, по мнению Карзай, этот человек был прислан талибанами для начала мирных переговоров.

Это конечно не моё дело, а дело службы безопасности, но как это получается, что какого-то афганского духанщика, в самолёте НАТО, естественно с целым рядом Джеймс Бондов, возят из Пакистана в Кабул с пустыми карманами, а обратно уже с миллионом, украденным из-под носа специальных служб ? Кто может гарантировать, что это не сказка ? Если это правда, то ребята и в правду заклинились в 1390 году (наше летоисчисление) или всех, и друзей и врагов вполне устраивает эта нескончаемая Афганская «эпопея» или ребята просто всех разыгрывают. А может и то и другое вместе ?

Нука догадайтесь, где в Кабуле держат свиней ? – Задаёт вопрос «на засыпку» Диана. Я, конечно, не знаю и удивлённо задираю плечи, – в кабульском зоопарке была только одна свинья. И, когда по всему миру прокатилась эпидемия свиного гриппа, афганцы устроили этой несчастной карательную операцию и публично её расстреляли. Это рассказала мне моя сотрудница афганка.

- Во время эпидемии свиного гриппа, по программе USAID меня командировали в Кахетию (восточная Грузия), чтобы я дал оценку хода сельскохозяйственного проекта. Я спрашивал крестьян, убиваете свиней или нет. Они отвечали, что убивают, только больных, – сказал Мет.

Ну конечно больных. Кто же убивает здоровых животных ?- подумала я.

В прохладный сентябрьский вечер в саду «Барона» не прекращаются воспоминания в виде интересных историй. Одни тянут коктейль, другие курят табак, третьи – шишу. У меня добыта уже весьма солидная информация про шишу. Получается, что человек, который не курит шишу, является изменником по отношению к своему организму, поскольку курение шиши очищает лёгкие, желудочно-кишечный тракт, мозговые клетки и т.д. и т.п.

- Очень красивое слово «Кайлунннннн», - это сочетание звуков протяжно выплывает из моих лёгких вместе с серой смесью дыма и персикового аромата, сквозь который просвечивает полная луна. Я снимаю с «кайлуна» свой мундштук и передаю зелёный змеевидный шланг филиппинке Грейси, которая насаживает на шланг свой мундштук, делает несколько глубоких затяжек и, затем, как я, передаёт шланг следующему рядом сидящему. Так происходит хождение по кругу вождей «трубки мира» пока не кончится курево и не иссякнет разговорная тематика.

Кайлун и впрямь оказывается хорошая вещь, - эффективное миротворческое средство, с применением которого можно достичь хотя бы временного перемирия. Почему европейцы, переселившиеся в Америку научились снимать скальп, перерезать горло, но не научились курить трубку мира.

Глава 14.

Я уже заполнила один блокнот описанием жизни в «Бароне» и жалобами про то, что я нахожусь в Афганистане, но не живу там. Закомплексовала себя мыслями о том, как устроить так, чтобы броситься или проникнуть или улизнуть в «афганообразные» места, чтобы увидеть и описать хоть что-нибудь о стране, в которой нахожусь вот уже три месяца и буду находится ещё семь месяцев.

Плюс к этому, я начала замечать за собой что-то вроде мании величия: мнение о важности собственной персоны очень возросло (я увидела это же у других: если послушать, какие претензии предъявляются хотябы к службе безопасности и какие дифирамбы поются собственным персонам, то покажется, что буквально сегодня-завтра они устроят в Афганистане райскую жизнь). Одной из причин возникновения и развития мании можно считать хотябы то, как мускулистые ребята из безопасности буквально «на руках носят» своих подопечных (открывают и закрывают двери авто, подсаживают и т.д.). Я так привыкла к этому, что если двери поданного автомобиля мне не откроют, я стою как дурочка перед закрытой дверью и не знаю, что делать. Та же история при посещении магазина, когда при движении между рядами во избежании похищения за тобой не отводя глаз следует двухметровый голубоглазый атлетически сложенный британец из охраны. В отличие от сына и мужа он никогда не посмеет заявить:

- Сколько можно выбирать, забирай товар и мотаем отсюда !
Сначала я стыдилась, потом мне было как-то неудобно, а ещё потом я так привыкла к подобному обслуживанию, будто мои предки всю свою жизнь

ездили взад и вперёд по Гурии на автомобиле под присмотром подобной охраны и это у меня по наследству. Короче говоря я совершенно отбилась от рук.

Пятого октября у меня первый отпуск и я на две недели возвращаюсь домой. Мне взяли билет, посадили рядом с шутером в лендкрузер и запустили прямым ходом в аэропорт, до которого всего 15 минут хода. На площади, не доезжая до аэропорта, нас остановили и велели поставить машину на обочине. Остальной путь до аэропорта нам было предложено пройти пешком. Откровенно говоря мне это не понравилось потому, что путь был довольно длинный, а район – небезопасный.

- Что происходит, почему нас не пускают ? – спрашиваю водителя.

- Карзай прилетает из Индии, мэм, и мы должны добираться до аэропорта пешком.

- Я всё это понимаю, но как я должна попасть туда, не зная дороги, одна и с таким огромным чемоданом ? – заметила я.

- Не одна, мэм, охрана будет с Вами и они донесут Ваши чемоданы. Я останут здесь.

Я испугалась, но что я могла поделать сидя в лодке посреди океана, когда велят прыгать в воду, а плавать я не умею. Назад дороги нет. Впереди – Родина, куда надо добраться живой. Вылезаю из машины. Шутер вытаскивает из багажника мой чемодан на колёсиках и мы идём в сторону аэропорта. Площадь полна народа и все со своим багажом движутся в сторону аэропорта. В сердцах, на всех языках, какие я знаю, ругаю всех существующих в природе президентов и себя за то, что попала в такую ситуацию.

Шелковая головная косынка уже который раз сползает у меня с головы. Поправляю её. Снова падает, теперь уже в дорожную пыль. Поднимаю и пытаюсь вытрясти пыль, но не получается. Нервно, в знак протеста, комкаю и сую её в карман чемодана. Продолжаю движение без косынки. Успокаиваю себя: свалю на Карзай и, с опущенной головой продолжаю путь. По ходу надо пройти несколько полицейских постов. Ходить без косынки на голове в Афганистане, – плохой тон, но я же не напялю на голову вывалянную в грязи косынку. Вынимаю её из чемоданного кармана и держу в руках, чтобы видно было, будто это чему-нибудь поможет. Но, к моему удивлению, никто не бросает в мою сторону оскорбительных замечаний, никто не смотрит на меня с упрёком, наоборот, уступают как женщине дорогу к пункту проверки содержимого чемоданов.

Сколько это продолжалось я не помню, но мы, наконец, добрались до одного из пунктов, где стояла очень большая очередь. Мой шутер показал одному из полицейских мой билет и попросил, чтобы меня пропустили вне очереди так как я могу опоздать на самолёт. Тот внимательно осмотрел мой билет, потом меня, потом мой чемодан, потом кого-то позвал и дал ему какие-то указания, забрав у меня чемодан. Я не понимала, что происходит, но поскольку спрашивать или говорить смысла не имело, я молча ждала развития событий.

Полицейский попросил шутера отойти в сторону, а мне велел отойти в другую. Я не сдвинулась с места: ждала, что скажет охрана.

- Мэм, дальше сопровождать Вас мы не имеем права. Этот человек проводит Вас до автобуса, а дальше Вы сами должны разобраться что к чему.

Я ужасно разволновалась, поблагодарила шутера и, бессловесно, словно ягнёнок на заклятие, последовала за афганцем, который тащил мой чемодан и что-то быстро-быстро мне говорил по афгански, думаю просил деньги за обслуживание.

Автобус был такой пыльный и грязный, что я не смогла определить его цвет. Я взобралась на него, мой спутник тоже. Он указал мне на свободные сидячие места в конце автобуса, а сам встал с моим чемоданом рядом с водителем. На местах в последнем ряду уже сидели несколько женщин в косынках. Мужчины поднимались в автобус и садились на передние места. Потом, когда автобус уже почти заполнился, мужчины начали заполнять и задние места. Дело дошло до того, что один мужчина в национальной одежде сел рядом со мной. Я с комплексом ягнёнка на заклятие бессмысленно крутила головой в разные стороны пытаюсь предугадать, что будет дальше. Представила себе, как мою бабушку, Анико Бахтадзе, в 37-ом увозили этапом в ссылку, в Казахстан. Вспомнила и срочно достала телефон. Звоню Диане. Через несколько зуммерных гудков Диана ответила.

- Диана запомни, говорю из аэропортского автобуса, я одна, охрану сюда не пустили, говорят, что отвезут на место.

- А что я должна запоминать ?

- Повторяю, я одна и не знаю, будет ли у меня возможность позвонить ещё раз.

Диана залилась смехом так, что не могла говорить.

- Не бойся, через две минуты тебя подвезут к центральному проходу в аэропорт, там прицепись к женщинам и везде пройдёшь без очереди. Как доберёшься до зала ожидания, ещё раз позвони мне. Ничего страшного нет.

Вот с этого момента и начался настоящий Афганистан, у которого ничего общего нет с бывшим Советским Союзом, но я всё равно вспомнила наши старые, полуразвалившиеся, грязные аэропортские автобусы, на которых я очень редко, но ездила и, если это случалось, то на голове, в ногах у меня обязательно были тюки, мафраши, чемоданы, коробки, авоськи и другие дорожные прелести.

По мере заполнения автобуса, афганские мужчины перестают игнорировать женские места: один афганец в чалме знаком показал, чтобы я подвинулась и спиной сел рядом со мной (подозреваю, чтобы я его не совратила или не свела с ума). Видимо «мужских» мест не осталось, не то он показал бы мне, как садятся настоящие мужчины. Но что теперь сделаешь ? Несколько минут он должен потерпеть. Хотела я его спросить, довезёт ли этот автобус до аэропорта, но он так принципиально сидел ко мне спиной, что я не решилась.

Но женщина, сидящая непоотдалё, на прекрасном английском моментально решила этот вопрос, сообщив, что я могу быть спокойна, автобус довезёт куда надо. Я успокоилась.

Прежде, чем добраться до главного терминала, автобус, по просьбе пассажиров, несколько раз останавливался для высадки. Потом пару раз свернув в сторону и развернув обратно, с высадкой следующих пассажиров, он, чуть ли не пустой, подкатил к месту назначения. Странно, но люди, которые сходили с автобуса по дороге, встретились мне у паспортного контроля. Я подозреваю, что они, пройдя пешком напрямик, думали оказаться в первых рядах огромной очереди. Вот тут-то и победило плохое состояние гендерного вопроса в Афганистане потому, что, на зло феминистам, женщин и мужчин ставили в разные очереди. Отсюда отсутствие давки, спокойная процедура проверки паспортов и облегчённый и достойный выход на таможенный контроль.

От паспортного до таможенного контроля началось то, что происходило в наших аэропортах, в особенности на местных рейсах: чехарда, передача вещей вперёд по очереди, работа локтями, ворчание и крик. Мужчины почему-то оберегали багаж так же, как членов своей семьи и детей. И здесь, несмотря на то, что мы были иностранки, нам не уступали дорогу, ни место. Один мужчина с женой и детьми занял пол очереди и, в конце своего «семейного хвоста» положил на стул целофановый пакет. Я аккуратно положила пакет на пол и присела на этот стул. Жена этого человека не смогла сдержать негодования и, вскочив со своего места вместе с ребёнком, выговорила своему мужу целую тираду, видимо, оскорбительных слов. Тот осмотрел меня с головы до ног, оценил все за и против и, весьма убедительным тоном, дал жене какой-то серьёзный совет. Женщина внимательно его слушала, после чего так успокоилась, что я больше не слышала её голоса.

Таким манером я захватила сидячее место в зале ожидания Кабульского аэропорта. Я основательно расположилась на захваченном плацдарме и, взглядом триумфатора, стала обозревать окрестности. Моему взгляду открылся очень знакомый, почти родной, времён глубокого советского «застоя», зал ожидания обыкновенного гражданского аэропорта. Только ландшафт был афганский: рядом с туалетом был устроен молитвенный уголок. Оттуда выходили по пояс мокрые мужчины в пластмассовых сандалиях на босу ногу. Женщин, выходящих оттуда, я не видела. Большинство мужчин – в национальных одеждах, шальвар-камизы, а на голове «шапка Масуда», которую афганские мужчины очень полюбили. Мне эта шапка тоже нравится. Бублик, который прицеплен у лба, может быть раскручен. Тогда он закроет всё лицо, что очень удобно при афганских пыльных бурях и, когда ты не хочешь, чтоб тебя узнали. Цвет шапки, словно цвет хамелеона, совпадает с цветом афганского ландшафта – светло или тёмнокоричневый, так же светлорозовый и чёрный (эти встречаются реже). А называется она «шапкой Масуда» потому, что

туристы идентифицировали её с именем легендарного моджахеда Масуда и, соответственно, сувенир этот, вместе с афнагским шарфом, давно уже стал весьма и весьма популярным сувениром в мировом масштабе. Эта шапка шьётся из высококачественного сукна, а лучшие экземпляры, - из сукна верблюжьей шерсти. Стоит она от 5 до 10 долларов. Несколько таких шапок я купила и раздала своим друзьям. Одну я купила себе и ношу её довольно успешно в Тбилиси.

Женщин в бурках в зале ожидания я не видела. В чадрах, - были. На иностранках были головные косынки. Большинство стояло на ногах так как свободных мест не было. Несколько рейсов было отложено и половина зала из стульев устроила себе спальные места. Я ждала свой рейс. Зал ожидания со своими колоритными персонажами напомнил мне зал ожидания железнодорожного вокзала в Индии, но справедливости ради должна отдать преимущество Афганистану. Зал ожидания Кабульского аэропорта, - это Лувр по сравнению с индийским вокзалом.

В довершении моих мытарств, в тот день, в зале ожидания, все информационные табло были потушены и получение какой-либо письменной или визуальной информации о моём рейсе, было исключено. Я вынуждена была ждать информацию по громкоговорителю, по которому объявления шли на трёх языках: сначала на Дари, затем на Пашту и, наконец, на Английском. Надо было очень внимательно слушать информацию потому, что когда очередь доходила до Английского языка и ты поняла, что это твой рейс, самолёт мог уже улететь. В результате я столько времени напряженно выслушивала все объявления, включая Дари и Пашту, что могла уже справиться с работой диктора.

Мой рейс почему-то не объявляют. Публика в зале ожидания, видимо, отоспалась, проснулась и в зале поднялся такой шум и гвалт, что я перестала что-либо слышать, в том числе голос из динамика. Схватив свою каталку я, с болью в сердце, покинула так нелегко завоёванный плацдарм в тот самый момент, когда открылся один из трёх проходов и я тут же преодолела его. Я неслась переезжая каталкой через раскиданные пластмассовые сандалии мусульман, через мелкие сумки и прочие предметы пассажиров. Поправляя на ходу головную косынку, я приближалась к открытому проходу. Там, в центре прохода, стояла полная, красноволосая, восточного типа женщина в чёрной косынке и проверяла у входящих билеты и паспорта. Я предъявила свои документы, а она мне сказала, что это не мой рейс. Я бросилась ко второму проходу и там мне сказали, что это не мой рейс. И тут Господь Бог прислал мне одного молодого человека, который довольно спокойно, по английски, заявил мне, что он с того же рейса, что я и что не надо нервничать потому, что наш рейс ещё не объявили. Я прицепилась к нему мёртвой хваткой: куда он, туда и я. Когда я немного успокоилась, я спросила его, почему вообще перестали

объявлять ? Он ответил, что нас позовут. Я не поняла и ещё раз спросила. Он ответил ро слогам: «По-зо-вут !» Спрашивать, что означает «позовут», я не решилась, поэтому я удовлетворилась ответом и просела на краешек стула, основная часть сиденья которого была занята большим кульком.

И в правду, женщина, которая в проходе проверила мои документы, прошла между рядами произнося слово: «Сафи», «Сафи». Стало ясно, что она приглашала на посадку пассажиров в самолёт авиакомпании «Сафи». Моя компания была «Дубаи Флай», поэтому эта приглашение меня не касалась. Часть ожидающих последовала за ней на посадку, а я сидела и спокойно изучала восточный зал ожидания.

Нет, восточный шарм Дубай совсем другой. Афганский, на один-два века отстаёт от Дубай по социально-экономическому уровню. Но приверженностью к традициям, Дубай близко не может подойти к Кабулу: ну скажите, в зале ожидания аэропорта Дубай Вы найдёте такое количество босоногих мужчин, ревущих детей, которым никто не запрещает реветь и они доходят до истерики. Где в Дубай Вы увидите такое количество забитых европейцев вместе, как не в зале ожидания Кабульского аэропорта. Небось на своём поле они ходят надутые как индюки ? А здесь они уменьшены и безмолвны, как суслики. Не объявляй им посадку хоть целый год, они и слова не произнесут. Я, по сравнению с ними, Жанна д'Арк, Майя из Цхнети. Вы только посмотрели бы как я, жительница «Барона», которая без охраны даже в туалет не ходит, повязанная головным платком ношусь между рядами с восточными мужиками и то одних, то других мучаю вопросами. Такая наглость, повидимому, ошарашивает их, поэтому меня не трогают. Наоборот, у меня такое впечатление, что они стараются со мной не связываться. А у меня из-за этого снялись все комплексы и страхи, я освоилась в афганской ситуации и теперь мне совершенно безразлично, кто, где и что взорвёт. Наконец я услышала долгожданное «Дубаи Флай». Я влилась в людской поток на посадку. В нём оказалось много европейцев и белых и чёрных американцев. Все рвались к «Нейтральным водам», к Дубай, откуда открыты все направления. Для афганцев – это Палестинское, Индийское, Иранское и направление на Саудовскую Аравию. Дубай – это транзитный пункт, откуда начинается мирное и безпроблемное продолжение пути. Кто в Афганистане не может достигнуть этого и у кого потеряна надежда на спасение, все присоединяются к этому каравану.

Скоро Афганистан окажется без Афганцев, озабочено говорит мой учитель Дари. Он с нетерпением ждёт ответа из американского посольства о предоставлении политического убежища. Вся его семья уже прошла несколько процедурных этапов и скорее всего он в недалёком будущем покинет вместе с семьёй Афганистан и присоединится к большому каравану бегущих из страны через Дубай.

Из Кабула в Дубай лететь три часа. По причине дешевизны билетов, «Дубай Флай» не обслуживает пассажиров в самолёте. Это я обнаружила в середине полёта, когда стюардесса с меню и калькулятором обошла самолёт, принимая заказы на обед. Вот тогда я и оценила те два вкуснейших хачапури, которые я съела с подругами перед отъездом, потому, что увидела, как американка, сидящая рядом со мной, за куриный бутерброд, пакет чипсов и чашечку чая заплатила 50 долларов. В этот момент я спокойно была занята описанием впечатлений.

Три часа до Дубай, ещё три часа в аэропорту Дубай и три часа от Дубай до Тбилиси. Думаю, что за это время я прочитаю «Гурджи Ханум» Дато Турашвили. Если со мной ещё что-нибудь приключится или я что-нибудь вспомню интересное из моего путешествия, я расскажу, а если нет, то постараюсь заснуть потому, что в Тбилиси раньше четырёх утра я не попаду.

В профиле Скайпа я записала строки из стихотворения Акакия Церетели: «Страна, где небо бирюзово, Где изумрудом блещет дол, Мой край родной, к тебе я снова, Больной и трепетный пришёл ! Получила весьма категоричное письмо от Медико Гобронидзе, которая пишет: «Бросай всё и сейчас же возвращайся домой !» А я и не думала, что за три месяца меня так замучает ностальгия. Видимо – это так называемый «Грузинский синдром». Когда я уезжала, жители «Барона» провожали меня с радостью: «Счастливо, крепко отдохни и успокойся, поздравляем...» Никто не обижался, что я уезжаю, наоборот радовались потому, что знали, что еду домой: в «Бароне» всем хочется домой. Поэтому я думаю, что не существует грузинская, русская или английская ностальгия. Ею заболевает любой пленённый человек независимо от того насильственно или добровольно он попал в плен, служит его пленение цели материального или духовного характера. Хочешь ты этого или нет, ты попадаешь в капкан ностальгии, которая, к стыду, заставляет тебя ныть. В случае добровольного пленения, сколько бы тебе не платили, тебя всё равно ест невыносимая грусть. Обычно, эта болезнь одними переносится легко, другими с трудом. Говорят, что известны случаи, когда человек погибал от ностальгии...

Глава 15.

Кто сказал, что Афганская охрана плохая ? Она очень хорошая, вполне меня устраивает. В нашем проекте и, вообще, во всех других проектах USAID, в соответствии с текущей политикой американского правительства, в Афганистане идёт тотальная «афганизация». В службе безопасности происходит то же самое. Американских и британских офицеров службы безопасности меняют на только что обученных афганских солдат и офицеров. По этому поводу весь международный состав «Барона» страшно паникует. Афганцам не доверяют: кто

может гарантировать, что они не продадут тебя, а затем передадут тебя талибанам для получения выкупа ? Они запросто взрывают своих, а тебя что пожалеют что-ли ? Я так далеко не вижу, опыт проживания в Афганистане у меня небольшой и, соответственно, по отношению к Афганской охране у меня нет никаких претензий. Сажу я тихо и наблюдаю за окружением. Если увижу что-либо подозрительное, то к кому мне обращаться, как не к Вам ?

После того трагического случая, когда талибаны похитили дипломатку, которая погибла в результате спецоперации по её спасению, я предупреждаю всех, кого это касается или не касается, что в случае если меня похитят, не вздумайте освобождать меня из лап террористов, не вздумайте пошевелить даже пальцем потому, что с талибанами я сама разберусь, а может и договорюсь, но сама. Окружающие, которым я это говорю улыбаются и советуют мне не шутить не эту тему.

- Если талибаны обнаружат твои кулинарные способности, то вполне возможно, что они сами проведут спецоперацию, чтобы оставить тебя у себя. И так и эдак, если тебя похитят, тебе хана,- смеётся Дживан (Дживан Кампос, американец родом из Малайзии, эксперт, приглашенный в Информационный центр Торговой Палаты Афганистана).

- Я шучу. Ты же знаешь, что в каждой шутке только малая доля шутки, остальное истина ?

- Это выражение существует, но звучит оно наоборот: «В каждой шутке доля правды !» - Пытается выручить меня Весна.

- Да, но с течением времени, вместе с другими изменениями, модификацию претерпело и это выражение. Сейчас оно звучит так, как я сказал ! – Дживан очень хочет представить меня пленницей талибанов и тут же разыграть траги-комический сценарий моего выпарывания из плена. Он гроссмейстер таких ситуаций. Я бы за ним последовала, но, поскольку, в данном случае, я должна изображать жертву, мне это не нравится и я торможу разгул его фантазии. Всё ! Конец фильма !

Уже 20 дней, как ТАФА(сковорода) проводит тренинги студентам экономического факультета Кабульского университета по теме деятельности Международной Ассоциации Перевозок и вообще о перевозках и транспортировании. Эти тренинги прогремели на весь Афганистан по причине того, что кроме студентов Университета, этот курс ТАФА прочитала транспортникам и перевозчикам почти всех провинций Афганистана. Вот и настал мой звёздный час: мне поручили написать «Историю успеха», т.е. описать, как всё это происходило и как всё это произошло. Официальное закрытие трёхмесячного тренинга с праздничной церемонией было назначено на 30 октября. На закрытие ожидалось прибытие элиты афганской экономики, бизнеса и университета.

Я, на одной странице, должна была поместить заслуги и итоги вышеупомянутой элиты, цели тренинга, достигнутые результаты и воздействие этих результатов на экономическое развитие Афганистана. Для этого необходимо было обработать минимум два тома всякого рода информации, чтобы в мутной воде поймать как можно больше рыбки. В создавшейся ситуации, с целью получения информационных материалов, я решила посетить одно из последних семинарских занятий перед официальным закрытием тренинга. Помимо всего, мне интересно было посмотреть, как живут и учатся студенты, как они одеты, какое у них отношение к учебному процессу какие надежды, к чему они стремятся и т.д. и т.п. После этого у меня так же возникала возможность пополнить свои записи одной-двумя лучезарными страницами.

А пока, перескажу Вам рассказ учителя языка Дари (Афганская версия Персидского языка. На древнеафганском Дари означает Царский Двор) о том, как он, при талибанах, преподавал афганской молодёжи английский язык: «Когда талибаны пришли к власти, я бросил государственную службу и стал частным преподавателем. Я начал читать курс языка в Университете. Одновременно я подготовил курс обучения чтению и письма, начальный курс английского и, на первом этаже моего дома, открыл офис. Ежедневно, до 11 вечера, я работал не поднимая головы, не отказываясь ни от какой работы, пока, однажды, ко мне не постучали и, прямо в во время урока, устроили допрос: что преподаёшь, почему преподаёшь, кому преподаёшь и т.д. Я спокойно отвечал на вопросы, думая, что это обычная проверка. Мой сын оказался понятливей меня и, с целью моей защиты, спустился из своей комнаты ко мне вниз. Ему и слова не дали произнести, прямо ударили ногой в лицо. Я рванул, чтобы помочь ему, но они бросили меня на пол и долго и старательно били меня ногами. Ничего не понимающие ученики с ужасом смотрели на расправу, но вмешаться не решились, потому, что каждый талибан был вооружен и мог расстрелять каждого, кто попытался бы вмешаться. Надо сказать, что на этот раз мы отделались сравнительно лёгкими побоями. С тех пор я стал очень осторожным и прекратил работу в офисе до поздна. Я стал ходить к ученикам на дом и там заниматься с ними.

Особенно мрачная ситуация была с девочками, которые хотели научиться грамоте и английскому. Это считалось грубым нарушением моральных принципов и могло привести к судебному разбирательству на стадионе, если не забиванием камнями.

Обучаться английскому приходил и молла. Однажды, когда молла был у меня, раздался неприятно знакомый грубый стук в дверь. Я сказал молле, чтобы он быстро встал и начал читать Коран. Он послушался меня и, когда «карательный отряд» ворвался в дверь и увидел читающего Коран моллу, каратели растерялись: молла ведь читает священную книгу, повернулись и ушли ни с чем. Пару раз меня и на улице останавливали, когда я возвращался от

учеников и спрашивали, где я был ? Почему был ? Чему учил ? Почему учил ? На меня видимо кое-кто постоянно доносил, что этот человек, мол, занимается нехорошими делами, считая, что своим доносом он служит делу защиты афганской моральной чистоты. А у меня-то была совсем другая задача. Моему народу требовалась повальная ликвидация безграмотности. Это понимали все, но тогда человек даже самому себе боялся признаться, что он ошибается. Я тоже боялся, очень боялся, но остановить меня было невозможно. Я до сегодняшнего дня служу этому делу и создал за это время около двухсот курсов изучения языков для разных слоёв населения с разным уровнем знаний.

Так было при талибанах. А теперь я расскажу об афганском храме знаний,- сегодняшнем Кабульском Государственном Университете.

С утра я согласовала вопрос с охраной и, с уже известным Вам сотрудником Дахундой и его ассистентком, сели в машину и поехали участвовать в последней сессии по вопросам организации перевозок. Поскольку дорога в Кабульский Университет проходит через центральную часть города, я была рада, что может быть увижу сквозь окна машины Кабульский центр и «Куриную улицу». Но, в тот самый момент, когда я об этом подумала, в машине заработала громкоговорящая связь, которая передала водителю, что на центральной площади многочисленная демонстрация и надо ехать обходным путём. Увидеть центр не удалось. И снова мы поехали по уже знакомой мне объездной пыльной дороге, вдоль гор, мимо грязных развалюх.

Склоны гор застроены построенными из глины и песка домами с плоскими крышами. Между ними вверх поднимается тропинка для осликов, с одной стороны которой каменная лестница с высоким ступеньками. Она не доходит до верхних домов. Туда можно добраться только по тропинке.

- В нормальных странах в таких местах живут миллионеры, а у нас только бедняки,- говорит Дахунда, который, как оказалось наделен талантом гида. Всю дорогу он рассказывал мне о новой и старой архитектуре, строительстве, инфраструктуре и планировке Кабула: что и когда было построено, когда, как и кем разрушено.

- В этом районе нет ни воды, ни дорог, а электроэнергия - по графику. Что касается канализации,- это Ахилесова пята всего Кабула,- продолжает Дахунда.

- Позволь, а куда идёт такая огромная международная помощь, если в городах страны не налажены вопросы воды и канализации,- возмущаюсь я, будто в 90-х годах у нас все эти вопросы были решены.

- Можно подумать, что ты не знаешь, что эти деньги уплывают в чьи-то карманы. А у вас что не так, что-ли ? – Отпарировал он.

- У нас дороги строили и рушили сначала коммунисты, потом демократы их доламывали. Во время Розовой революции, по всей стране начался дорожный бум. По утверждению нашего правительства, вся международная помощь была потрачена на строительство новых дорог. Да, новое здание аэропорта ещё

построили. Правда, ветер так часто приподнимал его крышу, которая, к тому же, протекала, что народ любовно назвал это здание «кабриолетом», - Дахунда улыбается, - фонтанов понастроили, - уйму. По количеству фонтанов на душу населения, в мировом масштабе, мы вырвались на передовые позиции. От фонтанов не отстали и мосты. Злые языки говорят, что продолжение строительства новых мостов может привести к необходимости добавления новых рек или, по крайней мере, притоков. Короче говоря, у нас сейчас эпоха реставрации и строительства. Пока почти ничего не взрываем.

- Но вы вроде довольны правительством ?

- Уж так довольны, что дальше некуда, - отвечаю я и, чтобы остановить развитие этой пикантной темы, спрашиваю:

- Скажи, пожалуйста, а сколько стоят дома в этом квартале ?

- Очень дёшево и всё равно, никто их не покупает. Здесь вынуждены поселяться те, которые не в состоянии платить налоги и кто живёт впроголодь.

- А район очень красивый, - сплошная экзотика. Я с удовольствием жила бы в таком месте. Напоминает Бухару. Думаю, что лет эдак через 20 -30, этот район станет наиболее притягательным для житья в Кабуле, - пофантазировала я, - дальновидный бизнесмен сюда должен вкладывать деньги.

Дахунда снова улыбается, но, на этот раз, без комментариев: он вовсе не уверен, что Афганистан в течение ближайших 30 лет не будет в состоянии войны и поэтому не верит, что именно этот район за эти годы непременно расцветёт и преобразится.

- Красивые холмы и, вообще, рельеф Кабула необыкновенно красивый. Очень обидно, что этот город абсолютно беспризорный. В интернете я прочла, что одно время город называли Азиатской жемчужиной и розой Востока. Там же, в интернете были фотографии парков старого Кабула, которые напоминали своей планировкой и ландшафтами Версаль и Виндзор, - с горечью говорю я Дахунде.

- Да, когда я был очень маленький, этот город был очень большой, я даже не помню, какой большой. А сейчас это маленькое пыльное гнездо, с полностью вырезанными деревьями и кустами и, как результат, погибшей травой. Сначала, во времена войны с русскими, под предлогом того, что они мешают снайперам целиться, срубили все большие дубы и буки. Затем Талибаны сожгли и уничтожили оставшееся, будто всё это было чужое. Ветер и автомобили начали разносить пыль по всему городу, отчего в Кабуле всё, включая розы, стало коричневым: дома, улицы, пешеходы, растения, животные, птицы. Сколько бы ты не мылся, через полчаса ты снова пыльный и грязный. Надоело так жить.

- Ладно, не так уж всё безнадежно. Посмотри какое Солнце, какой воздух, какая красота...

- За последние годы кое-какие дороги сделали, заасфальтировали центральные магистрали, но, несмотря на это, мы всё равно ездим по грунтовым

дорогам. Как ты правильно заметила, в этом городе столько спусков и подъёмов, столько поворотов в одну и другую сторону, что исправить всё это можно только за много лет мирной жизни при больших деньгах.

- Нет, это место мне определённно нравится. Еслиб я жила в Кабуле, я жила бы здесь. При этом место сравнительно безопасное: какой террорист полезет в гору самовзрываться ? – пошутила я.

- Ты что говоришь, террористы в первую очередь атакуют именно горные поселения. Во-первых потому, что население здесь бедное и беззащитное и занять эти постройки не представляет трудности, а потом, со стратегической точки зрения, это весьма важные высоты. Так что я не советую тебе здесь жить, - смеётся Дахунда и подмигивает водителю бронированного лэндкрузера. Так он отнимает у меня последние шансы поселиться на красивом Кабульском склоне. Зато на моей стороне ассистент Дахунды Джамшид, который согласен с тем, что склон горы очень красивы и жить здесь было бы очень хорошо.

- Там - чистый воздух и, представьте себе, тамошняя пыль намного менее вредна для здоровья, - заявляет Джамшид.

- Приехали ! Узнай, пожалуйста, впустят ли нашу машину на территорию для парковки ? – говорит он Дахунде.

У университетских ворот с двух сторон два отдельных входа: один для студенток, второй для студентов. При входе, служба безопасности проверяет как девочек, так и мальчиков. Выход – свободный: выходи откуда хочешь. Нашей машине позволили въехать во двор.

Университет занимает громадную территорию. Учебные корпуса разбросаны по всей территории университетского хвойно-лиственного лесопарка, в котором имеются остатки дорог времён советского режима с полностью разрушенными тротуарами. В глубине парка, сравнительно недалеко, виднеются заржавевшие от бездействия металлические столы и стулья. Учебные корпуса связаны с главной дорогой немного более ухоженными асфальтированными аллеями. Несмотря на то, что парк довольно старый и совершенно «нетронут», нашествие городской пыли и грязи последних лет наложило на него свои серовато-коричневые цвета. Довольно большая территория парка практически пустует потому, что студенты и преподаватели, при переходе из одного корпуса в другой или на выход, не сходят с аллеи и дорожек. А в прошлом, за парком, видимо, хорошо ухаживали. И сейчас видны следы его былой славы в сохранившихся контурах корпусов. В результате отсутствия хозяйского ухода парк зарос и одичал, но, к счастью, красота его осталась прежней, что говорит о том, что несколько лет мирной жизни обязательно и быстро его возродят.

Я спросила у Дахунды дату основания Университета. Он ответил, что это произошло то ли в 1320-м, то ли в 1330 году, точно он не помнит, но это при том, что сейчас в Афганистане 1399-й год. Короче говоря, возраст их Университета

почти такой же как возраст нашего, но отличается он от нашего тем, что представляет собой настоящий университетский городок: все корпуса со своими библиотеками, хозяйственными и административными постройками, студенческими клубами находятся на одной территории. Мне так понравилась окружающая ситуация, что заходить внутрь корпуса совсем даже не хотелось, но я вспомнила, цель моего визита и, через силу, последовала за Дахундой на третий этаж, где расположен экономический факультет и 80 студентов и бизнесменов проводят последнее семинарское занятие по вопросам перевозок и транспортного обслуживания.

В первом ряду аудитории сидели только мужчины. Девушки сидели отдельно в 3 и 4 ряду. Дахунда и Джамшид проводили последнюю письменную работу и неторопливо ходили между рядами, отвечали на вопросы студентов и давали им советы. Я ходила вслед за ними и фотографировала. Во время перерыва Дахунда подвел меня к девушкам. Я записала несколько небольших интервью. Девочки немного волновались, когда я задавала вопросы. Когда я спросила их, как они оценили бы данный тренинг, они очень вежливо ответили, что тренинг был очень полезный и интересный. После этого они перешли в контратаку:

- Меня интересует, как Вы сами всё это оцениваете? – обратилась ко мне зеленоглазая с красным платком девушка с правильными чертами бледного лица,

- Ну что я могу сказать, по моей оценке Вы самые красивые девушки в мире. Остальные оценки сделают они, – сказала я, указав рукой в сторону Дахунды.

- Большое спасибо, Вы тоже красивая и очень добрая, – произнесли они в ответ.

- Для них это самая желанная оценка, больше всего они хотят услышать это, – заметил Дахунда и глазами сказал мне, что пора уходить, лимит твоей свободы истёк.

- Я должна сфотографировать девочек, – попыталась протянуть я время.

- Сфотографируй их в саду, – сказал мне Джамшид и по голосу я заметила, что он нервничает.

Я быстро сделала несколько фотографий девушек: на фоне корпуса, в саду, на фоне парка и меня почти бегом подали к нашей бронированной машине. Водитель-афганец посмеивался над тем, как неловко я влезала в авто, но несмотря на желание помочь, он это не сделал: очередная демонстрация нахождения в тисках ограничений. Зато он сделал то о чём я не могла мечтать, – повёз нас обратно в «Барон» по разухабистой дороге, мимо понравившихся мне горных поселений. Машина медленно двигалась по шумной дорожной щебёнке. Иногда она наклонялась так, что наши привязные ремни под нашей же тяжестью сильно натягивались и мы вынуждены были держаться за боковые

ручки. Но я всё-таки ухитрилась фотографировать дома, осликов, их оборванных хозяев, весёлых грязных детей, которые бежали за нами и, кажется даже смеялись нам вслед. Это была пожалуй моя самая впечатлительная экскурсия в Кабуле. Я визуально изучила каждый уголок, до которого добирался мой глаз.

Потом, когда я просматривала карточки, снятые в квартале Сурия, я каждый раз убеждалась в том, что до мест, которые мне понравились, цивилизация ещё не добралась. Речь идёт о глиняных домах, пыльных дорожных поворотах, лестницах с высокими, местами разбитыми ступеньками, о плоских крышах, которые безмолвно хранят уникальную историческую информацию Афганистана. Тамашнее население, с высоты своего положения, всё время держит на ладони весь Кабул с его ежедневным бытием и проблемами, демонстрациями, праздниками, катаклизмами и террористическими актами. Думаю, что именно здесь создаётся самая правдоподобная летопись, с которой не сравняться никакой сфабрикованной современным историком хронике.

Глава 16.

Давайте, на некоторое время я перестану причитать, что «сiju за решёткой в темнице сырой»... Уж не знаю, про что писать и чем Вас заинтересовать. Никуда я не хожу, вернее, никуда меня не отпускают. Супермаркеты «Файнест» и «Чиано» - осточертели. Хотя, однажды, из-за того, что кто-то самовзорвался в «Файнесте» и увёл с собой на тот свет минимум десяток невинных иностранцев и афганцев, нас, покупателей, начали возить в другой супермаркет сети «Файнест». При выходе оттуда с полными мешками провианта, через чёрный ход, я подняла глаза и увидела совсем недалеко каменистую гору без зелени, на вершине которой. красивейшим венцом сидела крепостная стена. Очарованная смотрела я на этот шедевр древнего зодчества и не могла сдвинуться с места. Это был драгоценнейший перл Кабула, - «Балла хисар» (высокая крепостная стена). Течение времени и нескончаемые войны ничего не смогли с ним сделать. Он по-прежнему, подобно нашему Джвари, будто вырос из горы: так гармонично он вписался в ландшафт.

- Это что такое ? – Спрашиваю я у водителя-афганца.
- Вы о чём ?
- Вот об этом, - говорю я и рукой показываю на крепость.
- Ах да, это наша достопримечательность, крепость.
- Вижу, что крепость, но как она называется ?
- Как она называется ? – спрашивает водитель у шутера. Некоторое время они посовещались, а потом он ответил:
- Да, так она и называется, - крепость.

- Хорошо, понимаю,- говорю я и сажусь в машину. И, пока «достопримечательность» не скрылась из вида, я не могла оторвать от неё взгляда.

Второй раз в этот «Файнест» я больше не попала, поэтому эту крепость я больше не видела. Тогда мне казалось, что машина времени перенесла меня в эпоху великого Шота Руставели и я, по его следам, попала к стенам Каджетской крепости и своими глазами увидела, где томила в плену Нестан-Дареджан. Словно прекрасное видение, эта крепость явилась мне только один раз, после чего я её больше не видела.

Вчера одна моя афганская сотрудница прислала мне по Фейсбуку старые фотографии Кабула. Всего каких-то 40 лет назад этот город был известен как Цветущий Сад или Роза Востока. Как жаль...

Кто-то сказал, что лучше всего у афганцев получается война. Но, надо заметить, что возрождаться они тоже умеют. Об этом свидетельствует хотя бы та же крепость: я же не только по фотографиям, я видела её в натуре. Просто жизнь этой страны сложилась так, что разрушения происходили чаще, чем восстановления. Но плохо то, что если восстановление разрушенного сильно задерживается, строительное умение и секреты восстановления забываются. В Кабуле в какой-то степени это уже чувствуется по тому, что индийская, пакистанская и иранская архитектурная аляповатости начинают притеснять ровный и мягкий афганский стиль. Я не имею претензий ни к какому стилю, но всё хорошо на своём месте: индийский стиль - в Индии, пакистанский - в Пакистане, а персидский - в Иране. В Афганистане конечно же должен превалировать Афганский стиль, в особенности, в Кабуле.

Наподобие знатных фамилий в Грузии, фамилия Хотак, в Афганистане, связана с имперскими претензиями афганского тома Кучи. Оказывается, представители этой фамилии в 14 веке правили Афганистаном и половиной Ирана. Исмаил Хотак, наш сотрудник, наверное один из последних представителей этого знатного рода. Это - высокий, представительный, широкоплечий афганец с чёрной гривой вьющихся волос над большими, тёмными как ночь, глазами. Своей пластикой и манерами он очень напоминает нашего Арсена Марабдели из грузинских преданий, который отнимал у богатых и дарил бедным. Если меня спросят про афганца, внешность которого может олицетворять Афганистан, первое, что встанет перед моими глазами,- это Исмаил Хотак. С его лица не сходит улыбка, с которой он всем и во всём помогает. В нашем проекте ему поручены вопросы транспортного обеспечения сотрудников. Он первый встретил меня в аэропорту, когда я впервые прилетела в Кабул и, наверное, поэтому у меня сразу возник возвышенный и оптимистичный настрой по отношению к этой стране. И писала я об этой стране на возвышенном регистре и, когда действительность пыталась сбить меня с этого регистра, я сразу вспоминала Исмаила и всё становилось на свои места.

- Я,- пуштун. Людей с моей фамилией в далёком прошлом называли «Вотхилами», что означало, что мы дети Вотхетов. У моего деда были три жены. У отца – тоже. И у братьев,- по три. В семье только у меня одна жена и трое детей (он меня обманывает потому, что Грейси сказала мне, что Исмаил,- Кучи и у него 10 детей). Что касается представительства народности Кучи он не врёт потому, что не раз, с гордостью и чувством превосходства, он говорил мне, что он - Кучи, а эти пуштуны сначала все были Кучи.

Исмаил необыкновенный знаток афганской истории, из-за чего, лично я, не спорю с ним на эту тему. Его знания настолько глубоки, что он даже как-то рассказал мне, как первые грузины с боями ворвались в Северный Афганистан, остались там и, со временем, стали афганцами.

- Деревни Кучи называют «Вотхилами» и их жители считаются опасным народом. Большинство талибских военных отрядов почти полностью сформированы из вотхилов. Кучи,- движущаяся народность (обычные кочевники). В бузкаши с ними не сравнятся никакие другие наездники. Для этого вида спорта и лошади у нас наилучшие.

- А бузкаши это поло ?

- Бузкаши – это «Буз Кашин», что означает ловлю лошадей. Наездник должен отнять у противника зарезанного телёнка. Кто под конец завладеет телёнком, тот и победил. Бузкаши кровавая и безжалостная игра без правил: умри, но отними у противника телёнка: победителя не судят !

- Выходит Бузкаши - это война, а не игра. В Афганистане и с воздушными змеями такая же история: бой без правил. Ценой собственной жизни добывается сбрасывание чужого змея. У вас всё без правил ? – Смеясь спрашиваю я у Исмаила.

- Так получается. Поэтому сегодня Бузкаши, кроме афганцев уже никто не играет, а телёнок заменили зарезанным бараном. Раньше баран был признак несостоятельности. Настоящие игроки играли только с крупным телёнком, что было и труднее и дороже ! – С сожалением говорит Исмаил и умолкает. Потом на более пониженных тонах начинает бурчать, будто про себя, но во всеуслышание:

- Здесь никогда не поймут, что такое демократия. Наша культура и истина это Ислам. Всё, что создано человеческой мыслью: закон, демократия и всё другое,- это Ислам, который представляет и независимость и свободу... Говорят, что в Афганистане ущемляются права женщин, Что значит ущемляются ? Мы ущемляем права женщин ? Мы, которые так ухаживаем за нашими женщинами, день и ночь работаем, чтобы они ничего не делали, не одну минуту не оставляем их без внимания и никогда не бросаем их на произвол судьбы.

- Ты что говоришь, Исмаил, ты говоришь об афганских женщинах ? Или я ослышалась ?

- Женщина для меня всё: мать, жена, друг, любовница, дочь, Родина,- всё это связано с понятием – женщина,- понесло Исмаила так, что можно было подумать, что мы за грузинским столом и он пьёт тост за дам.

- А что, я что-ли бурку придумала ? Напьялили на Ваших красивых афганок замкнутую крепостную стену, эгоисты афганцы ! – с лёгким юмором замечаю я потомку Хотаки.

- А кто тебе сказал, что бурка афганского происхождения ? Какой-то дурачёк завёз её из Ирана, второй дурачёк напьялил её на свою жену. Третий решил: а чем, собственно я хуже других и так пошло и пошло...Своей жене я никогда не предлагал одеть бурку. Представь себе, некоторым женщинам нравится носить бурку и прятать от окружающих свою внешность.

- Что-то очень слабыми мне кажутся твои аргументы, касающиеся ношения бурки.

- А что ты скажешь на то, что около ста раз в год мне приходится покупать дорогие отрезы, размером в 6-7 метров на платья ? А ты на платье сколько покупаешь материала ? 70 сантиметров ?

- Два метра.

- Видишь ? Как дорого обходятся нам наши дорогие женщины ? А количество сандалий –бесконечно. В нашей стране мужчины не допускают, чтобы женщина была одинока или не одета и не обута (т.е. без головной повязки). Но если в машине у мужчины сидит женщина, хорошо одетая и солидная, полиция его не остановит т.к. мужчина, сидящий рядом с такой женщиной уважаемый, честный и деловой человек. Но если он посадил в машину такую женщину, как ты (снова его куда-то не туда понесло), как он должен оправдываться, он никого не сможет убедить, что не идёт куда-то на подозрительное времяпрепровождение или гулянку, что он держит чистоту семьи...

- Бедный Исмаил...Ну и ну...Значит из-за моего такого наряда, несмотря на то, что на мне платье до пола и на голове косынка, машину могут остановить и оштрафовать или арестовать за аморальное поведение ? Какие Вы несчастные в наших руках !.. Кажется при этом у тебя три девочки ?

- Нет, у меня и мальчик, но я с ума схожу по моим девочкам, мальчики принадлежат матерям – (такое впечатление, что Исмаила подготовили грузинские мужчины и подсунули его мне для испытания) – нет на вас хорошего хозяина, поэтому ходите в бронежилетах и ездите в бронированных джипах. Ну-ка оденьте бурку,- Вас никто не тронет,- хохочет Исмаил.

Короче, ни на один вопрос я не получила нормальный ответ и именно это мне больше всего нравится потому что я верю, что для Исмаила, который вот уже десятки лет работает в американских проектах, главное всё-таки свобода без демократических и коммунистических вливаний, свобода, которая лежит в его Исламе и которой он упивается.

- Кучи свободен как ветер. Афганская земля для него собственноручно сотканный летучий ковёр, штурвал которого – ветер дующий с гор. Кучи очень умён и ловок. Это самые богатые люди в Афганистане, которые обожают жить просто и свободно, как ветер...Время бежит, время не остановишь и, понимая это, мы живём не так как мы должны жить, - продолжает философствовать Исмаил, - или как хотели бы жить. Беспощадное время заставляет нас делать глупости для того, чтобы мы скопили капитал для хорошей жизни. Владелец банка «Азиз» мой двоюродный брат. Будучи в нефтяном бизнесе, он сколотил огромный капитал, но получилось, что ценой гибели двух сыновей. Третьего сына у него похитили и не возвращали, пока он не заплатил миллионы...

Семья Исмаила состоит из 80-ти членов. Все живут в одном квартале в собственных домах. Всего домов - девять. Один дом общий, гостиница-столовая, где каждый вечер все собираются и вместе пьют чай. Исмаил говорит, что делают они так потому, чтобы мать имела возможность приласкать каждого своего ребёнка ежедневно, чтобы она ежедневно убеждалась, какая это сплочённая и сильная семья и спокойно засыпала.

- Это наша младшая мать, сейчас она живёт у меня. Отец мой несколько лет как скончался. Если она каждый день не пообщается со своими детьми, она тоже умрёт. И мы исполняем этот небольшой её каприз, ничего не поделаешь, - говорит Исмаил.

Ну, дорогие мои, это всё из какой-то другой афганской сказки. Потому, что всё, что я читаю в документах, в книгах и другой литературе про Афганистан, что я вижу в натуре невооружённым глазом, это совершенно другая реальность. Хотя я не хочу, чтобы Вы, хоть на один момент подумали, что я сомневаюсь в словах Исмаила. Вполне возможно, что этот мир Кучи, - девятидомовый, заселённый кланом Хотаков квартал, действительно тот желаемый Афганистан, который существует только в измерении Исмаила.

Точно такой ковёр ткут Кучи. Он совершенно ничем не похож на известные афганские ковры ручной работы. Ковёр Кучи намного проще и привлекательнее, более человечный и удобный. Ковёр Кучи путешествует вместе со своим народом и равным образом делит с ним все радости и неприятности. На ковре Кучи, как на годовых кольцах обрезанного дуба, отображается вся его летопись, из-за чего на эти ковры идёт особая охота коллекционеров и туристов. Хотя с Гератскими коврами ковры Кучи тягаться не могут потому, что Гератский ковёр – это царь ковров и смотрит он на всех остальных гордо с высоты своего царского трона.

Я столько читаю о невыносимом положении афганских женщин, особенно в глубоких провинциях, что прочитав в «Droni-ge» аннотацию криминальной хроники о том, что «18-летнюю девушку насильовали в течении трёх дней, после чего пытались сжечь её живьём», я решила, что это печальная афганская действительность и в слезах прочитала полный текст хроники: «В

Украине, в Николаевском районе близь Киева, произошло страшное преступление. Три молодых мужчины в течении трёх дней по очереди насиловали 18-летнюю девушку в закрытой квартире, после чего, с целью сокрытия следов преступления, девушку связали по рукам и ногам, заклеили рот и попытались сжечь её живьём в одной из заброшенных строек.

Восемнадцатилетняя девушка, в тяжелейшем состоянии здоровья, находится в больнице, где врачи борются за её жизнь. Самая возмутительная деталь этой истории заключается в том, что из трёх задержанных подозреваемых, двоих выпустили. Тут же выясняется, что это дети высокопоставленных чиновников: Эленацкий, – сын заместителя руководителя районной администрации, второй, – сын бывшего прокурора центрального Николаевского района».

Оказывается Украина, да, да, цивилизованная Украина, у которой претензия на звание факела демократии, – место подобных преступлений. Про такое говорят, что чем «сломать» имя, лучше сломать голову... Небось колыбелью взрывов, перерезания глоток, изнасилований (и мальчиков тоже) считают Афганистан. Но пора заглянуть в собственные дома и провинции. Ничего не говорю о США, где за ширмой закона и демократии – полный беспредел.

Моя филиппинская сотрудница Мартина рассказывает мне о более впечатляющих афганских фактах, имеющих место в одной из деревень Кандагарского района, о которых я сейчас расскажу: «Однажды мой афганский коллега, весьма возмущённый и разгневанный, вошёл в офис. Я спросила его: «Что случилось?». Ко мне на улице, подошёл человек, когда я ждал такси, и спросил меня, не знаю ли я какого-нибудь адвоката. Я ответил, что знаю, но для какого дела он ему нужен?

- Хочу развести свою младшую сестру Фатиму с мужем, – ответил он, – Фатима в тяжелейшем положении лежит в больнице потому, что муж её Назир самым жестоким образом избил её. Назир и Фатима возвращались с бахчи домой, после того, как целый день собирали фрукты для продажи на базаре. Назир погонял ишака, а нагруженная мешками Фатима следовала за мужем. На подъёме ишак не смог вытянуть груз и упал на колени. Назим снял с ишака груз и переложил его на Фатиму.

Под тяжестью груза Фатима там же упала. Разъярённый Назим за это избил её до полусмерти, приговаривая: «За что мне досталась текая никчемная жена».

- Пусть пойдёт и расскажет Исмаилу эту историю, у него наверняка есть хорошие адвокаты, – разъярённая говорю я Мартине, которая конечно не понимает, при чём тут Исмаил.

Сегодня я, Весна и три молодые афганские женщины обедаем вместе. Весна из Боснии. Она уже 5 лет работает в Кабуле в международных проектах и достаточно хорошо разбирается в вопросах афганского быта. По этой причине

она очень легко входит в контакты с афганцами. В отличие от неё, я, из-за того, что практически не выходила за пределы «Барона», знаю афганский быт по книжкам и разговорам, что, повидимому, недостаточно. Из-за этого я часто задаю довольно некомпетентные вопросы, которых я потом стыжусь. Но чем глупее я задаю вопрос, тем больше и доскональнее я узнаю современное реальное состояние афганского быта.

Книги, которые я прочитала до приезда сюда и будучи уже в «Бароне», полны описанием ужасов и человек с нормальной психикой, по ним, должен возненавидеть Афганистан и молить Бога за то, что он находится в стенах «Барона» под защитой американских властей. Что дело обстоит не совсем так, я уже начала понимать. но я ещё «малолетка», которая должна верить тому что рассказывают Халед Хоссейни и другие афганские писатели. Исходя из рассказанного ими, эта, когда-то великолепная нация, отличающаяся изысканной восточной культурой и обычаями, стремящаяся к образованию, сегодня перетрансформировалась в стаю маньяков, садистов, необразованных фанатиков, интеллектуальных конформистов и коррупционеров.

Что мне делать, я не знаю, но я не верю в это ! Или, как я должна поверить, когда в зелёных глазах моего учителя персидского языка я вижу беспредельную мудрость и добро, когда я прихожу в дикий восторг от шуток Ахмада Зия и обалдеваю от внутреннего свечения глаз Набилы ?

Эмигранты, из-за того, что они эмигрировали по причине изгнания или насильственного перемещения, осуждают и тех, из-за кого они оказались в такой ситуации, и тех, кто остался на Родине или не сумел, как они, сбежать. Все без разбора виноваты перед ними. Виноваты в осуществлении таких трагических акций, как карательные операции, которые происходили на стадионах, в перерывах между таймами футбольных матчей: публичное забивание камнями, расстрелы, повешения и т.д. Они, в глубине души, вместе с палачами, осуждают жертвы потому, что жертвы не нашли в себе силы выжить, привести страну в порядок и подготовить её к их возвращению.

Так, до сегодняшнего дня, обвиняют нас убежавшие от советизации за рубеж грузинские эмигранты и называют оставшихся коммунистами или, в лучшем случае, переродившимися грузинами, носителями советского менталитета, которые не проявили достаточной настойчивости и не свергли советскую власть. Мы также не подготовили почву для их возвращения. Тех, кто в условиях социализма достигал определённых успехов, грузинские эмигранты из Западной Европы называли агентами КГБ. Коммунисты эмигрантов называли изменниками. А мы, простые смертные грузины из Советского Союза, завидовали «деятелям» из Парижа, Лондона и США, которые по нашим представлениям «крутили» миллионы. Как мы могли предположить, что наши там не являются представителями высшего общества и не сводят весь западный мир с ума своими талантами и невероятной «пробивной» способностью. Совсем

недавно, когда поднялся «железный занавес», народ увидел, что ситуация была диаметрально противоположная...

Мой индийский коллега Нимай говорит, что Афганистан – неудачливая страна. Судьба не жалуется Афганистан, особенно с тех пор, как страна потеряла общую границу с Индией, в результате того, что между Индией и Афганистаном «врезался» Пакистан.

Я очень отклонилась от темы. А какое было весёлое начало. Короче говоря, сидим я, Весна и три представительницы «неудачливой страны» вместе и кушаем афганский обед. В тот день на ланч в столовой было первое, цыплята табака, красная лобия и жареная картошка, на десерт – два банана. Я и Весна съели своих цыплят с великим упоением.

- Вы так аппетитно уплетаете своих цыплят, что мне тоже захотелось, - говорит Узра и начинает жевать белое мясо своего цыплёнка.

- Да, если она начала есть, значит получила большой импульс, - смеётся Парасту, - она вообще ничего не ест.

- А почему ? Вот и я ем и мне очень нравится, - включается в разговор Рахима.

Я и Весна уже съели половину порции. Со второй половиной боремся то пальцами, то зубами: мясо и вправду немного распушено. Это потому, что цыплят здесь жарят со снятой шкуркой. В Афганистане даже в простых рабочих столовых не подают замороженных цыплят. Курица должна быть куплена на базаре, зарезана и ошкурена на Ваших глазах. Здесь, в «Бароне» я вспомнила давно забытый вкус деревенской курицы, которую ела со свежим ткемали и с мчади. Помню время, когда и мы не ели мороженных цыплят из магазина. Но это было очень давно и с тех пор очень много воды утекло... Жизнь пошла вперёд, развилась, изменилось отношение к питанию... А эти люди ещё находятся в том времени, задержались, питаются исключительно натуральными продуктами и слово «генмодифицированный продукт» ещё не слышали. Чувствуете, как они отстали от цивилизованного мира ?

Я вновь ушла от темы. Девочки, в отличие от нас, кушают очень нежно и разговаривают друг с другом шёпотом. Очень хочется, чтобы Весна начала беседу на какую-нибудь бытовую тему, но, увы, она молчит. Хотя понятно, что Весне уже осточертела бытовая афганская тема разговора, но она забывает, что я пока только этим живу. Вдруг её прорвало и она спросила девочек, замужем ли они ? Что третья была замужем, она знала т.к. была на их свадьбе. Розия и Парасту в один голос ответили – нет.

- Значит готовитесь ?

- Представьте нет, - отвечает красивая Розия и улыбается 32-х зубой улыбкой.

О, это был вызов, его так просто упускать нельзя.

- Скажите, правда, что ребятам сейчас жениться очень трудно ?

Сначала они с удивлением смотрят на меня, но потом начинают догадываться куда я клоню и та, которая замужем, Рахима отвечает:

- Да, все расходы несёт мужчина: свадебные подарки, дом, одежда, калым (выкуп за невесту) семье невесты, всего до 5 000 долларов. В Кабуле эта традиция несколько упрощена, но в деревнях пока всё по старому. В этом плане молодые мужчины в Афганистане на самом деле в трудном положении.

Сейчас я ещё раз хочу несколько отклониться от тематики нашей беседы и рассказать Вам историю, связанную с продавцом нашего минимаркета, Абдуллой. В минимаркете он продаёт драгоценные камни и ювелирные изделия. Его работа, в отличие от многих, представляет собой настоящую торговлю, до «посинения». Он большой мастер этого дела и, если ты не прошёл высшую дипломатическую школу, справиться с ним будет очень сложно. Поэтому я, зачастую, без особого энтузиазма, люблюсь необыкновенными изумрудами, которые он привозит прямо из Паншира, не спрашивая его про цену, которая для меня недостижима. Но однажды он мне заявляет:

- Если ты на самом деле покупатель, забирай за полцены.
- Что произошло, Абдул ? – Спрашиваю я его.
- Собираюсь жениться и начинаю собирать деньги, мне нужно очень много денег. Я должен собрать эти деньги за месяц, поэтому на этот месяц я становлюсь добрым Абдуллой. Не упускайте этот момент, чтобы потом не жалеть об этом.
- Ва, как здорово, поздравляю, ты очень счастлив ?
- Очень, через месяц помолвка и поэтому мне срочно нужны деньги.
- А сколько всё-таки ?
- Очень много...Всё продам за полцены...Давай, помоги мне и ты выиграешь и твои друзья и подруги.
- Хорошо, я скажу всем.

И действительно, я пошла и оповестила сотрудников, сотрудниц, друзей и соседей, что Абдулла женится и организует распродажу. Толпы покупателей повалили в минимаркет «Барона» к Абдулле убедиться в том, что начинается распродажа. Некоторые прямо покупали товар, некоторые (я в том числе) торговались, пытаясь сбить споловиненную цену. Представьте себе, Абдулла шёл на неслыханные льготы и уступки. В минимаркете настала пора весёлого оживления. Брат Абдуллы и два его двоюродных брата, которые вместе с ним работали в маркете, посмеивались над ним и говорили, что если так продолжится, то он их обанкротит, а ту женщину ему не то что не отдадут, но даже издали не покажут. Абдулла тоже от души смеялся, но от своего не отходил. А в конце, когда настало время подсчитывать результаты, выяснилось, что за этот месяц он собрал нужные на помолвку деньги и обвешал всех женщин «Барона» своими украшениями. Ай да Абдулла, «Гуд джоб!», - восхищались иностранцы. Я думаю, что Абдулла оказался человеком, который, в

отличие от многих, очень хорошо просчитал всё и ещё раз доказал людям, что «смеётся тот, кто смеётся последним».

В Фейсбуке на моей странице появился один развлекательный видеоматериал с сопроводительной справкой: «В Афганистане грузины научили американских солдат стихотворение грузинского поэта Дуту Мегрели». droni.ge; 14:14 27.02.2012 В социальной сети «Иютуб» сегодня опубликован видеоматериал, который снят в Афганистане. В кадре американские и грузинские военнослужащие, которые сидят в бронетранспортёре. Видимо они в ожидании команды о выходе на задание или просто отдыхают. Грузинские солдаты просят американского морского пехотинца прочитать грузинское стихотворение и он, почти безошибочно, с американским акцентом декламирует первую строфу известного стихотворения грузинского поэта Дуту Мегрели. Далее, в нескольких частных беседах, он вставляет популярные грузинские фразы и, в оригинале видеоролика, пользуется ненормативной лексикой. (Кадры предоставлены порталом geoagtu.ge. - Ну и что ?)

А сейчас мы вернёмся к нашему диалогу, посвящённому сложностям афганской женитьбы.

- Значит женитьба им дорого обходится ?

- Да, при этом Вы наверное слышали, что афганские мужья очень заботливы по отношению к женам...

- Я Вас понимаю, но то, что Вы сейчас сказали, я слышу впервые, а противоположное – слышала много раз,- искренне и не задумываясь брякнула я. Перед глазами стоял рассказ Мартины о Фатиме и зверствах её мужа, Назира.

- Но это неправильно, повторяю, афганцы очень заботливые мужья, у них всё предусмотрено досконально (теперь я вспомнила слова Исмаила о том, что он на руках носит свою жену), желание жены для афганского мужа – святыня и он обязательно должен его выполнить (разберись теперь кто прав, Исмаил и эта девочка или авторы бестселлеров про афганскую жизнь). Многое, что принадлежит к афганским обычаям, вообще отсутствует в исламской религии. Это,- культурное наследие страны и, часто то, чему нас не учит Ислам, неучи причисляют к религиозным законам. Если бы все мусульмане до конца следовали Исламу, во всём мире воцарилось бы идеальное спокойствие и мир,- уверенно говорит Рахима потому, что в моих глазах она умиротворяет подозрение и недоверие.

- А то, что у твоего мужа есть право иметь вторую, третью и четвёртую жену ?

- Да, но на равных правах ! – с чувством собственного достоинства говорит она и две её подруги покорно соглашаются с ней. Теперь для меня всё

стало ясным и поэтому я прекращаю спор. Рахима поняла моё решение о прекращении спора, но сдаваться она не хочет.

- Да, но если мужчина хорошо чувствует себя со своей женой, почему он должен жениться на второй? – ставит она тот вопрос, который должна была задать я.

- Не знаю. Меня тоже это интересует.

- У Ваших мужчин нет других женщин?

- Наверное есть, но жена на первом месте. Кроме неё у других женщин в жизни этого мужчины нет законного места. Если он не разведётся и не женится на той, другой. – объясняю я на популярном языке.

- Разница небольшая. У нас тоже первая жена, вторая жена, старшая, младшая. При этом, если мужчина привёл, женился на второй жене, у первой возникает право требовать развод.

- Насколько мне известно, право на развод в Афганистане имеет только мужчина.

- Ты права, но если он привёл вторую жену, это право возникает механически. Без причин никто тебя не разведёт. Но разрешение на развод ты снова должна получить у мужа, а афганские мужья, как правило не соглашаются. Они подходят к этому вопросу следующим образом: «Ты моя жена, мать моих детей, на мне лежит ответственность за тебя и на улицу беспризорной я отпустить тебя не могу».

- Вообще, Вы так разрисовали мне ситуацию, что у меня возникла мысль: «А не развестись ли мне с моим мужем украинцем-демократом и подыскать мужа здесь среди идеальных афганских мужиков? Но я такая «везучая», что заранее чувствую, что за афганского мужа платить придётся мне.

- Вы что думаете, что в Пакистане и в Индии не тоже самое? Родители невесты всю жизнь собирают приданное и платят калым родителям мужа.

- Смотря какой муж, – все втроём дружно захихикали. Я, немного погодя, тоже засмеялась, чем ещё больше развеселила девочек.

- А теперь скажите мне, как в Афганистане вопрос женского здравоохранения? Говорят, что мужчина-врач не осматривает женщин и из-за этого женщина в экстремальной ситуации, например при родах, во многих случаях погибает. Я ещё слышала, что у кого есть возможность (у женщин), они едут лечиться в Индию.

- Да, это правда. На периферии за женщинами во время родов ухаживают местные акушерки. В Кабуле много женщин-гинекологов, есть и мужчины, но их мало. Эта проблема в Кабуле не стоит так остро как в провинциях, где явно не хватает родильных домов. Эта проблема локальной культуры и обычаев потому, что в Исламе, это даже не упоминается, – заново начала пропаганду Ислама Рахима.

- Она говорит правду,- подтвердили девочки. В Мазаре, Герате и в других больших городах есть и родильные дома и женщины-гинекологи. Случаи женской смертности в основном в деревнях, где акушерки, в критической ситуации, не способны оказать помощь для спасения гибнущей женщины.

- Вы выходите на улицу в одиночку, без мужчины ?

- А как же, на такси мы ездим куда захотим,- отвечает Розия.

- Нет не на такси, пешком по улице,- уточнила я.

- Нет, пешком одна по улице я не хожу потому, что я не защищена. По Шаренао (центр Кабула),- пожалуйста, свободно, но дальше и на окраинах ни в коем случае. Только если меня сопровождает очень близкий человек: муж, брат, отец или дядя. Нет, точно не пройду по улице одна. На базар допустимо, чтобы пошли две женщины, на «Чикен стрит» тоже. Но в одиночку, вдалеке от центра,- нет.

Весне надоело моё нескончаемое интервью и она приступила к уборке тарелок. Как раз к этому времени закончился ланч. Я замолчала. Девочки успокаивали меня, не бойся мол, мы же здесь. Когда хочешь и что хочешь расскажем. Я попрощалась с ними до завтра и мы вернулись к своим рабочим местам.

Поздно ночью от моей филиппинской Мартины пришло новое письмо из Кандагара. Ещё одно новое ЧП из серии ужасов на женскую тему: в приют неправительственной организации защиты прав женщин привели 15-летнюю девочку. Она целый день стояла лицом к стене и билась головой о стену. Ни с кем не говорила и никого к себе не подпускала. Через несколько недель лечения и психологического вмешательства она рассказала, что её дядя, братья и двоюродные братья в течение трёх лет насиловали её.

У этого нет объяснения. Когда слово не может справиться с описанием, а действие не достигает цели, становишься абсолютно беспомощным и хочется стать страусом, закричать на весь мир: «Без комментариев !» и зарыть голову в песок.

Глава 17.

Светлана Алжанова – из Казахстана и Рахат – из Киргизии, - мои близкие друзья и мы всё время вместе: на работе и вечером. Мы много беседуем о судьбах наших стран. Международное сообщество объединяет пять среднеазиатских республик бывшего Советского Союза (Киргизия, Туркмения, Казахстан, Узбекистан и Таджикистан) в группу стран Центральной Азии с окончанием на «стан» (Кыргызистан, Туркменистан и др.). Одной из главных политических задач этих стран (некоторые из которых богаче России) сегодня,- это освобождение от доминирования русского языка в быту и в делопроизводстве.

Причинами обрусения, по рассказам Светланы и Рахата, являлись неправильные действия «старшего брата», выражающиеся в том, что местное население в своей стране считалось национальным меньшинством, что привело к повсеместному смешиванию населения и обрусению. В большие города массово заселяли русских. И Светлана и Рахат выходцы из провинции, родившиеся в маленьких аулах и, даже там, в детских садах и школах учили только по-русски. Дома они тоже говорили по-русски и, единственный, кто сопротивлялся этому, была бабушка, которая не понимала разговор своих внуков и внучек, а они не понимали её.

- Бедная бабушка всё время просила нас научиться Казахскому языку, но её никто не слушал. Казахская школа была единственной в деревне и туда почти никто не ходил. Сейчас мы постепенно начали восстанавливать Казахский язык в государственных предприятиях и учреждениях. Выступление с докладом на Казахском языке считается теперь хорошим тоном. Но мало, кто знает родной язык на высоком уровне. Мой брат уже глубоко освоил Казахский язык и я тоже много работаю над ним,- говорит Света.

- Господи Боже мой, какие мы необразованные: я ничего о Вас не знаю несмотря на то, что на протяжении 70-ти лет мы были одно государство,- вырвалось у меня.

- А я читала книги твоего отца.

- Так я тоже читала книги Чингиза Айтматова, но он ведь на русском языке писал.

- А твой папа разве не на русском писал ?

- Нет, на Грузинском. Как он мог написать «Я, бабушка Илико и Илларион» на русском ? – откровенно удивилась я,- но я точно знаю, что эта книга переведена на Казахский и Киргизские языки.

- Я читала её на русском и она мне очень понравилась.

- В моём классе только я был киргиз, остальные были русские,- валючился в беседу Рахат.

- Почему, ты что в русской школе учился ?

- Ну, да. Киргизоязычная школа в Бишкеке была одна и очень плохая.

В отличие от них я с гордостью рассказываю, как я училась в грузинской школе, закончила грузинский Университет, работала в институте Грузинской Литературы и как мы, все вместе, встали на защиту грузинской государственности, против большого Советского государства, которое хотело государственным языком в Грузии превозгласить русский язык. Я вспомнила и то, что моя кандидатская диссертация была переведена на русский язык и отослана в Москву, где была утверждена. Я же могла не писать диссертацию вообще ? В чём она мне пригодилась ?

Мой отец рассказывал одну историю как анекдот о том, что на одной из сессий Верховного Совета СССР (депутатом которого он был) его коллега по

сессии, Министр одной из среднеазиатских республик, поинтересовался, на каком языке в Грузии учатся в школе. И когда отец ответил ему, что на грузинском, он с улыбкой заметил ему на русском языке: «Как Вы от нас отстали, у нас уже всё на русском». История была рассказана мной Рахату и Свете, которые очень долго смеялись приговаривая: «Чего Вам надо от Министра, он сказал правду».

Не знаю, что сказать. Какого-то чрезмерного давления в направлении русификации, лично я не испытывала, наоборот, часто встречала выскочек-грузин, которые, по собственной инициативе, в процессе беседы вдруг извинялись и, под предлогом плохого владения грузинским языком, переходили на русский. Видимо русские в Грузии не смогли создать почву для активного перехода, боялись. Может быть им это и не нужно было потому, что там, где им это понадобилось, они этого достигли (среднеазиатские республики бывшего Советского Союза).

Помню, как меня удевило, когда азиатская жена (Уйгурка) друга нашей семьи, абхазского поэта Гено Аламия, Рабигюль, начинала говорить по русски с чистейшим московским акцентом. Как Ивета, моя сотрудница, армянка, в анкете писала: место рождения – Тбилиси, национальность – армянка, родной язык – русский. Она писала абсолютную правду. Такая ненормальная ситуация была во всей стране советов. Всё у этой девочки было наоборот, а она никогда не интересовалась, а почему ? Когда я её спросила, почему ты не знаешь армянский или хотя бы грузинский язык, она отвечала вопросом на мой вопрос: а зачем эти языки мне нужны ? Это отдельные случаи, которые я знаю.

История моей семьи сложилась так, что у меня по одному родственнику почти каждой национальности: один абхаз, один украинец, русский, поляк, армянка, но все свободно говорят по грузински. Одна из тёток, наполовину армянка, заслуженный педагог Грузинского языка и литературы, доктор филологических наук, профессор.

- Это просто невероятно, что у вас и русские говорят по-грузински ! – восторженно замечает Света, которая была свидетельницей моего разговора в Афганистане с Ларисой Романенко на непонятном для Светланы языке.

- Во-первых у Ларисы украинская фамилия. Во-вторых она родилась и выросла в Грузии да ещё мать у неё грузинка, - бросила я и тут же поняла, что продвинулась ещё на один шаг: это был необыкновенный пример – подтверждение того, что восторжено было отмечено одну минуту назад Светланой Алжаевой из Казахстана.

- В Казахстане это совершенно недостаточно. Я же столько времени тебе это доказываю, - сказала мне она.

В «Бароне» в это время начались непредсказанные явления. Сначала наш партнер остановил контракт с директором коммуникаций Френсис Ардинсом, как было объяснено, с целью снижения проектного бюджета. Другой причины

для этого они придумать не смогли потому, что у Френсис ни больше, ни меньше, двадцатилетний стаж работы в CNN и 8-летний стаж работы в прессцентре Рейгана с высшими оценками и рекомендациями. Возмущённая, я посоветовала Френсис пожаловаться в суд (в надежде на неоспоримый авторитет американского судопроизводства), на что она коротко отрезала: «Дорогая, на американское Правительство не принято жаловаться». После этого она смиренно собрала манатки и, прежде чем я ушла в отпуск на рождественские каникулы 2011 года, с помпой и банкетом удалилась навсегда. Ровно через неделю, по той же причине отпустили филиппинку Мартину. Потом постепенно, на всякий случай, всем нам дали знать, что такая же участь грозит каждому из нас, никто от этого не застрахован. Вот тогда-то «Барон» и стал похож на настоящую тюрьму, где никто не знает, когда вдруг откроется дверь камеры и тебя позовут: «С вещами !»

Глава 18.

КАТМАНДУ

На Новый год я уезжаю домой в двадцатидвухдневный отпуск.

Когда я случайно узнала, что Весна со своей подругой собираются в путешествие по Непалу, мне тоже ужасно захотелось поехать в эту сказочную страну. Я решила украсть у своего отпуска 10 дней и перекинуть их на шею моей дорогой Весны. Она очень обрадовалась моему решению и, чтобы я не передумала, все организационные вопросы, связанные с выездом в Непал, взяла на себя. Не удивительно, что при наличии опыта таких дел, Весна за одну неделю завершила все (свои и мои) формальности. Нужно отметить, что в Афганистане, если ты работающий иностранец, к тебе автоматически прилепляется статус «экспата», что крайне упрощает оформление путешествия в любую точку земного шара: езжай, куда угодно твоей душе.

Надо сказать, что Весна так увлеклась оргвопросами, что ухитрилась в столице Непала – Катманду, где ночёвка в нормальном отеле не превышает 23-х долларов (Бесо Хведелидзе рассказал мне, что он жил, однажды, в пятидолларовом отеле с трёхразовым питанием), забронировать двухсотдолларовый номер в пятизвёздочном отеле. Когда, по этому поводу, у меня начался нервный смех, она с очень важным видом заявила, что в таких дешевых краях, как Непал, в свою собственную безопасность надо вкладывать как можно больше денег.

- При этом, двести долларов в сутки разделятся на три части (вместе с нами должна были быть её Боснийская подруга, Лейла) и получается весьма

приемлимая цена, - очень убедительно доказывала Весна. Я безусловно покорилась, хотя в глубине души была против оплаты таких денег только за пятизвёздочный статус гостиницы.

23-го декабря 2011 года, ровно в 8 часов утра, мы стартовали из «Барона» по маршруту: Кабул, – Нью Дели, – Катманду. В полдень мы были уже в ультрасовременном, фешенебельном, кристаллически чистом аэропорту Дели. Кто-то подумает, что у меня возникла нездоровая реакция на аэропорт, ни чем особенно не отличающийся от других, и будет прав.

Дело в том, что за последнее время мне довольно часто приходится прилетать и улетать из Кабульского аэропорта, поэтому даже небольшое положительное отличие вызывает у меня восхищение (восхищение Катарским аэропортом ещё впереди).

Через два часа полёта, после «блестящего» Делийского аэропорта, мы сели в аэропорту столицы Непала – Катманду. Несмотря на то, что все мы много читали и слышали о Катманду, стоило мне ступить ногой на землю Непала, как сердце начало бешено биться, кровь в жилах понеслась с удвоенной скоростью и я, зажмурив глаза, с головой окунулась в мир великолепных Гималайских великанов: «Джомолунгма, прими меня !»

Должна Вам признаться, что ни на какую вершину я уже не в состоянии взобраться, но то, что она совсем рядом и блеск её режет глаза, означает для меня её покорение. Да, означает ! Если не верите, езжайте и убедитесь сами !

Непал, – очень гостеприимная страна, похожая в этом плане, на нашу страну - Грузию: за каких-то 25 долларов там же, в аэропорту, Вам дают визу, с шутками и прибаутками проводят паспортный контроль и, в сопровождении наилучших пожеланий, типа «Добро пожаловать в Катманду !», Вы, совершенно законно, ступаете на благословенную непальскую землю. В отличие от Делийского, аэропорт Катманду гораздо скромнее и сдержаннее.

Ровно в 11 вечера мы вышли из здания аэропорта и оказались в окружении водителей такси и носильщиков, которые наперебой предлагали свои услуги. После недолгосрочных перекрёстных переговоров, наконец был выбран водитель, с которым мы начали наше путешествие по Непальской земле. Была я подготовлена по своим ожиданиям ко всему этому или не была, мне почему-то было очень весело. А смех и веселье, как известно, лучший спутник туриста.

Фирму и марку нанятого нами такси я не разобрала (думаю, что этого не знал и сам водитель), но автомобиль напомнил мне наши «джабаханки», на которых наши колхозники привозили на базар овощи, зелень и фрукты. Помните, наверно, у нас на автотрассах, встречные ржавые легковые автомобили, набитые, до выхода из габарита, картошкой, капустой и другими товарами. В отличие от наших, наше такси было немного меньше. Мои и Веснины чемоданы в багажник не поместились, из-за чего один из чемоданов

был впихнут вместе со мной в «салон». На «кресло» салона был накинут вышедший давным давно из употребления пыльный плед. Салонный потолок местами так живописно был ободран, что комбинация ржавых островов потолка и грязных лоскутов пледа, создавали вместе весьма забавный колор.

- Это - Непал ! – весело заявил мне диспетчер, когда увидел мои расширенные от ужаса глаза: реакция на нежелание впихиваться в машину.

- Вижу,- согласилась я с ним и нервно рассмеялась потому, что поняла, что без посторонней помощи моя посадка в машину не состоится. Но ехать-то надо. Каких усилий стоило мне и окружающим впихнуть меня с чемоданом на заднее сидение я сказать не могу, но когда я, наконец впихнулась и захотела закрыть за собой дверь, выяснилось, что опять же, без посторонней помощи, сделать это я не могу, так как у дверей изнутри не было ручек: ни дверной, ни стеклоподъёмника. Зато водитель, находящийся снаружи, так грохнул этой дверью, что я сразу почувствовала себя внутри нераскрытой жестяной консервной банки.

С Весной происходит аналогичная история с той лишь разницей, что она впихивается в переднюю часть «салона». В консервную банку её впихивали те же два человека и водитель также надёжно грохнул дверью на фоне её истерического смеха. Смеялись все: водитель такси, диспетчер, второй впихиватель, я и Весна, большие звёзды на ночном небе. У всех кругом было хорошее настроение !

- С чего это Вы решили ехать в Катманду, там же очень грязно,- сказал нам перед отъездом русский приятель Весны, Алексей и, с момента произнесения этой фразы, в моих глазах сильно пошатнулся всероссийский авторитет этого человека, у которого воспоминание о Непале ассоциировалось только с грязью и дискомфортом ?

Я вспомнила свою бывшую сотрудницу Тусу Чкония, которой, вместе с двоюродной сестрой-эмигрантка оставила в Париже небольшой домик. Для получения завещания, женщины отправились во Францию и, возвратившаяся через месяц Туса рассказывала, какой грязный город Париж, что тротуары завалены собачьими фекалиями. При этом она была зла и на тётю за то, что та оставила одну квартиру на двоих: не могла поделить квартиру пополам ? Чего нас мучала ?

Так или иначе мы устроились в нашей маленькой игрушке и направились в двухсотдолларовую пятизвёздочную гостиницу.

Катманду был затемнён как Тбилиси в 90-е годы, а дороги по своей ухабистости не уступали внутридеревенским Гурийским дорогам. Наш весёлый водитель со страшным грохотом вёл машину по тёмным улицам и изредка делал комментарии о достопримечательностях Катманду, которые появлялись вдруг в виде еле освещённых контуров. Он тут же, на ломанном английском языке рассказывал нам их историю.

На улицах было пусто, дома – без освещения. Только в некоторых окнах маленького размера ели теплился свет. Точно так как было у нас, когда мы для освещения квартир пользовались керосиновыми лампами.

- Катманду, с наступлением темноты, полностью умирает,- говорит водитель, чтобы осмотреть город двух дней вполне достаточно. Затем Вы должны посетить другие места. Непал - красивая страна с грандиозной природой. Если хотите, Вас обслужит моё туристическое агентство ! На высшем уровне ! С наилучшими ценами ! Не на этой, а на наилучшей машине !

Разумеется мы «поверили» ему на слово, но нас неожиданно разразил такой неприличный гомерический хохот, который заглушил голос нашего водителя, пока мы дошли до дверей гостиницы. Далее мы вошли в тёмную (это было 23 декабря за два дня до Рождества) заледеневшую крепость с угрюмыми, очень тёмными «драконами» и красными еле светящимися непальскими фонарями. Швейцар, в национальной форме, проводил нас к регистрационному столу, за которым сидел посиневший от холода метрдотель с профессиональной улыбкой на лиловых от холода устах. Он передоверил наш багаж швейцару, оформил нам наш номер 508 и передал нам тяжёлые старинные ключи от номера. На 5-й этаж мы поднялись на лифте. Наш номер оказался в конце длинного, сырого и вонючего коридора. Я шла по коридору молча, а перед глазами горели цифры (200 долларов за 1 ночь), которые в интернете фигурировали рядом с названием гостиницы и пятью яркими звёздами. Швейцар открыл номер, «включил отопление» и, с отработанной жестикуляцией, выполнил ритуал прощания. Напрасно мы ждали какого-либо потепления: оно так и не наступило. Несмотря на то, что в ванной комнате был жгучий холод, из кранов текла горячая вода и это стало причиной нашего желания погреться. Я только приготовилась к влезанию в ванну, как потух свет. Весна, как сумашедшая, ворвалась в ванную комнату со светящимся экраном мобильного и вытащила меня оттуда. Мы напялили на себя всё имеющееся у нас барахло и влезли в ледяные постели. Наконец мы самосогрелись. Оконные стёкла запотели, изо рта шёл пар потому, что мы смеялись. Нет, мы не смеялись, мы заливались смехом и визжали от смеха до боли в висках...

- Эту ночь как-то надо пережить, а завтра в этой гостинице ноги моей не будет, - еле произнесла Весна и тут же зажегся свет.

- Прощенья не просите, этому делу уже не поможешь,- громко сказала я в лампочку и, представьте себе, свет опять потух. Так провели эту ночь в забытой Богом пятизвёздочной гостинице, забытые Богом служащие из Афганистана: забытая Богом дочь Боснии и забытая Богом дочь Грузии на забытой Богом земле Непала. Конечно смешно! И мы смеялись и прекрасно понимали причину смеха.

В 6:00 утра я и Весна одновременно проснулись от холода. Весна напялила на себя ещё один свитр и вернулась ко сну. Я встала и выглянула из

окна. Под нами был прекрасный парк с замёрзшим бассейном, лебединым озером и фонтаном с амурами. Времени у меня было хоть отбавляй поэтому я размечталась о том, что наверное, лет пятьдесят тому назад, в эпоху монархии, эта гостиница была красой и гордостью Катманду, первый непальский шедевр модернистской архитектуры. Сегодня её название «Як и Яр». Шибко постаревший авторитет и шибко высокая цена, вот всё, что осталось от красивого прошлого.

Я искала приключения и утро началось как раз с них. Как я уже сказала, наши окна смотрели на райский сад и я решила запечатлеть его, сфотографировать. Я взяла фотоаппарат, открыла одну створку высокого многопереплётного окна наружу и провела сеанс фотосъёмки. В комнату ворвался жёсткий холод. Несколько раз я вдохнула морозный воздух с Гималаев и, чтобы комната не превратилась в морозильник, решила сразу закрыть створку открытого мной окна. Но до конца створка не закрывалась так как была старой и разболтанной. Я стала помогать себе второй рукой, которой надавила на вторую створку, чтобы зафиксировать закрытие окна. Но, вместо того, чтобы закрыться окно резко открылось и я рывком оказалась по пояс в оконном проёме. Я отчаянно вцепилась в старую раму. Подоконник был низкий, мне по колени и я почувствовала, что меня начинает перетягивать наружу. Вы запомнили на каком этаже был наш номер ? Да, на пятом... «Вай мэ !» - Простонала я и со страшной силой вцепилась пальцами ног в пол и оперевшись коленями в подоконник, со всей силы рванула корпус назад. Рывок был такой отчаянно сильный, что я долетела до центра комнаты и распласталась на полу. Сразу за собой я услышала что-то вроде мычания Весны: она причитала про боснийски. Когда я на неё взглянула, лицо её было белое и в таких складках, что было непонятно смеётся она или плачет. Потом она так разревелась, что мне долго пришлось её успокаивать. Я целовала её в голову и по Гурийски приговаривала: « Сердце, сядь назад в сердечник и не бойся ничего ! Сердце, сядь назад в сердечник и не бойся ничего ! »

- Нет, мы сегодня же должны убраться из этого саркофага, - кричала Весна истерически собирая чемодан.

Мы покинули «Яки и Яри» с самого утра, но, чтобы «с паршивой овцы получить хоть шерсти клок», зашли в гостиничный ресторан и очень плотно позавтракали. Представьте себе, что обстановка в ресторане и питание были такие симпатичные, что в один момент мы даже заколебались, а не остаться ли нам ? Но воспоминания о ночном окоченении и моей попытки выпасть из окна были слишком свежи и с лёгкостью забили эти колебания. Более того, нас возмутила наглость офицера в регистратуре, который, на нашу жалобу о том, что в номере не было ни света, ни отопления, менторским тоном пристыдил нас, напомнив, что во всём Непале энергетический кризис, а мы жалуемся ! «Видимо нас принесли в жертву непальскому энергетическому кризису за наши 200

долларов в сутки ?» - спросили мы. Он пожал плечами и сказал, - «Не знаю». Затем вернул нам паспорта и перенёс наши чемоданы в комнату для багажа.

Мы наняли новое такси и приступили к поиску новой гостиницы, согласно списку дорогих гостиниц, который Весна держала в руках. Я, на всякий случай, отыскала в интернете координаты дешёвых гостиниц и, ссылаясь на наличие у нас огромного количества свободного времени, попросила Весну посмотреть сначала дешёвые гостиницы в центре, авось какая-нибудь понравится ? Она, без особого энтузиазма, но согласилась со мной. А что она могла сделать, когда не более, чем час назад на её глазах я чуть не вылетела с пятого этажа. Кивок головой был знаком согласия.

Ещё один маленький переулочек и мы оказались в центре Катманду. Первая цель - гостиница «Ганеша Гимала». Интересно, что нравилось «хиппи» в этом городе ? Я думала что грязь и хаос. Так это и было. Такие грязные кварталы я встречала только в Тбилиси, когда в 90-е годы ходила в рамках одного гуманитарного проекта в районе Метехской церкви в поисках бедствующих семей, которым необходима была помощь. Что касается хаоса, здесь Катманду не переплюнешь. Такого не увидишь и в Калькутте: это – хаотическое движение автомобилей, мотоциклов, скота (козёл, корова), людей и пёстрых велорикш почти без столкновений и скандалов.

Мой коллега, Триш Конрад-Дюпон, предупреждала меня, что Катманду – это гениальное недоразумение, такого нигде не увидишь, но марлевую маску ты всё-таки возьми с собой потому, что там тучи выхлопного газа. Тогда я ей сказала: «Эх, Триш, ты видимо не видывала настоящего выхлопа и не имеешь представления о моих лужённых лёгких». Теперь же я смотрю на защищённый марлевыми масками Катманду (кроме нас двоих и немногочисленных диких туристов) и понимаю, что настоящий выхлоп - здесь. Он действительно начал меня беспокоить: горло пересохло и стало болеть, но я всё-таки не решилась оскорблять колыбель Гималаев надеванием марлевой маски.

Катманду я представляла себе, как сказочный город, окруженный колоссальными горами, забитый прибывшими со всех стран мира хиппи и местными, почерневшими от Солнца шерпами и яками с изогнутыми спинами, а что я здесь обнаружила ? Временные, бессистемно разбросанные полуразрушенные постройки на бывшем обширном рисовом поле. Между домами, похожими на улы, с кое-как украшенными фасадами и разболтанными оконными рамами, снуют разноязычные толпы в основном эскимосской внешности. Явно чувствуется, что индусы здесь в немилости. Чувствуется также положительное отношение к китайской демократии и к правам человека. Индийская религия и культура наложила на жизненно-бытовые условия этих людей серьёзный отпечаток и сейчас, маоистский «клан» непальцев пытается стереть этот отпечаток и Непал поном ходом идёт по пути трансформации (сами они называют это «реформами»).

Наконец, после часового ожидания в пробке, мы прорвались к очень близко расположенной гостинице «Ганеша Гимала», маленькой, четырёхэтажной, террасного типа с внутренним и наружным садиками. Как только мы вошли в вестибюль, я подумала: «Здесь, наверно гнездятся самые, самые хиппи». Уже у регистратуры валялись несколько засаленных рюкзаков, а на противоположной стороне стояли узкие кушетки с набросанными мутками (подушка роликового типа). Вверх и вниз по узкой винтовой лестнице шастали длиноволосые загорелые, европейского божественного вида молодые люди, девушки и персоны среднего возраста. Одеты все со вкусом по стилю: «художественный беспорядок» с такими непальско-гималайскими деталями, как свободный галстук на шее, держатель волос на голове, длинный кашмирский шарф и т.д. На тех, у которых было более явное желание отдать дань местному стилю, были одеты рваные джинсы, а сверху свитр из шерсти яка с непальским национальным узором. На головах некоторых – меховые шапки. Все – сильно загорелые, что наводило на мысль, что это и есть высокогорные восходители.

Было солнечное утро и гостиничные жильцы сидели в гостиничном садике, пили кофе и читали газету «Гималайя». Я тоже взяла один экземпляр газеты. Там я обнаружила только гималайские новости и пикантные истории Боливудских звёзд. И правильно. Не думаю, что читателя этой газеты интересовали бы процессы, происходящие в мире, политические катаклизмы и прочее: они приехали в Непал «покорять Гималаи».

В регистратуре нам сказали, что свободные места будут только с завтрашнего дня. Думаете по какой цене? Прекрасный двухместный номер, – 29 долларов США.. Да, не за человека, а за номер за сутки. Мы попросили показать нам номера и, в качестве сопровождающего, нам дали маленького, улыбающегося и весьма благоприятно настроенного непальца с полостью рта, почти полностью свободной от зубов. Одет он был как шерпа и сразу повёл нас на крышу. По дороге мы всё время спрашивали его про отопление в номерах, на что он невозмутимо отвечал: «Ноу проблем! На случай отключения электроэнергии у нас имеются генераторы и отопители». Там, на плоской крыше мы заглянули в номера и души наши успокоились: комнаты, как нам показалось были сухие, тёплые и светлые.

Походили мы взад - вперёд по террасной галерее и пришли в восторг от тамошних цветников и видов на город. А с крыши на Катманду и окрестности открывался такой вид, что я уже чувствовала себя на вершине Эвереста. «Нет, отсюда я никуда не уйду! - сказала я Весне, - кончай базар, я люблю «Ганеша Гимала». Наш сопровождающий догадывался, о чём идёт речь и широко улыбался. А регистратура, с озабоченными лицами, просила явиться завтра потому, что сегодня они не в состоянии ничем помочь.

Весна предложила пойти в «Гаити» и посмотреть, если понравится, переночевать там одну ночь. Я согласилась и мы на том же такси направились в

«Гаити». Откуда я могла знать, что Весна давно готовила мне этот сюрприз и Ганешу она осмотрела так, на всякий случай. Такси она не отпускала и водитель не прятал восторга от того, что Бог подарил ему двух, богатых как Рокфеллер женщин, которые не гнушаются его весьма скромным, неизвестной марки автомобилем. До Гаити в нашем списке было ещё несколько гостиниц, но мы удовлетворились их внешним осмотром, не вылезая из автомобиля. Я уже поняла, что Весна уже давно остановила свой выбор на Гаити и всё остальное мы осматривали так, чтобы я не обиделась. И вот, наконец, мы добрались до назначенного места. Нам отворили большие железные ворота и наша более чем скромная машина въехала по очень высококачественному отрезку дороги на стоянку солидного бетонного здания. Двухстворчатая в орнаментах деревянная дверь и широкая застеклённая галерея как бы снимали тяжесть с массивной конструкции здания.

На двери нашей машины набросились сразу четыре человека, но зря потому, что одна дверь не открывалась, дверь водителя не в счёт, а на две оставшихся хватало двух человек. Оставшиеся без дела два человека мгновенно вскрыли багажник и, кивая нам головами, мол, пожалуйста за нами, покатали наши чемоданы к входу. С чувством собственного достоинства мы последовали за ними на всякий случай предупредив водителя, чтобы он пока не уезжал. Путь к регистратуре лежал по розовому мрамроному полу, мимо минимodelей непальских достопримечательностей и уголков отдыха с деревянными кушетками с мутаками. В регистратуре выяснилось, что проживание в Гаити было немного дороже, чем в злополучной гостинице Яка и Яр, но отопление здесь было двадцатичетырёхчасовое и в стоимость входил завтрак. Там же Весна призналась, что её подруга, Лейла, которая сегодня вечером должна присоединиться к нам, отказалась останавливаться в простой гостинице, поэтому, прежде чем они уедут в Бутан, мы будем жить здесь. Потом у меня возникало право переехать в полюбившуюся мне гостиницу Ганеша.

Я поняла, что спорить бесполезно, к тому же, я - в меньшинстве. Возможный протест с моей стороны мог бы быть расценен как несолидарное поведение, что во время подобных путешествий губительно действует на коллектив или, по крайней мере, оставляет неприятный осадок и я сдалась на милость победителя. Для себя я решила пожить два дня с девочками в гостинице для «белых», а остальное время провести в гостинице Ганеша, для «чёрных».

Пока оформляли наш номер и устраивали багаж, мы, через внутреннюю дверь, вышли попить кофе на большую террасу. Оттуда открывалась потрясающая панорама с видом на гордость Катманду, – «Будана ступа» (Дом Буды),- Главный Будистский Храм. Ступа находилась на небольшом расстоянии от нас и мы решили посетить её до приезда Лейлы.

Будана (так непальцы ласково её называют), возвышающаяся в центре площади, на которой она стоит, представляет собой грандиозный

многоступенчатый купольный белоснежный будистский храм. Окружен он нескончаемым количеством миниатюрных сувенирных магазинов, миниресторанов, баров и кафе. Между Ступой и ними, по всему кольцу стоят молитвенные колёса, а во входном проходе стоит большое Мать-Колесо. Колёса всё время крутятся потому, что поток прикасающихся к ним и раскручивающих их рук людей, следующих по кругу - нескончаем. Вращение этих колёс подобно вселенной – бесконечно. При Главном входе вращается Мать-Колесо. К нему все заходят с особым возвышенным чувством, как в молельню. Рядом с ним ты кажешься себе муравьём.

Сама Ступа белая, как снег. Трёхглазая с двумя глазами с разрезом формы миндаля и одним глазом между ними, глазом мудрости, формы вопросительного знака. С какой стороны бы ты не смотрел, он смотрит на тебя и лезет тебе в душу. Очень трудно долго на него смотреть. Вход в Ступу охраняют скульптуры двух слонов. С купольного столба к маленьким ступам протянуты толстые верёвки, на которых развешаны цветные молитвенные флаги. В расположенных терассообразно молитвенных местах и коридорах верующие, приехавшие со всего мира, совершают молитвенный ритуал совершенно по разному.

На кругу встречаешь людей разных национальностей. Большинство одето в свои национальные костюмы и эта одежда разных мест и народностей настолько многоцветная и многообразная, что понять, кто откуда и какое отношение они имеют к Буде, - невозможно. Европейцы, которые облачены в синие платья (и мужчины, и женщины) – начинающие будисты, а их одежда, которая называется «Платье покорности», очень красиво смотрится.

Читая описанное выше, можно легко догадаться какой я специалист и исследователь Будизма. Соответственно, неудивительно, что из-за недостаточной образованности в этом вопросе, в этой Мекке Будизма, я попадала в неловкие ситуации, о которых я Вам, так и быть, сейчас расскажу.

Я и Весна пошли уже на третий круг Ступы, но не по доброй воле, а от того, что никак не нашли входной проём. У нас от усталости уже подгибаются колени и, не выдержав такого, мы, на ломанном английском языке, спрашиваем у движущейся с нами старушки: «Как туда войти ?». Она блаженно улыбнулась и ответила, Что туда войти мы не сможем.

- Почему ? – спросили мы тоном обиженных маленьких детей.

Она ответила той же блаженной улыбкой. Мы решили, что вход в Ступу исключительная привилегия будистов и таким как мы неверующим там нет места. Старушка вновь улыбалась нам блаженной улыбкой, будто ей нас было жалко, но помочь нам она не могла. Вдруг позади нас я услышала чей-то бархатный голос. Рядом с нами стоял молодой Лама в платье кизилового цвета. На губах у него играла та же блаженная улыбка, что у нашей старушки.

- Потому, что там внутри Буда !

Мне стало стыдно, но Лама так сладко улыбался нам, что я догадалась, что на этот «туристический» вопрос ему в день приходится отвечать тысячный раз и он ничего плохого в этом не видит. Мы с облегчением вздохнули: наконец, на наше бессмысленное хождение по кругу, поставлена точка. Теперь можно идти пить кофе.

Я уже говорила, что вокруг Ступы «столпилось» колоссальное количество сувенирных магазинов, кафе и террасных ресторанов. Первая, которая оказалась в поле нашего зрения, оказалась таверна с вывеской «Божественный вид». По узкой винтовой лестнице с высокими ступеньками мы взобрались на крышу таверны, где на нас смотрел священный глаз Будалы. Мы сели за столик у барьера и оказались полностью в Солнечных лучах. Весна заказала чай Масалы, я – Дарджилинг. За нашей спиной сидела Европейского вида женщина, которая к моей профессиональной зависти, что-то очень серьёзно записывала. Со столика рядом молодая пара фотографировала Будану. А, за угловым столиком, четыре почерневших от Солнца непальца, запивали зелённым чаем поджаренный хлеб, не обращая никакого внимания на Буду.

Вскоре, на нашу крышу, с шумом ворвалась группа германских туристов. Они заняли длинный стол в середине и завели разговор с теми четырьмя непальцами. Как я догадалась, это были их проводники, что навело нас на мысль о найме для нас хотя бы простого гида. Поэтому, расставшись с «Божественным видом», мы двинулись походом по туристическим агентствам, множество которых находились вокруг Ступы, где мы совсем недавно ходили кругами. Наше внимание привлекла вывеска с надписью «Сабина холидейз», которая была над магазином шарфов «Пашмина». Стрелка указывала в сторону внутреннего двора. Во дворе два маленьких непальца играли в футбол. Я спросила ребят: «Где находится «Сабина холидейз?» Они, не отвечая мне, начали громко звать: «Фрем! Фрем!» На втором этаже кто-то выглянул из окна. Дети сказали ему, чтобы он спустился потому, что его кто-то спрашивает. Этот человек так долго не спускался, что мы рассердились и хотели было уйти, как вдруг на лестнице, под аркой, я увидела спускающегося хромого молодого человека.

- Вернись, Весна,- крикнула я ей вдогонку и она через мгновение стояла рядом со мной.

Так мы познакомились с Фрем Ламой, который стал нашим экскурсоводом. Фрем - потомок племени Лам, профессионал своего дела и незабываемый персонаж моих непальских впечатлений. Фрем влюблён в своё дело, а больная нога (он хромает на одну ногу) вовсе не мешает ему в работе. Он так скачет по лестницам и скалам, что создаётся впечатление будто нога для этого специально подогнана.

Будана прислал нам Фрема в подарок. Потомок Лам, всезнающий Гуру он очень весёлый и очень любимый. Три дня с утра до ночи он был бок о бок с

нами и в аэропорт он нас отвёз. Без Фрема в Катманду мы больше не передвигались.

Вместе с Фремом мы ознакомились со всеми достопримечательностями Катманду, начиная с «Храма обезьян», Буда парка – Сиамбуса, города Пахтапур с Индуистскими храмами и шедеврами Камасутры, вырезанными в дереве. В Нагаркурте мы оказались при заходе Солнца, не простом уходе Светила за горизонт, а при опускании раскалённого шара в алые Гималайские вершины. Это потрясающее зрелище продолжается до тех пор, пока красное свечение диска не окрасит в розовый цвет еле движущиеся полные облака во впадинах Гималаев. Потом пропадает и это свечение и с Гималайских вершин опускается тёмно-серый огромный занавес. Спектакль окончен до 5 часов утра, до восхода Солнца. Прощай, очаровательный Нагаркурт ! Я никогда не забуду пронизанные Солнечными лучами Дорджелапа, Лантани и Ширапанма. Эх, как мне хочется ещё раз вернуться к Вам ! Прощай Джомолунгма, я благодарна тебе за то, что ты снизошла до встречи со мной !

Сегодня мы едем в город мастеров-камнерезов, в ещё одно место со сказочными индуистскими храмами, под названием Патани и Посупати. Вот уже в который раз у меня вырвалось из груди: «Где Вы, мои родные собродяжки: муж и сын ? Почему Вы не рядом со мной и не восторгаетесь вместе со мной этими сказочными чудесами».

Однажды в Индии, на набережной приморского города Пури (Бенгальский залив), Амарендра Чакраворти, индийский писатель, у которого я гостила, указал мне на бетонную площадку, которая была вынесена в море и сказал: «Хорошенько понаблюдай за этим местом». Площадка была наполнена оранжевыми шафрановыми венками. На ней виднелась какая-то конструкция из деревянных брёвен, похожая на кушетку. Площадка была задымлена и слегка затуманена.

- Здесь кремируют всех умерших в Пури и соседних деревнях,- сказал Амарендра.

Я глядела на эту площадку и единственное, что меня тронуло, было, как ни странно, необыкновенно красивое сочетание цветов. Я подумала, что получилась бы хорошая картина. Сам процесс кремации как-то прошёл мимо моего восприятия так как площадка была довольно далеко, была окутана смесью дыма и тумана, таинство и мистика здесь были совершенно несовместимы.

Вместе с Фремом я прогуливалась в квартале индуистских храмов Посупата и изредка поглядывала на сувениры, разложенные на земле. На площади с маленькими ступами собрались гималайские свамы. Один спал вблизи ступы, второй, большой щёткой расчёсывал и заплетал свои толстые и жирные волосы, остальные тоже были заняты своими бытовыми делами. Про них я очень много читала и знала, что материальный мир и жизнь их совершенно не интересуют. Внешне они выглядели точно так, как я их себе

представляла: раскрашенные гримом лица и тела, не то, что худые, а, как говорится «кожа и кости», блаженная улыбка на устах и слащавый взгляд. Они с любовью смотрят друг на друга и смеются так, будто всё время сообщают что-то радостное и смешное про себя и про своих учеников. Я попыталась их сфотографировать, но один из них движением руки отказал мне. Я решила, что они принципиально против фотографирования и опустила свой аппарат. Но Фрем подошёл к ним, поговорил и вернулся:

- Снимай ! Я заплатил им 500 рупий и они согласились,- как удар молнии прозвучали слова Фрема.

- Ты что говоришь, они что не свамы ? – возмутилась

- Они-то свамы, но за своё фотографирование берут деньги,- улыбнулся Фрем.

- Ну тогда это, наверно, не свамы, а аферисты. Если я скажу своему Гуру, что свамы за фотографирование с ними взяли с меня деньги, он и меня убьёт и себя.

- Короче, будешь ты фотографировать этих свамов-аферистов или нет ?

- Ну, а что я могу сделать другое ? – Я сделала несколько кадров. Они прекрасно позировали. Когда я закончила, один из них, самый живописный, позвал меня и сказал:

- Мадам, сфотографируйтесь с нами.

Я весьма неловко села между ними и сфотографировалась дважды. Вы не поверите, но пока я дошла домой, я всё время думала, что эти фото из аппарата пропадут.

- Фрем, какой ужасный запах идёт от этой реки, я задыхаюсь, давай побыстрее уберёмся отсюда,- попросила я его.

- Вы немного должны потерпеть, проход там, подальше, и, пока мы отсюда выйдем, запах усилится, река тут не причём,- ответил мне Фрем и прикрыл рот и нос платком,- это запах кремации. Сегодня день кремации и за тем мостом сегодня провожают по меньшей мере восемь человек.

Мы приблизились к мосту. По обе стороны моста были построены трибуны. Вдоль моста я увидела несколько костров. Одни полыхали огнём, а другие уже догорали. Ещё один костёр был собран и обложен шафрановыми венками. Это означало, что скоро на него уложат скончавшегося и костёр подожгут.

Люди, провожающие умершего в последний путь, присутствуют на процессе кремации до его превращения в пепел. Обслуживающий кремацию персонал, голые по пояс мужчины, действует очень энергично и организованно. Чем-то они похожи на наших могильщиков, которые всегда спешат засыпать землёй могилу. Как я могла представить себе, что я, православная, Манана Думбадзе, когда-нибудь окажусь в эпицентре будизма и индуизма на кремации не одного, а восьми покойников. Всё это было для меня настолько необычным,

что я не могла воспринять печаль процесса кремации до конца и, как бы, присутствовала на зрелище, а запах кремации меня душил.

Название реки, на которой всё это происходит – Бахмат. Это священная река, которая вливается в Ганг. В этом месте река Бахмат очень мелкая, почти высохшая, она вроде лужи с плавающими обгоревшими головешками и обожжёнными листьями шафранных венков. Господь простит меня, но это такая грязь, что в этом месте назвать её рекой невозможно. Ну представьте себе, грязнее Вере-речки в Тбилиси. Но при этом должна сообщить, что в этой грязной луже, на моих глазах, совершенно спокойно плескались два мальчика в чёрных майках, что вызвало у меня чувство страха.

- Не бойся, с ними ничего не будет, от этой реки ещё никто не отравился, - успокаивает меня Фрем, увидев страх на моём лице.

При переходе через мост мы приблизились к этому простому по конструкции, деревянному крематорию. Скончавшегося там не было, а может он и был там, но, к счастью, я его не видела. Провожжающие молча сидели на небольшой трибуне со скорбными лицами.

Мы тихо, на цыпочках ушли оттуда. Достаточно было отойти от этого места на несколько шагов, как обстановка радикально изменилась: кругом царил весёлый шум и гам, несмотря на скудность базара, на который мы попали. Это был по настоящему пёстрый, жизнерадостный, шумный базар с улыбающимися продавцами и покупателями, менталитет которых вполне соответствовал формулировке «бедность – не порок». Толко дети ревели или вели себя недостойно. Но родители, совершенно спокойно, всё с той же весёлой улыбкой, или успокаивали их, или вовсе не обращали внимания на их рёв. Я вспомнила Тбилиси с печальными и грустными лицами тбилисцев. Даже если дела идут хорошо, и тогда лица многих моих соотечественников не раскрыты в улыбке.

На вечер Фрем забронировал нам столик в ресторане «Культура и традиции Непала». Интересно было то, что кто в течении этих дней встречался нам на экскурсиях, тот оказался в ресторане за соседними столиками. Постепенно создалась прекрасная многонациональная семья, нацеленная на дегустацию разнообразной кухни. Были предложены блюда из всех пяти регионов Непала. Вкусные и безвкусные. Выпивка – тамошняя водка, очень крепкая. Пили мы её из фиал маленького размера и так «наклюкались», что лично я, вместе с другими танцующими, исполнила на сцене танец шерпов. Не думайте, что танцевала только я: инструктор по танцам позвал всех на сцену. Поднялись я и несколько мужчин. Инструктор сначала показал нам движения, а потом мы танцевали синхронно, вместе. Мне очень понравилось. Танцующие, на совершенно непонятном языке, пытались поправлять ошибки друг друга с целью сохранить синхронность. Не знаю, насколько глубоко мы приобщились к непальской культуре, но международного взаимопонимания и солидарности мы достигли, точно.

А сейчас я расскажу Вам о Патане - древней столице Непала. Патан и Пахтапур были такие же окраины Непала, как Катманду, но сейчас своими индуистскими комплексами и достопримечательностями относятся к окраинам Катманду – Пахтапур даркари и Патан даркари (даркари на Непальском языке означает царство/дворец). Эти царства сегодня признаны международным культурным наследием и, в отличие от Катманду, за ними ухаживают и их охраняют особенно. Вход в Патан стоит 10 долларов, а в Пахтапур – 12.

- В Катманду дакари, туристы больше не ходят так как выхлоп автомобилей, мотоциклов и общая грязь загубили местную экологию. Воздух здесь так засорён, что пол города ходит в расpirаторах, несмотря на то, что храмов и молельней здесь много и они не отстают по уникальности от храмов Патана и Пахтапура, - с укором говорит Фрем.

- Да, как я замечаю, если не считать Будану и Монастырь обезьян, туристов Вы водите в основном за пределы Катманду. Там и воздуха больше и, помимо духовной пищи и полёта фантазии, имеется пища материальная, - заметила я и присела за столик первой же чайханы, разве мы не устали ? Может быть выпьем по стакану ? – спросила я Весну. Все очень устали и все с удовольствием устроились под ярким Солнцем Непала попивая непальский чай.

Слегка отдохнувшая я начала рассматривать высеченные в дереве фигуры будистского храма. Начала и не смогла оторваться: под каждым в отдельности изображением богини или святого, была высечена бытовая картинка – ситуация из жизни, выполненная с высочайшим мастерством: секс мужчин и женщин и «наоборот», мужчина с мужчиной, женщина с женщиной, групповой секс, перевернутый, в горизонтальной и вертикальной позах, круговой секс и т.д. Вобщем, перед моими глазами предстала вырубленная в дереве песня Камасутры. Я услышала её глазами, когда расширенный зум фотообъектива в упор расстреливал эти миниатюры во всей их красе. В один момент я чуть не уронила фотоаппарат и, перехватывая его на лету, увидела затаившихся за моей спиной Весну и Фрема, которые, зажав хохочащие рты, чтобы не помешать мне, наблюдали за моим истерическим восхищением.

Как-то раньше, в телепрограмме «Тревел ченел» я смотрела документальный фильм о том, что в начале двадцатого века, английские путешественники обнаружили затерянный в джунглях дворец и, когда они стали очищать его от растительности и лиан, на стенах дворца обнаружилась такая «порнография», что они сначала не знали, что делать, а потом обратно засыпали этот дворец теми же деревьями и навечно забыли это место и виденное там. Несколько десятков лет назад, какая-то «Аморальная» экспедиция вновь обнаружила этот дворец и вынесла на всеобщее обозрение его непристойности. «Тревел ченел» крупным планом показал выдолбленные в дереве шедевры сексуального искусства и осудил тех англичан-пуританцев, которые так добросовестно упрятали от человечества этот клад. Представляю лица этих

людей, когда они усталые и пропотевшие первыми нарвались на то, что они меньше всего ожидали найти. Я поистине сочувствую им.

Не думайте, что в Патане я больше ничего не видела и меня больше ничего не удивляло. Хотя, увиденное своими глазами и осмысленное самим собой всё-таки совсем другое дело (вспоминаю пылающие костры крематория). Будто на секунду я посмотрела смерти в глаза. Нет, не сбоку и не на чужую смерть, а прямо и своей смерти. Именно там я была на миг, там, где пересекаются жизнь и смерть.

Короче говоря, я проговорила столько для того, чтобы ещё раз «признать» истину того, что изображение сексуальных игр, высеченное на стенах индуистского храма является не чем иным, как жизнью и высоким искусством. А секс, изображенный на глянцевых обложках журналов и оживлённый на плёнке, это – порнография. Я так думаю !

В Патане Фрем показал ещё одну «достопримечательность». Речь идёт об американском архивариусе, летописце и знатоке азиатского искусства Стивене Труакс Экерди (Stephen Truax Eckerd), - профессоре отделения публичных и образовательных программ Смитсоновского института. Нам он встретился на центральной площади Патана. На голове его красовалась фетровая шляпа, а одет он был в бежевую куртку из натуральной кожи в паре с голубыми джинсами. Тонкие усики и бланже делали его похожим на персонажа американского кино тридцатых годов прошлого столетия, в частности, на игрока-афериста. Слащавая манера разговора бархатным голосом дополняла образ.

- Когда в Америку привезли необыкновенные экспонаты Ванских раскопок, я сделал для детей популярный путеводитель, выпустил его и даже подарил экземпляр директору Вашего музея, - гордо рассказывал мне Стивен. Потом он много говорил о грузинских музеях и не только о грузинских, об Афганских, которые разрушены и вообще стёрты с лица земли и о всякого рода исторических памятниках.

- В Непал, в первый раз, я попал в шестидесятые годы и с тех пор эта страна воистине стала моей пристанью.

- Думаю, что Вы как раз будете первый человек, который расскажет мне о приехавших в Непал первых хиппи. Кого бы я не спросила в Катманду о них, все уклончиво уходят от ответа будто вообще ничего о них никогда не слышали, почему ? – Автоматной очередью засыпала я Стивена. Я не хотела терять ниточку, которая должна была привести меня в мир переселившихся в Непал хиппи. Стивен для меня, в этом смысле, был как золотая жила для золотоискателя.

- Я лично знал многих «выдающихся» хиппи. Среди них были поэты, художники, простые европейцы, охотники за гашишем. Я тогда был очень молодым работал в “Salvation Army” (Армия спасения). В это время впервые приехали «Дорсы», Морисон, - Стивен начал впадать в воспоминания и очень

подробно нарисовал «Шёлковый путь» хиппи: Лондон – Иран – Афганистан – Пакистан – Индия – Непал. Мне показалось, что я сижу в одном из автофургонов, которые по прибытии в Катманду с ходу занялись с местными обменом гашиша на другие веселительные средства.

- Население Непала составляло тогда 250 тысяч человек. Катманду был маленький одно-двухэтажный город с домами из камня или дерева. То, что сейчас называется городом, раньше были рисовые поля, обрамлённые Гималайскими горами с вечными снегами и громадными ледниками. Катманду оказался приютом в Солнечном центре любви, безмерной свободы, кайфа и нирваны. Хиппи продавали здесь свои автобусы и, пока у них не кончались деньги, из «Нирваны» не выходили, а назад возвращались на самолётах. Так, в течение многих лет в Непал из Европы ввозились автофургоны и микроавтобусы...Потом, так же как бывает везде в мире, обстановка в Непале перепуталась и он превратился в то, что Вы сейчас видите своими глазами... И всё равно это великолепный праздник ! Ничего не поделаешь сегодня в Непале живёт 30 тысяч человек, из них 15 тысяч,- жители Катманду,- с грустью говорит Стивен.

На центральной пешеходной площади Патана, Стивен уже 26-ой год снимает маленькую квартиру, которую, как он сказал с досадой, он должен освободить. Дело в том, что в доме напротив поселился какой-то богатый итальянец, который платит за неё 500 долларов в месяц, а Стивен 500 долларов платил в год. Возникновение итальянца взбудоражило весь квартал: все решили поднять цены на жильё и сравняться по ценам с итальянцем.

- Эта квартира в течение года нужна мне дважды. Из-за дешевизны оплаты я держал её за эти деньги весь год. Теперь, в каждый приезд, я должен подыскивать и снимать новую квартиру. А найти хорошее место в сегодняшних условиях дело непростое,- пожаловался Стивен.

- Да, это печальная действительность. Поэтому мы, коммунисты, не любили этих «гниющих» капиталистов. Так, одним махом разрушат налаженную как часы жизнь и глазом не моргнут. Эгоисты, набитые деньгами нувориши, пошли бы они ко всем чертям на свалку ! Хиппи тоже из-за них ушли из Непала,- я с такими пафосом и уверенностью произнесла свой спич, что у Стивена «отвисла челюсть». Он остановился, испытующе посмотрел мне в глаза: правда ли, что я так считаю, не разыгрыш ли это ? Потом он рассмеялся и со вкусом обозвал итальянца подлецом и макаронником.

Слушать Стивена – большое удовольствие потому, что он очень много перевидел и переслышал, потому что у него огромный жизненный опыт...Это что-то вроде Шехерезады: садись и слушай его сказку про Непал -- тысячу и одну ночь. Но это в будущем, потому, что я утром улетаю в Дубай, а оттуда в родной Тбилиси, где новый, 2012 год я встречу дома. В Непал я, наверное,

больше никогда не попаду, хотя, кто знает, земля ведь круглая, как мяч ? Что скажешь, Джордано ?

Глава 19.

Поехали назад, к «Барону» !

Ау ! Где Вы, люди ? Почему я Вас не вижу, почему мы не встречаемся ? Почему я одна и застряла в 20-летней давности 90-х годах ? Это что за сон: никак не могу ступить шаг вперёд ?! Казалось, двигаюсь в Вашу сторону, но топчусь на одном месте. Такие сны мне снились в детстве, когда я пыталась бежать, но почему-то не могла сдвинуться с места. Неужто колесо машины времени закрутилось назад и выбросило только меня в беспросветную, бездорожную, криминальную и разрушенную Грузию, которую здешние почему-то называют Афганистаном ? Я, человек, пришедший сюда во втором десятилетии 21-го века с набранными там знаниями и опытом, будто бы точно знаю что здесь произойдёт. Героические деяния Президента Карзай я уже прошла и, с закрытыми глазами, могу Вам точно сказать чему служит его теперешнее «сближение» с Талибанами, с целью воцарения мира и спокойствия в Афганистане или развязанная им неусыпная борьба против наркобизнеса, когда официально опиум является единственным экспортным продуктом страны. Э-э-э, еслиб я что-нибудь могла сделать со стенами и колючей проволокой, я объявила бы себя афганской «Вангой» и шаг за шагом привела бы в порядок настоящее и будущее Афганистана.

С тех пор, как я вернулась, я не разу не выходила за периметр «Барона»: с головой погрязла в этой крепости. Снаружи морозная зима. Все говорят, что холодно, а я, пережившая девяностые и сегодня живущая в полусогретой квартире, закалённая грузинка, считаю лишней роскошью, что в моей двухкомнатной квартире 24 часа включены два мощных кондиционера. Такая жарница, что снег и мороз снаружи мне приятны. Более того, считаю даром природы яркое Солнце и небо без туч, которые на протяжении всего дня над головой и морозные вечера с холодным чистым воздухом. А каждую ночь такой плотный снегопад, что чувствую себя персонажем сказки Андерсена.

Та шведка дипломат-писательница Диана Янсе, которая сейчас полноправный и уполномоченный посол Швеции в Грузии и стала знаменитой благодаря «Афганским дневникам», думает так же, хотя ни с чем не согласна. Она не поняла, почему у неё поменялась психика и, несмотря на сильное духовное сопротивление, что заставило её полюбить эту деградированную страну. Сейчас она похожа на Кайя, у которого в сердце постепенно тает попавший туда обломок ледышки. Это она чувствует, но какая сила растапливает

лёд, она не понимает. Под конец, когда она закончит бродить по свету, она поймёт и это не будет поздно. Как и все остальные иностранцы, она так же упрямо трудится, чтобы помочь Афганистану, но увы, дни, месяца и годы уплывают так, что дело помощи Афганистану ни на йоту не продвигается вперёд и она видит это. И это совершенно естественно.

Её дневники очень увлекли меня. Я поняла, что точно знаю где правда, а где приврано. Я много чего могу оспаривать, что привлекает меня в этих дневниках. Но, несмотря на художественность изложения, книга напоминает мне дипломатический рапорт, отчёт.

Мои Афганские коллеги говорят, что такую зиму в Кабуле не переживёт много афганцев. У них же, как и у нас (я имею в виду девяностые годы в Грузии) нет ни света, ни отопления ни какого-либо другого средства, чтобы благополучно перезимовать (если не считать план и опиум).

Вечером за чаем Весна рассказывает мне про Веду, свою афганскую ученицу. Веда,- студентка экономического факультета, отличница. Она выиграла двухгодичную стипендию Оксфордского университета, а афганский муж её не отпускает. Весна возмущена и удивляется, что я недостаточно соболезную ей и её ученице Веде. Ей не нравится ещё и то, что мужа Веда, Обида, я не ругаю за явный «шовинизм» и «сексизм».

Какое мне дело до Веда и Обида. Точно так случилось со мной, когда я, в своё время, должна была ехать в аспирантуру Московского института американистики и, из-за того, что вышла замуж, я не поехала. Джемала Топуридзе из-за этого никто не предавал анафеме. Думаю, что он и не знал о моей аспирантуре и этот вопрос вообще не ставился на повестку дня. Если бы он был жив, я обязательно упрекнула бы его за то, что упустила свой шанс помчаться со страшной скоростью вверх по карьерной лестнице.

Депрессия ?

Талибаны меня совсем даже не пугают, наоборот, мне порой их даже жалко потому, что они, подобно волкам, рыщут в лютый мороз по горам в борьбе с американизмом и глобализацией. Убеждена, что среди них имеется один-два «идейных» политика, которые, кроме стремления захватить власть, своеобразно беспокоятся о будущем своей страны.

Я больше всего боюсь внедрённых в «Барон» «волков» непонятного разлива, у которых нет ни пола, ни сформированной морали, ни чести и не совести. Здесь о честности с тобой разговаривает представитель самого аморального вида выведенной человекообразной породы. Каждый день и час, каждая минута и секунда тянут меня к уединению, к изоляции, к бегству не только из здешней ситуации, но вообще с этого света. Кто знает, может в тех пещерах гораздо теплей от горячего биения сердец...

Я всегда интересовалась, как в современных условиях происходит переделка человека в манкурта и, кажется, наконец, в «Бароне», я увидела высшую школу этого вида человеческой деятельности. Здесь, в этой интернациональной мясорубке, мы проходим процесс, который очень хорошо описал Чингиз Айтматов в своём романе «И дольше века длится день». Так получилось, что именно я, на самой себе должна была испытать горечь шапки манкурта и животное желание манкуртированного человека. Эх, еслиб я была настоящим писателем, я описала бы это в этой части дневника, но беда в том, что я несусь головой в эту воронку и, если не произойдёт какое-нибудь чудо, вскоре из меня выплавят рядового манкурта, достойного носителя шапки манкурта.

Когда я об этом думаю, именно тогда я вспоминаю, что я ничего не писала о том, что происходило в Тбилиси, дома, когда я возвратилась из «Барона» в отпуск. Сейчас я догадываюсь, что для понимания моего сегодняшнего духовного состояния и настроения, обязательно надо вспомнить, как было в Тбилиси, дома. А было какое-то необычное чувство, будто в собственном доме я была в гостях, будто моего места нет ни здесь, ни там и не знаю я, где моё место. Боже мой, неужели моё место в этом экспериментальном инкубаторе, который называется «Барон»? Это мой дом? Нет, нет, это равносильно самоубийству. Нет, я обязательно должна разобраться в самой себе: где моё место? Но для этого я должна писать, писать и писать и я приду к этому. Лучшего пути я в настоящее время не вижу.

Сегодня позвонил мне Сосо Чахвашвили. Сосо, – Полномоченный Посол Грузии в Азии. Посольство находится в столице Туркменистана, Ашхабаде и он часто приезжает по дипломатическим делам в Кабул. Он сказал мне, что у него есть немного свободного времени и предложил позавтракать вместе в гостинице «Сиера». Сосо и я учились вместе в Тбилисском Государственном Университете. Сейчас он приезжает со специальной группой, которая готовит встречу Президентов Афганистана и Грузии. В программу пребывания Президента Грузии входит посещение грузинских военнослужащих, находящихся в Афганистане.

С нетерпением жду звонка Сосо, мечтаю поскорей увидеть наших ребят-войнов. С Торнике Асатиани, сыном моих друзей, я уже дважды говорила по телефону, а сейчас надеюсь обнять и поцеловать его по матерински. Его и многих других ребят. Такое ожидание – прекрасно.

О встрече с Сосо я предупредила нашу службу безопасности за три дня потому, что гостиница изъята из списка объектов, разрешенных для посещения. Дело в том, что в прошлом году, талибаны осуществили масштабное нападение на неё. Это гостиница, где останавливаются дипломаты высшего ранга, богатые инвесторы и даже президенты. Поэтому гостиница представляет для талибанов особый интерес.

Начальник службы безопасности, в виде исключения, разрешил мне пойти на эту встречу, но с условием, что личный охранник (бодигард) всё время будет при мне. Конечно же я согласилась в ожидании встречи с земляками на афганской земле. Сосо передал администрации «Сиера» номер моего бронированного джипа, после чего был спущен пропуск на въезд. Процесс въезда на территорию гостиницы «Сиера» оказался похожим на грузинскую сказку «Цикара», в которой бык Цикара последовательно пробивал рогами девять дверей.

Считать, сколько дверей нам открыли, я перестала потому, что просто запуталась. Но в конце концов мы всё-таки въехали во двор пятизвёздочной гостиницы и очутились в совершенно другом мире. Хороший это был мир или плохой, я этого ещё не знала, но одно было совершенно очевидно, что это не был Афганистан, я и сейчас это помню. Это очень богатая и очень интернациональная гостиница, которая свободно могла бы быть головным офисом ООН, НАТО или Евросоюза. Не скажу, что гостиница вызвала во мне дикий восторг, но, находясь там, я сразу поняла значение слова «респектабельность».

Сосо ждал меня во дворе. Он на чистом персидском языке переговорил с моим охранником и тот спокойно передал мою персону грузинскому дипломату.

Позвонил по мобильному телефону Торнике Асатиани и сказал, что прийти на встречу с нами он не сможет. Это означало, что завтра, и не только завтра, я их увидеть не смогу, возможность встретиться - пропала: грузинские военнослужащие готовились к встрече с Президентом.

В «Сиере» я пробыла более четырёх часов, но для встречи друзей-однокашников, не встречавшихся многие годы, этого оказалось мало. Тот, кто контролировал время нашей встречи, подал мне сигнал и во дворе «Сиеры», у последней, открытой Цикарой железной двери я и Сосо попрощались.

На следующий день в Кабул ворвался ураган со снегопадом. Утром позвонил Сосо и сообщил, что из-за непогоды Президент не может приехать, а он завтра утром улетает в Ашхабад. А вечером, когда по местному телеканалу я увидела на экране Мишу Саакашвили в бронежилете в окружении наших военнослужащих, моему удивлению не было предела. Видимо он прорвался какими-то другими окружными путями. Потом из Фейсбука я узнала, что в тот же день, во время проведения занятий, погиб один из наших военнослужащих...

Господи, как мне хочется, чтобы возвратясь домой я бы обнаружила, что все политические распри и катаклизмы – в прошлом. Как я хочу хоть раз сделать правильный политический прогноз...Тогда я смело смогу сказать: «Я же Вам говорила, а Вы меня не послушали !»

Отсюда, из Афганистана, Грузия мне кажется заложницей, наподобие Пааты Саакадзе, но в мировом масштабе. Поэтому я часто молюсь за то, чтобы Грузия не попадала в чьё-либо поле зрения, мечтаю, чтобы в моей стране не

создавались поводы для того, чтобы на нас кто-нибудь обратил внимание или вспомнил бы, что мы существуем. Как в кинофильме «Необыкновенная выставка», где все тбилисские скульпторы думали, что Агули Эристави давно умер, а он жив и работает. У него прекрасная семья и куча детей. Семья без каких-либо теневых отклонений.

Когда я слушаю «Аль-Джазиру» я всё время боюсь, чтобы они не вспомнили про Грузию. Не думаю, что простому афганцу нравится находиться в центре внимания из-за того, что каждый кому не лень, копается в грязном белье его маленькой страны. А, чем больше копаются, тем больше грязи и вони и чистюли брезгливо отворачивают носы от «застрявшего в средних веках Афганистана».

Нам не нужно высовываться. Пускай все думают, что мы пропали без вести на войне. Чем глубже нырнёшь, тем чище вода, яснее мышление и зорче взгляд. Пока эти исправят-переправят друг друга, мы по-возможности спасём своё лицо и достоинство. Когда разваливались империи, Грузия нырнула на несколько веков вглубь. А, когда чудовища глотали друг друга и стирали друг друга с лица земли, маленюкая Грузия со своим пятимиллионным ковчегом благополучно выплыла на берег. Пусть гигантские рыбы плавают до второго пришествия, мы будем плескаться в Чёрном море.

Я ловлю себя на том, что пишу какую-то ересь. Но я уже предупредила, что это зеркальное отражение моего душевного состояния, ключи к управлению которым я всё время ищу. Это, как в той игре, «холодно-тепло-жарко». Вы должны мне сказать: «Холодно ! Тепло ! Жарко ! Ещё хорошо, если очень холодно, но если жарко, то грузины должны приступить к строительству ковчега!

Боевая тревога

Сегодня утром я проснулась и поняла, что депрессия позади. С огромным желанием работать я бросилась к рабочему столу, где лежали по крайней мере три «Саксес сториз» (История успеха), которые надо было закончить. Тема историй,- как добивается «ТАФА» улучшения бизнес-климата в Афганистане. Только я села за решение этого уравнения с многими неизвестными, как снаружи раздался сиренообразный визг тревоги. Я внимательно огляделась кругом и, не заметив никаких изменений и решив, что тревога учебная, вернулась к своему уравнению. Когда визг сигнала тревоги долгое время не прекратился, я спросила у дизайнера, сидящего напротив, что это может быть ?

- Не знаю,- коротко отрезал Казим, схватил свою «быструю сумку» и моментально исчез. За ним последовали остальные.

- Ничего серьёзного, не пугайтесь ! – С этими словами в комнату вошёл побледневший Ахмад Зия,- серьёзного ничего, но тревога пока не снимается, поэтому мы все должны подняться на второй этаж в защищённые комнаты.

- Это боевая тревога,- сказала Триш и выскочила в коридор. Я поняла, что времени для раздумий нет, схватила сумку и пошла в сторону выходных дверей, хотя тут же вспомнила, что оставила перекинутой не кресле свою норковую шубку. Я вернулась назад, схватила шубу и сломя голову бросилась к коридору, где поток афганских и международных сотрудников нёсся на второй этаж, чтобы укрыться в убежище (оно было не в подвальном, а на втором этаже). Сколько, оказывается, нас и как мало знакомых,- подумала я,- какой нужен бункер, чтобы в нём поместились все.

- Без паники, господа ! Не входите все в одну комнату, распределяйтесь равномерно, спокойно. Ничего страшного ! Не отставать ! Быстрым шагом, организованно ! – Сопровождал нас радиоголос.

А я неслась в мутном потоке тотального бегства и, о ужас, ни одного знакомого лица. Меня охватило чувство одиночества так как я оказалась в окружении совершенно незнакомых людей совсем одна...Одна одиношенька... Где Вы, Диана, Грейс, Рахат, Исмаил...Где Вы? Это кто такие, кругом ? Откуда они взялись ? Где я ?... «Чами куни, Розия ?» (Куда ты пропала, Розия ?) – Наконец-то ты нашлась ! – Услышала я вдруг рядом с собой необыкновенно знакомый голос и, прежде чем повернуться в его направлении, я уже знала, что это Весна, прошедшая через огонь, воду и медные трубы, моя Боснийская подруга, Весна Стоянович. Я моментально очнулась. Всё вдруг стало на свои места. В мутном потоке я постепенно стала узнавать знакомые лица. Я обратила внимание на то, что лица людей не были растерянные и грустные, наоборот,- спокойные, некоторые даже улыбались.Люди разговаривали между собой на темы, совершенно не касающиеся тревоги. Давно не видевшие друг друга справлялись о семьях, некоторые даже рассказывали политические анекдоты. А радиоголос продолжал периодически разъяснять, как надо вести себя и рассказывать о деталях текущей ситуации. Что случилось точно и в связи с чем была объявлена боевая тревога, пока никто не знал. Все рассказывали разные причины и разные версии случившегося, но самая достоверная версия была следующая:

Не более, чем час назад, приблизительно 50 жителей из соседнего поселения, во главе со своим лидером, пришли к воротам «Барона» и заявили: «Сим-сим, откройся!» Представьте себе, дверь «Барона», закрытая на 9 замков, мгновенно открылась перед ними. Прежде, чем обескураженная охрана пришла в себя, демонстранты дошли до регистратуры и потребовали встречи с начальником охраны (наше счастье, что на этот раз демонстранты отдали предпочтение цивилизованной форме протеста). Как раз в этот момент и заработала охранная система, которая объявила боевую тревогу, мобилизовала

вооруженную охрану и вызвала афганскую полицию. Демонстрантов окружили, обыскали и, когда увидели, что они не были вооружены, начали с ними переговоры. Мы, в это время, были уже загнаны в убежища.

Демонстранты опротестовывали факт, что у входа в «Барон» были установлены видеокамеры (видеоглаза), которые, одновременно с наблюдением за окружающей обстановкой, заглядывали в их дома и этим нарушали права личной жизни человека. В связи с этим, они категорически требовали демонтировать и убрать эту аппаратуру и трудоустроить на строительстве местное население.

Переговоры продолжались приблизительно 45 минут, после чего нас выпустили из убежищ, но все работы, связанные с выходом за территорию были заблокированы на несколько дней. Машины, на всякий случай были оставлены на территории, а на крышах всю ночь дежурили военные с автоматами и снайперы.

Афганские сотрудники, из-за нерасторопность охраны, подняли голос и потребовали объяснения в связи со случившимся. Охрана говорила, что, во избежание международного скандала и малочисленности демонстрации она не открыла огонь и правильно сделала. Но всё-таки они признались, что то, что произошло, не должно было произойти. Дело в том, что этому факту предшествовало одно весьма значительное изменение в охранной организации. Несколько дней назад, компания, которая нанимала нас, прекратила контракт с Британской компанией «Глобал» и сменила эту фирму на американскую «Дайнкорп»: в условиях напряжённейшего режима работы, она объявила большее доверие американской фирме. Но американцам, как и нам, явно не повезло и в первом же конкретном случае эта фирма, мягко говоря, опростоволосилась.

В первый раз пребывания в «Бароне», я испугалась. Как эксперт по акциям и демонстрациям, я прекрасно понимаю, что то, что началось в «Бароне», никогда не бывает первым и последним. И эта акция, по моему мнению, была только началом чего-то серьёзного. На первый раз афганцы попробовали, с какими силами они имеют дело и какими силами они распоряжаются сами. Думать таким образом меня вынуждает то, что акция была достаточно хорошо подготовлена: у неё был лидер и чётко были сформулированы требования, иначе они не проникли в «Барон» так легко. Не исключено, что у управления демонстрацией в охране были свои люди. Хотя, когда я об этом говорю вслух, коллеги говорят, что я начиталась детективов.

Если я ошибаюсь, то к чему приписать то, что следящая охранная аппаратура на входе в «Барон», целый год никому не мешала и, вдруг в соседнем поселении все с ума посходили: категорически требуют демонтировать аппараты и выделить рабочие места в «спецназе». Короче говоря, у них и программа разработана, и стратегия и тактика. Отсюда следует, что дело одной акцией не

ограничится. Продолжение обязательно будет. Мне работать здесь ещё шесть месяцев, поэтому я смотрю на это серьёзно.

Возвращаясь к случившемуся, меня смешат некоторые детали. Первое, ради чего я возвратилась что и схватила, убегая в убежище, была норковая шуба. Рабочие бумаги, лептоп, документы особой важности я вообще не вспомнила. И та эвакуационная сумка («Греб бег») тоже не была со мной потому, что я не держала её в офисе. Короче говоря, всё, чему нас обучали, вылетает из головы при необходимости срочно бежать. Я уже не говорю о двадцатикилограммовом бронежилете и каске. Боевая тревога показала, что никто о них даже не вспоминает. Даже на учебные тревоги я бегала без них, потому, что без посторонней помощи одеть на себя бронежилет я не могу. Я категорически просила дать мне бронежилет меньшего размера и легче, на что мне отвечали, что такие есть у Кристиан Диора для показа на подиуме. Вот я и посоветовала им, что если они не хотят слышать мой постоянный визг, пусть привезут мне бронежилет и каску от Кристиан Диора.

К всеобщему удивлению, в один прекрасный день, мне принесли бронежилет нового дизайна, цвета хаки, тонкостенный и облегающий моего размера с каской такого же цвета впридачу. Когда я его примерила, мне так понравилось, что я чуть и вправду не выскочила на подиум. «Кто ищет, тот всегда найдёт !»

С тех пор, как я нахожусь в Афганистане, про Грузию я ничего не писала, хотя в октябре я две недели была дома. Афганское впечатление было такое будто я никуда не выезжала. Наверное потому, что здесь, в «Бароне» прекрасные жилищные условия. «Барон» и гостиница и собственная квартира с идеальным обслуживанием. У меня своя кухня, где я стряпаю что хочу и когда хочу. А что мне больше всего нравится, так это то, что я первый раз в своей жизни не считаю деньги, не думаю об их экономии, трачу их свободно и без ограничений: посылаю посылки куда хочу, покупаю что хочу и, в конце концов, транжирую их. Оказывается, это очень клёвое чувство! Господи, какая же я дура и как мне мало надо, чтобы почувствовать себя хорошо.

А сегодня, когда мы все пережили первую серьёзную боевую тревогу, я поняла, что все мы сидим на бочке с порохом.

Диана говорит, что Анна Хос в глубокой истерике и мы никак не можем успокоить её.

- А чего плачет Анна, у неё ведь такая подготовка ? – удивляюсь я.

- Она маленькая, ей ведь всего 19 лет и она боится. О какой подготовке можно говорить, какие там тренинги ? – отвечает Диана, - ну ка представь себе, что твой сын здесь ? - У Дианы в Тбилиси 19-летняя девочка и она даже не хочет представлять её на месте Анны.

- Нет, я это представить себе не могу потому, что у меня сын – мужчина и я не думаю, чтобы тревога так его перепугала бы. я очень хорошо тебя понимаю,

хотя точно знаю, что 19-летняя Мари могла бы попасть сюда только через твой труп.

- Подожди, а это при чём ?

- Как раз при том, что у твоей Мари нет отца, но её защищает от Афганистана и от подобных дурацких идей целая живая стена близких людей. А у Анны и отец, и мать, и молодая бабушка, и дедушка, и братья, и сёстры, - все живы, а защитников от самой себя, - никого. Она совершенно «безхозная» и, если она сейчас же не присмотрит за собой, она не сможет сделать карьеру и её «американская мечта» так пролетит мимо неё, что она и глазом не успеет моргнуть. Ей об этом с детства твердят родители и родственники. Выбор за ней ! Вот этим отличается Анна от твоей Мариам. Отличие простое и понятное.

- Так это или иначе, она боится и сейчас не время философствовать, - говорит Диана и мы оба понимаем, что она права. А я ? Я философствую потому, что боюсь.

Помню, во время войны Советского Союза с Афганистаном, когда Звиад Гамсахурдия сидел в тюрьме, его сына, Коко Гамсахурдия, забрали в армию и собирались послать в Афганистан. Тогда Хатия Хаиндрава за руку привела Коко к нам домой и попросила отца спасти его, утверждая, что Коко забирают на зло Звиаду. Отец позвонил какому-то высочайшего ранга военному начальнику и попросил его помочь ему в этом вопросе. Тот отказал, заявив, что Коко положено выехать: если едут другие, почему ему должно быть сделано исключение ? Когда отец пригрозил ему международным скандалом, тот уступил. Меня до сих пор удивляет тот факт, что Звиад начисто позабыл о том, что отец спас его сына от Афгана иначе с Высокой трибуны Президента Грузии он не очернял бы отца, прилепив ему наклейку родоначальника грузинской криминальной интеллигенции. А, впрочем, разве поймёшь этих политических лидеров, для них ведь политика намного выше нормальных человеческих отношений. А Коко, этот нежный ребёнок, плач Анны был бы детским лепетом по сравнению с тем, что могло бы с ним произойти.

Как видите, дело освобождения Коко от афганской поездки нашло своего исполнителя, когда отец Коко всё ещё сидел в тюрьме. А эти 17-19-летние безхозные парни и девушки в поисках карьеры и денег так и рыщут по горячим точкам мира будто все остальные пути к «светлому будущему» начисто отрезаны. Например, моя соседка по «Барону», Денис, тратит деньги только на товары первой необходимости и гордится этим, заявляя, что копит деньги. Она восемь лет в Афганистане и почти не видит своего мужа, только мелкими обрывками. Они уже построили несколько домов в Южной Африке, купили какие-то земельные участки и прочую недвижимость для обеспечения спокойной старости, если, конечно, до этого, талибаны не похитят её, - говорит муж Денис.

К стрессу, вызванному боевой тревогой добавилось ещё то, что выяснилось что Элби, сосед Дианы, экономист из Индии, был, в добавок ко

всему,- хиромантом. Когда об этом узнала Весна, она срочно устроила завтрак, в честь этого, куда были приглашены все представители женского пола «Барона». А почему завтрак? А потому, что Элби предопределяет дальнейшую судьбу человека по линиям на руке, только в утренние часы.

Во время моего визита к Элби, он мне сказал, что жизнь моя будет не очень продолжительная, я умру лет эдак в 60. После этого я твёрдо решила, что пора начинать готовиться к смерти потому, что в прошлом году, 24-го июня, мне исполнилось 60 лет. А сейчас, до конца года осталось всего-то три месяца, т.е. 91 день или 2 184 часа или 131 040 минут или 7 862 400 секунд. Откровенно говоря моё такое быстрое исчезновение с этого света мне не очень понравилось, да и дел, которые надо было доделать до ухода было предостаточно, я решила попросить Господа Бога, чтобы он немного отсрочил мой уход. Прямо сейчас мне категорически некогда, при том, что мой уход, по-моему, никому не нужен, в том числе самому Всевышнему.

Нет, позвольте, какому ненормальному пришло в голову гадание по ладоням рук в самом сердце Афганистана ? А этот Элби,- уникальный ясновидец? Первый раз встречаю гадалщика, который прямо в лоб заявляет клиенту, что не сегодня-завтра он умрёт. Еслиб мы ещё были бы на передовой...Как он должен посмотреть мне в глаза, если я не умру ? Он же вынес мне смертный приговор. Ему же наплевать когда его приведут в исполнение. А теперь спросите меня, готова ли я к этому ? Что ему стоило, дал бы немного больше !

На моё возвышенное восхищение Кабулом и Афганистаном пала тень от гадалщика по ладоням рук: я многое стала видеть в тёмных тонах, перестала находить золотую середину. Или перебарщиваю, перехваливаю, или незаслуженно осуждаю. Короче говоря, то, что Вы прочитаете на этих страницах,- плод воспалённого воображения, А я, зная свой характер, опишу это максимум на шести страницах и даже меньше. Остальное, если я ещё буду жива, посвящу песням и пляскам, а также здоровому смеху и улыбкам.

Глава 20.

Нахожусь в Кабуле и, как я уже сказала, – в паршивом настроении. Диана уезжает в Тбилиси ложиться на операцию и, разумеется, как и я, не блещет отличным расположением духа. Дживан 12 февраля заканчивает контракт и, вообще исчезает с афганского небосклона. У Весны так напряжены отношения со своим идиотическим начальством, что она может быть преждевременно закончит контракт и в марте покинет проект. Грейс уже уехала и я уже соскучилась по ней так, что написать ей что-либо, не поднимается рука. Андрей – собирается в отпуск. Рахат не знаю когда приедет, Светлана – тоже.

Зато, недавно, в проект Дианы проехал Тимур, молодой узбек – юрист. Тимур узнал от Дианы, что я дочь Нодара Думбадзе и на следующий же день навестил меня в офисе с букетом цветов и целой папкой цитат из романов отца. Я сгорала от стыда, когда не могла вспомнить, какое выражение, какому персонажу принадлежит. А сам Тимур умирал со смеху и приговаривал, что я не читала произведения моего отца. Как не читала ! Но он задавал такие каверзные вопросы «на засыпку», что я уверена, что отец сам бы не смог на них ответить.

Кетино, моя сестра, на вступительном экзамене в университет не смогла наизусть продекламировать «Завещание Автандила» из «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели, за что получила четвёрку (в пятибальной системе), не добрала один балл и в тот год не попала в университет. Мама по этому поводу срочно собрала семейный совет с присутствием отца. Правда, моё мнение никого не интересовало, но я тогда искренне была «возмущена» фактом незнания Шота Руставели.

- Как, ты не знаешь наизусть «Письмо Автандила ?
- Полностью не знаю, а ты что знаешь что ли ? – отпарировала Кетино.
- Конечно знаю, в моём классе это завещание знают наизусть почти все ! – самозабвенно защитила я достоинство моего класса, хотя на каком основании я это заявляла, я не знаю. Мама заявила, что с этими детьми у неё ничего не получается и передала бразды правления отцу. Папе явно не хотелось браться за это дело всерьёз и, чтобы сжечь все общеобразовательные мосты, он сказал:
 - Сам Руставели Завещание Автандила наизусть не знал, иначе он его не написал бы, - и подмигнул счастливой Кетино.
 - Ты испортил этих детей и ты присматривай за ними в дальнейшем, - сказала мама, безнадежно махнула рукой и демонстративно покинула зал заседания. После этого папу никто не беспокоил нашими общеобразовательными вопросами.

Тимура я полюбила как сына, почти усыновила. Хотел он этого или нет, я кормила его каждый день горячим обедом, как маленького ребёнка. Он, в ответ, каждую пятницу водил меня и Диану в «Грин Вилидж», где на общеизвестный «Бранч ООН» (завтрак – Шведский стол) ходили иностранцы.

Два дня непрерывно шёл снег. Заснеженный «Барон» напоминал сказки Христиана Андерсена. Всё кругом так красиво преобразилось, что не хотелось заходить домой. Несмотря на слякоть на улицах, многострадальный Кабул, под луной, стал похож на красивую ледяную королеву, закутанную в белую шубу. На ночном дежурстве афганские охранники слепляли и ставили во дворе «Барона» больших Дед Морозов, снежных лошадей, тигров, женские торсы и другие красивые фигуры. Это была настоящая художественная выставка.

Что происходило по ту сторону бронированных окон «Барона» и стёкол лендкрузера об этом я как-то не думала, пока на третий день, после боевой тревоги, нам разрешили выйти из «Барона». К этому времени началось таяние.

Поскольку заснеженные дороги не чистились, мы каждый раз застревали в пробках. Стоило машине остановиться, как к боковым бронированным стёклам вплотную приближались женщины в вывалянных в грязи бурках с грудными детьми на руках. Слышен был детский плачь.

Нормальный плачь у детей не получался из-за того, что они дрожали от холода. А у меня не было ни возможности, ни разрешения открыть окно. Ребёнок смотрит на меня сквозь стекло, плачет навзрыд, а я ничего не могу сделать: я и узник и нищий как они. Женщина в бурке стучит по стеклу. Через 50 метров всё повторяется заново.

Я еду в «Файнест» закупать провиант на неделю. Машина, загруженная продуктами, возвращается обратно и снова попадет в пробки с прильнувшими к окнам, стонущими женщинами в бурках, с грудными детьми на руках. Мне стало невыносимо плохо. Разве это испытание легче, чем подорваться на mine или быть похищенной? Это, что меньшее мучение, чем истязание? Газеты сообщают, что Афганистан и в этом году встретил зиму неподготовленным. В землянках многодетные семьи погибают от холода. Электроэнергия вот уже несколько дней населению почти не подаётся.

Мина собирает для нуждающихся одеяла, одежду и деньги. Я чувствую себя настолько виноватой, что готова отдать всё, что у меня есть в этом бронированном белом лендкрузере. Господи, неужели и в Грузии было также в 90-х или в 37-ом? Да, кто помнит, было почти так. Хорошо, что человеческая природа не держит в памяти такие картины в мрачных тонах: жизнь была бы невыносимой.

Афганцы говорят, что они потеряли надежду на возрождение и махнули рукой на будущее. И всё-таки, я не раз слышала от них что-то вроде нашего «Оп-ля, мы живы!» Не раз ловила искорку света в их сине-зелёных глазах, не раз слышала их весёлые песни и смех, такова их природа, человеческая и, если это не было так, им не стоило бы жить.

Аэропортская трасса достаточно хорошо очищена, но на тротуарах такая грязь и слякоть, что не верить, что два дня назад здесь был снегопад. Вымазанные в грязных лужах дети, в пластмассовых сандалиях на босу ногу или вообще, босиком, носятся полуодетые. Видимо у них такая мощная энергетика, что они не чувствуют холода, успокаиваю я себя. Здесь же, рядом, на засаленных и испачканных круглых подушках-мутаках устроились старцы, завёрнутые в изодранные одежды с грязными чалмами на головах. Несмотря на то, что у каждого из них философское выражение лица, они все весьма бойко беседуют. Некоторые курят чилим, некоторые тонко тянут чай. Люди, сравнительно моложе, вынесли и поставили перед магазином мангал и занялись приготовлением шашлыков. Специальные веники-опахала, которыми дуют, чтобы разжечь огонь, такие закопчённые, что забудешь всякую мысль о приёме пищи. Шальвар-камизы на них совсем даже не менее закопчённые, а сами они

весёлым взглядом провожают глазами наш броневичок. Женщины ходят в этих полуледяных лужах в обуви с почти незаметным каблуком и тонкой подошвой.

Вспоминаю, как у нас было в эти смутные 90-е и на память приходят костры из старых покрышек во дворах, для согревания, подожжённая на улице перед нашим домом будка, смешанные грязь и асфальт на проезжей части улиц, завернутые во вторичные одежды сомнительные девочки, беззубые рты наших знаменитых актёров и общественных деятелей, впалые от голодухи щёки писателей и учителей...Нищие женщины и дети, излишне агрессивные, престарелые нищие-грузинки, краснощёкие нищие-дети, умоляющие помочь, холодные квартиры и преждевременно ушедшие от холода близкие и родственники. Кто этого не помнит? Не помнит это та 50-ти человеческая группа сытых представителей грузинской «элиты», которые бахвалятся своими виртуальными достижениями.

Разница большая. В Грузии это происходило двадцать лет назад. Здесь, когда это началось и когда кончится, - никому не известно. Народ привык к такому существованию. Совсем не удивительно, что у них такая ненависть к чужестранцам, которые превратили их страну в экспериментальную лабораторию и тратят миллиарды для окончательного разорения страны. Чем можно помочь им, я не знаю. И никто этого не знает. Это известно одному Богу – Аллаху, который отвернулся от Афганистана точно так, как мой Бог отвернулся от Диоскурии и окончательно потопил её.

«Диоскурия – затопленный морем город. Когда-то в Диоскурии кипела жизнь и моря там не было вовсе. Потом подступило море и Диоскурия превратилась в остров. Когда море было беспокойно, его волны разрушали выстроенные из белого камня дома. Затем море успокаивалось и отступало. Люди заново отстраивали свои разрушенные жилища и очаги. Потом море опять набрасывалось на них и всё начиналось с изнова. Но однажды море насосем отступило от Диоскурии, море больше ничего не хотело и, тогда люди сами набросились друг на друга: они убивали, насиловали, истребляли. Люди разрушали свои собственные дома, они уничтожали их физически и духовно, вольно и невольно, нарочно и нечаяно. Страх и ужас творились в Диоскурии. Великое море разгневалось, пришло вновь и поглотило город без следа. Никто в целом мире не знает, зачем море подошло к городу в первый раз, зачем оно разрушало его, почему отступило и почему в конце концов проглотило его на веки. Море породило Диоскурию и дало людям жизнь и доброту. Позже море вернулось, чтобы испытать людскую доброту. Оно испытывало её долго, потому, что знало: дольше всего нужно испытывать именно доброту. Потом море ушло, а узнав о преступлениях людей, возвратилось и белый город был погребён в его пучине. Ибо море всемогуще...(отрывок из рассказа Джемала Топуридзе, «Диоскурия – город, затопленный морем»).

Проект «ТАФА» («Сковорода») полностью оправдал свою аббревиатуру потому, что она была то холодная, то горячая, то раскалённая эта старая Сковорода. Даже не знаю, что писать об этом проекте потому, что с момента моего приезда, мой статус и рабочая тематика несколько раз менялись, в зависимости от текущей социально-политической ситуации в Афганистане и «номеров», которые мягко говоря «выкидывал» со мной несколько придурковатый директор проекта. Сначала я делала то, зачем я сюда приехала и что знаю, как свои пять пальцев, затем мне поручили заниматься тем, что не знали сами, а я вообще не имела об этом никакого представления: мне поручили написать две главы книги-путеводителя - «Как торговать в Афганистане». Сначала, когда мне сказали, что я должна написать на эту тему две главы, я попала в глубокий транс.

Но что делать ? Я же не могла выйти из лодки на середине реки. Я смиренно, как барашка перед закланием, села и начала работать над материалом «электронная коммерция» (e-commerce). На эту тему я не то, что ничего никогда не писала, я ничего никогда не читала. И всё равно (представьте себе, мой научный опыт пригодился) я, после долгого копания в интернете на эту тему, выкопала совершенно уникальные материалы. Я их всех изучила, начала переписку с международными экспертами в этой области, изучила опыт развитых стран по этой тематике, сделала вкрапления афганской специфики и получилась небольшой прекрасный научный труд.

К моему несчастью, труд заслужил у начальства похвалу и меня попросили написать ещё одну главу: «Перспективы развития афганской торговли с Россией и странами Центральной Азии» (бывших Советских Среднеазиатских республик): маразм крепчал. Я, с трудом, но не теряя набранной инерции, написала и эту главу. Не забывайте, что параллельно, я выполняла давным давно возложенные на меня обязанности. А, в моих снах, которые время от времени посещали меня, я видела себя то продавщицей гранат на туркменской границе, то продавщицей Гератских ковров в Пакистане, то партнёршей опиумных барыг, подписывающей секретные контракты.

Короче, влипла я в недоразумение и в трудности. Потом выяснилось, что директор «ТАФА» был действительно странным человеком потому, что потратил все деньги проекта совершенно непланово. А привело это к досрочному закрытию двух из четырёх отделов. А я была как раз в одном из этих отделов и следовательно в средних числах апреля мне предстояло покинуть Афганистан. Таким образом, совершенно неожиданно, я присоединилась к армии дорогих мне людей, постепенно выезжающих из Афганистана, разлуку с которыми я так тяжело переживала.

Когда я об этом узнала, в комнате Брайана мы устроили большой пир с караоке. Я и Андрей исполняли Советские марши и революционные песни, Брайан и его братья – американский фолк, рок, соулс и металлик вместе взятые.

Где ещё можно услышать такой «крюшон»? Так или иначе зрители, слушатели и исполнители, все вместе получили большое удовольствие. Гульба была такая, что охрана чуть не объявила очередную тревогу. Я же говорила вам местами, что минор у меня не получается. Поэтому я оказалась в Афгане вне трагических переживаний. А в Грузии я не встретила ни одного человека, который не спросил бы меня: «А зачем тебя туда понесло?».

Глава 21.

Ужасно холодно. Наверно поэтому я приравниваю местные минус десять градусов по Цельсию к российским минус сорокам. Никак не могу согреть дом, хотя оба кондиционера работают на отметке плюс тридцать. Из-за такого холода вставать очень трудно. У афганских сотрудников дома отопления нет вообще потому, что нет электроэнергии и нет газа ни у бедных, ни у богатых. Единственное, чем они слегка согреваются, это керосин, дизтопливо или ещё какие-то низкосортные горючие средства сгорающие с запахом. Такое было в 90-е годы в Грузии.

В сегодняшней газете на первой странице фотография семьи беженцев Южного Кандагара: три курчавых, похожих на арабчат мальчика, с очень чёрными и очень круглыми глазами, выглядывают из-под одеяла. Их беженец-отец, завёрнутый в накидку из верблюжьей шерсти, с таким видом сидит на ковре, словно его семейная спальня находится в залах дворца Шах-Аббаса. На самом деле он решил перезимовать вместе со своей семьёй в палатке, которую установил в квартале Чарах-и-Камбер Кабула.

А вечером было так холодно, что я даже не вышла на прогулку. Не помню, говорила я Вам или нет, я установила себе правило, ежедневно ходить во дворе по кругу один час, с тем, чтобы не утратить способность здраво мыслить и поддерживать спортивную форму. В свою квартиру я затащила дополнительный обогреватель, который так или иначе переборол холод. Теперь, меня начала сверлить мысль, сколько афганцев сегодня погибнет от холода. А возникла она после фотографии черноглазых детишек в афганской газете. Надеюсь, что с ними ничего не произойдёт, но с другой стороны, эти черноглазые афганские мальчики же очень маленькие. У нас в 90-ые, ребята воровали старые автомобильные покрышки, поджигали их и так спасались от холода.

Афганцы, которых и в такой ситуации не покидает чувство юмора, шутят, что в городе значительно улучшилась экологическая ситуация: машин очень мало, следовательно стало меньше выхлопных газов. Их выдержке нет предела, чаша их терпения не имеет дна, их грусти и печали нет конца. Но гордость их душ непоколебима. Думаю, что я не доживу до вставшего на обе ноги Афганистана, так же как враг никогда не увидит его, павшего на колени. А газета

крупным шрифтом вещает: «Холод – новый афганский убийца сотен детей-беженцев !»

Весь вечер я «сидела» в Скайпе с Ниной Джахуа. Её муж, один из ведущих дипломатов Министерства иностранных дел Грузии, вместе с группой дипломатов собирался посетить Афганистан с дипломатической миссией. Нину интересовало много: насколько тепло должен быть одет её муж, должен ли он взять с собой каску и бронежилет, имеется ли в Министерстве иностранных дел Афганистана ксерокс, интернет и другая техника. Она нервничала так, что можно было подумать, что она отправляет мужа на передовую. Впрочем, это было почти тоже самое. Хотя, если бы она знала, что я из каски смастерила абажур, а из бронежилета – ширму, она немного успокоилась бы. Весь сеанс Скайпа она «обзывала» меня героиней. Она ведь не знает, что я, как полевая мышь в клетке, «сижу» в «Бароне» и, каждый, сколько-нибудь слышимый шорох, является причиной того, что нас гонят в бункер. С нетерпением жду, когда приедет делегация: может удастся встретиться и поговорить с родными соотечественниками в каком-нибудь разрешенном месте.

Весна уезжает. Эта весть меня просто убила: здесь, в Афганистане, я приобрела настоящего друга и теперь его отрывают от меня ! Вы скажете, почему отрывают ? Кругом такое количество ультрасовременных средств связи, – Скайп, Электронная почта, Фейсбук и ещё чёрт знает что, но, в случае с Весной, ни одно из этих сервисов ни в коем случае не может заменить живое общение с ней.

- Моя работа здесь была ненавистна мне с первого дня, а сейчас из-за тебя я не хочу уходить отсюда. Я даже полюбила эту работу, которая подарила мне Манану. Когда она это говорила, на глазах у неё появлялись слёзы и дрожал подбородок. Она попыталась засмеяться, но губы не дали ей это сделать. Уже восемь лет как она работает в Афганистане в разных проектах ООН. Она ещё вернётся сюда, но меня уже здесь не будет. Через несколько дней уезжает Дживан, мой друг из Малайзии. Грейси и Мартина уже уехали. Так постепенно пустеет наш маленький остров, наша интернациональная планета, самая горячая точка «звёздных войн». Скоро, подобно маленькому принцу, на материке останемся только я и Диана, наши цветы унёс ветер, точно так как он их принёс.

С отъездом Весны прекратятся занятия йоговской гимнастикой каждый понедельник и среду, куда я, как солдат, шагала маршем ровно в 6 часов вечера. Правда упражнения Весны я не делала, у меня своя система, но мне нравилась групповая тренировка нескольких человек и я почти никогда не пропускала этих тренировок. Йога кончилась: тренироваться в одиночку я, наверное, не смогу. Хотя посмотрим, здесь ведь всё происходит иначе, чем где-либо. Может одиночество и начинающаяся депрессия заставят меня тренироваться в одиночку, дома. Своё жильё, в огромном «Бароне», только я называю «домом», остальные говорят: «мой номер» или «моя квартира». Дело в том, что для меня место, где я живу, независимо от страны или континента, – мой дом. Этим я

отличаюсь от других,- земной шар моя Родина и место, где я живу,- моя тихая гавань.

Весна заполнила форму отъезда и отнесла её на подпись своему маразматическому начальнику: такое правило. Тот внимательно прочитал маршрут: Сараево, Босния-Герцоговина... «Как, ты в три места едешь?» – спросил он Весну. Она, которой было всё равно какой сюрприз устроит ей напоследок этот старый идиот, с олимпийским спокойствием, провела ему краткий геополитический экскурс Балканского региона. При этом она надеялась слегка унижить его за его невежество, но не тут-то было: его больше удивило, что Босния-Герцоговина одна страна, чем то, что он об этом не знал, не слышал даже из СиЭнЭн. Сначала я подумала, что он пошутил, но потом вспомнила, что в одном из его квартальных отчётов, который вместе с остальными отчётами я посылала в Головной офис, было написано: «На Афганско-Российской границе...»

Я решила, что это механическая ошибка и сама исправила её, но когда я второй раз обнаружила ту же ошибку, я мягко ему намекнула, чтобы он перестал присылать мне подобную информацию. Целый час он выяснял со своими сотрудниками с кем граничит в том месте Афганистан и, наконец, выяснил, что с Узбекистаном. А оправдывался он тем, что почему-то считал, что Узбекистан по-прежнему российский. И это не удивительно. Для американцев земной шар начинается с Соединённых штатов и кончается ими. Всё остальное – это обезличенные сателиты. Поэтому они борются за каждый клочок земли, независимо от того принадлежит он им, или нет. Они считают себя директорами всей земли и, подобно многодетному отцу, иногда забывают имена своих детей.

Брат Узра участвовал в Афганской войне и выжил. Потом, с большим трудом, ему удалось попасть в Австралию и там, в библиотеке Мельбурнского университета, он скончался от сердечного приступа. Узра и девочки говорят, что афганские Талибаны афганцев не убивают.

- А кого они убивают ?
- Врагов !
- А кто убивает мирных афганцев ?
- Враг, третья сила...- Категорически заявляет Узра.

Господи, этот земной шар действительно одна семья, а то почему везде всё происходит одинаково. Все же помнят, что во время войны в Самачабло (Южная Осетия) и в Абхазии всё плохое грузины сваливали на третью силу.

Глава 22.

В «ТАФЕ» (в Сковороде) началась «Пятилетка пышных похорон». Сначала, в праздничной обстановке, освободили Эд, директора проекта, затем Кармел, со

своим четвёртым Компонентом (из которого «уцелела» пока только я) и, наконец, добрались до Фреда, начальника Весны. Ему и трёх дней не дали для сборов. Остались лишь Компоненты либерализации торговой политики, таможни и Администрация. Думаю, что скоро доберутся и до меня, но, во-первых, до окончания моего контракта и так осталось совсем немного и, во-вторых, у меня не использован отпуск, – святая святых.

Усыновлённый мной узбек, Тимур Нуратдидов, ежедневно, при встрече со мной в коридоре хихикает, когда я не узнаю подготовленную им цитату из отцовского «Илико и Иллариона». Я решила специально для него организовать грузинский стол с красным вином, оставленным Весной и шампанским. Тимур безошибочно назвал все грузинские наименования приготовленных блюд и заявил, что для полного комплекта не хватает только мчади (кукурузная лепёшка). После этого он сам себя назначил тамадой и, представьте себе, провёл настоящий, традиционный, грузинский стол с полагающимися тостами и стихотворениями.

Я как-то говорила о том, что «Барон» – это Вавилонское столпотворение. Так оно и было. Хозяйка, грузинского происхождения, накрыла стол, за которым сидели представители: Боснии, Албании, Америки, Германии, России, Грузинской Кахетии, Ливии, во главе с Узбекским тамадой и русским, поющим «Мравалжамиери» (Долгие лета). Тимур очень точно распределял вино потому, что было всего две бутылки, дамы пили шампанское, а россияне – водку. Ко всему этому не могу не отметить, что Тимур жёстко соблюдал традиционную последовательность тостов грузинского стола.

Откуда Тимур знал всё это? Оказывается, четыре года подряд он встречался с девушкой-грузинкой и, когда дело дошло до женитьбы, узбекские родители запротестовали, мол зачем нам чужеземка. Такая же реакция была у грузинских родителей девушки. Тогда Тимур придумал выход и сделал предложение родить ребёнка, чтобы родители перестали сопротивляться. Гордая грузинка оскорбилась и очень скоро бесследно исчезла. Эту дорогую пропажу звали как и меня, – Мананой. Тимур был в восторге от моих кулинарных способностей и всё приговаривал, что это была большая ошибка в его жизни: он ни в коем случае не должен был её терять. Сейчас у него жена-узбечка, два сына и, ради их содержания, он мотается, с риском для жизни, по горячим точкам Азии и Африки. В Афганистане он уже четвёртый раз.

Сегодня среда. Сковорода провожает домой своего директора. Я нахожусь, в настоящий момент в такой непонятности, в какой не была даже тогда, когда впервые ступила ногой в «Барон» и со всех сторон мне устраивали «экстрим». Впрочем, в таком положении я не одна. Весь проект «качает из стороны в сторону». Когда-то в Союзе композиторов Грузии, про аналогичную ситуацию кто-то в шутку сказал: «Никто не может понять, чей смычок в чьём рояле». Все проектанты со страхом ждут неожиданного увольнения и гадают, кто

следующий. Имеет место удивительный парадокс: афганцы не знают, какими путями выбраться из этой страны, а иностранцы изо всех сил стараются продлить своё пребывание в ней. А жизнь идёт своим чередом и, где-то, в очень защищённых банках мира, заработанный в Афганистане трудовой доллар прибавляется к хранящемуся в банке доллару. Здесь же, за бетонными стенами «Компаунда» с колючей проволокой и снайперами, день прибавляется ко дню, месяц к месяцу, век к веку.

Эд занялся самоуспокоением и пудрит нам мозги: он, якобы, достал в штатах работу получше этой и близко к дому. Но в его глазах легко читается грусть, он на глазах худеет и все понимают, что дела его не так уж хороши как он пытается нам их представить.

Три дня Эду устраивали пышные проводы. Сначала его проводили иностранные сотрудники, потом представители высших эшелонов охраны и министерств и под конец «близкие друзья» в узком интимном кругу. Ему повсюду пели дифирамбы и произносили длинные речи о том, какой весомый вклад он внёс в «успешное» проведение реформ в Афганистане. А я скромно спросила, если это такой мощный кадр, то почему Вы его отпускаете? Но поскольку вопрос был поставлен про себя, ответа не последовало.

Как и у нас в Грузии, в Афганистане очень любят грандиозные и представительные встречи и проводы с затянутыми высокопарными выступлениями и посвящениями. Разрушителя проводят так, что непосвящённый человек решит, что провожают выдающегося возродителя.

Да, Афганистан похож на Грузию очень многими нюансами, но, в плане развития демократии, он отстаёт от нас минимум на полвека. Дело в том, что афганцы не до конца не выжали из «Русского сапога» всё полезное для себя, иначе ведь были бы сейчас «продвинутые вперёд», как Узбекистан.

Честно говоря, я никак не пойму, радоваться мне уходу Эд или грустить. Эта потеря не загнала меня в депрессию и я думаю, что очень скоро забуду его. Но всё-таки, по причине моего грузинского характера, мне его немного жаль и перед его отъездом я подумала: «А не устроить ли ему скромный прощальный обед? Ведь столько времени мы работали вместе и такое желание у меня никогда не возникало». Сегодня утром я встретила его во дворе и столько его снимала, сколько наверное не фотографировали Майкла Джексона в пору расцвета его таланта. Правда потом, кроме одной фотографии для летописи «Барона», я стёрла все.

В Кабуле представительство ООН располагается в поселении, которое называется «Грин Вилидж» («Зелёная деревня»). Она находится в нескольких километрах от «Барона» и раз в три-четыре месяца превращается в цель ракетных атак Талибанов. Во время последнего нападения погибли 26 сотрудников, включая детей и женщин. Несмотря на это, «Зелёная деревня» одно из самых

популярных международных поселений типа «Компаунд». Особенной известностью пользуются их «Бранчи», которые представляют собой Шведский стол на базе Американского буфета.

О «Зелёной деревне» в Кабуле я слышала ещё в Тбилиси и знала, что это поселение, приблизительно такое, как Американская деревня в тбилисском районе Диди Дигоми. Называется она «Зелёной деревней» потому, что в Кабуле практически нет зелёных газонов, а место, где находится деревня сравнительно ухоженное, с зелёной травой. Поселение правда похоже на деревню своими одноэтажными домами и бараками, маленькими магазинчиками, кафе, клубами и скверами с цветочными арками. Окружающая среда мне понравилась, но контейнеры (типа металлических автогаражей, маленькие бараки-вагонетки), напоминают жилища для зверей в зоопарке, где нет места вильнуть хвостом. Моя двухкомнатная квартира в «Бароне» по сравнению с жильём типа барак-вагонетка выглядит как люкс гостиницы Кемпински. Как раз Фаустино, которого ещё в декабре «попросили» из проекта, «зацепился» за какой-то ООН-овский проект, пригласил нас, старых друзей, на Грин-Вилиджевский Бранч. Из-за того, что ему удалось остаться в Афганистане, у Фаустино от счастья потемнело в глазах и он уже в четвёртый раз рассказывает о достопримечательностях «Грин Вилиджа». Ему особенно нравится, что в деревне имеется Кока-Кола центр и мороженное на завтрак.

Глава 23.

По дороге на таможню я гляжу из окна бронированного лендкрузера на закутанные в белое покрывало, после двухдневного снегопада, полуразрушенные домишки и тротуары. Поднявшиеся с четырёх сторон снежные холмы величаво смотрят вершинами, блестящими от Солнца в голубое небо. На краю дороги босоногие дети, завернутые в весьма жидкие лохмотья, играют в снежки. Довольно редко проезжающие мимо машины, как мы, получают от них порцию крепких снежков, которые, разрываются как бомбы, ударяясь об борт или стекло автомобиля. Щеки их красные, как огонь, а глаза горят от счастья. Старики, перед своими лачугами, зажгли огонь в медных чанах, уселись вокруг огня и пьют чай с шишой. Рядом с ними, на заснеженных прилавках, образованы горки золотистых, цвета Солнца, апельсинов и зелёных яблок. Один из старцев катит тележку. На ней что-то красное просвечивает сквозь присыпанный снег. От удивления я даже вскрикнула:

- Клубника в Афганистане в разгар зимы ?
- Да, клубника, продаётся, хотите ? – подтвердил водитель.
- Настоящая, местная, тепличная ?

- Фреш ! – гордо и с некоторым удивлением ответил мне водитель.
- То, что она фреш, я вижу, но она тепличная или из сада ?
- Садовая фреш ! – невозмутимо повторил водитель (или обманывает, или не знает сам),- скажите Азизу и он Вам принесёт, - добавляет он.
- Невероятно, а как она красиво смотрится в снегу ?!
- Очень вкусная. Наша клубника очень ранняя и очень вкусная.

Вкус тепличной клубники я не люблю, но красная клубника, насыпанная на серую подстилку и присыпанная снегом в грязной тележке, меня очень привлекает. Я обязательно попрошу Азиза принести. Тележка осталась позади и скрылась из вида. Машина еле двигалась по ледяной дороге. До таможни было ещё далеко.

- Зима,- сезон полётов воздушных змеев. Хотя в такую зиму как в этом году, воздушные змеи, как медведи, находятся в спячке,- говорит мне мой ассистент Мустафа,- как только станет теплей и суше, в Кабуле начнутся массовые полёты воздушных змеев и Вы увидите, как запестреет небо. У нас, у афганцев, несколько самых любимых турниров: первый, - соревнование воздушных змеев, второй, – бузкаши и третий, – перелёты почтовых голубей. Четвёртым, по популярности, можно считать игру с мраморными шариками.

- Игру с пятью шариками я тоже знаю: в детстве я играла в эту игру, но мы не воспринимаем её как серьёзный спорт. При этом, в Грузии нет столько мрамора,- подыгрываю я Мустафе.

- Игрой с шариками и у нас занимаются в основном дети, но вот бузкаши,- это другое, это древнее и самое любимое соревнование, чисто афганское.

- Что-то подобное есть и у нас в Абхазии и в Мингрелии,- поло на лошадях, но это всё равно совсем другое. Чувствует моё сердце, что я уеду отсюда так и не увидев бузкаши. Для меня попасть на корриду гораздо легче, чем на бузкаши. А он интересуется меня больше всего, - говорю я с горечью.

- А я обожаю голубей. У меня уникальные голуби. Вот посмотри, - говорит Мустафа и показывает мне видеозапись на мобильном телефоне своей голубятни. Вот этих я купил недавно и вляпал в эту покупку кучу денег !

В голубятне, построенной на плоской крыше дома Мустафы, с гордым видом разгуливают четыре белогрудых с коричневыми крыльями голубя. В углу прислонена сетка для ловли голубей, похожая на сачок для ловли бабочек, но гораздо больших размеров. Заманивание чужих голубей в собственные голубятни происходит свистом и демонстративным насыпанием в кормушку рассыпчатого корма. Легче всего заманить в ловушку уставшего от перелёта голодного голубя. Фактически он сам проваливается в сетку, когда голодный набрасывается на корм. Чем больше голубей заманишь в ловушку, тем больше очков пишется на тебя. Хозяева потерянных голубей начинают искать их и, если узнают, где они находятся, являются к «похитителю» и предлагают выкуп. Порода голубя и наружные приметы определяют стоимость выкупа.

Говорят в этом бизнесе делаются большие деньги, которым зачастую сопутствуют серьёзные криминальные разборки.

- Видишь, камера всё время следит за этим голубем. Это очень дорогой голубь. Он из голубятни, которая принадлежит одной очень важной афганской персоне и, когда профессионалы по какому-нибудь поводу посещают эту голубятню, они не забывают приносить подношения хозяину в знак своего уважения. Более того, для фотографирования этих голубей требуется специальное разрешение.

- Да, разница очевидна: все остальные голуби чёрно-белые, а этот белогрудый с коричневыми крыльями. Кроме того, он кажется более атлетического сложения и производит впечатление физически более сильного голубя. Это и есть признаки его особой породы ?

- Это показатель того, что этот голубь - посланец Господа Бога. Он, практически, безценный из-за очень высокой цены.

- Если этого голубя украдут, сколько выложит его хозяин, чтобы возвратить его ?

- Из-за такого голубя моему дяде нанесли четыре тяжёлых ранения. По возвращении из больницы, он застрелил из автомата Калашникова четырёх обидчиков и сел в тюрьму.

- Ты как-то очень упрощаешь. Ты говоришь, что он убил четыре человека и только сел в тюрьму ?

- О, это длинная история, а если быть кратким, то это произошло так: у брата жены моего дяди был один такой голубь. Однажды его украли и тут же сообщили адрес его местонахождения. По адресу был послан ребёнок, чтобы узнать и передать хозяину голубя цену выкупа. Воры голубя посчитали присылку ребёнка оскорблением, наградили ребёнка пощёчиной и отправили его обратно без ответа. На это, рассерженный дядя сам заявился к ворах. Возникший спор перерос в драку, в результате чего моему дяде было нанесено несколько тяжёлых ранений и он попал в больницу. Когда он вылез из больницы и вернулся домой, он не говоря ни слова накиннул на плечо автомат Калашникова и отправился к ворах в очередной визит. Но на этот раз он уже не стал вступать в переговоры. Как только ему открыли дверь, он ворвался в дом и застрелил тех четырёх, которые пытались его убить. После этого он некоторое время сидел в тюрьме.

- Некоторое время ? А сейчас он не там ? Убить четыре человека и некоторое время ? Может потому, что они воскресли ?

- Это произошло достаточно много лет тому назад. Когда пришли Талибаны, они открыли двери тюрем и выпустили всех, включая моего дядю. У этой истории есть продолжение, но мы уже приехали в таможню и, если умения будет настроение, я когда-нибудь Вам её доскажу. Но если то, что я рассказала прочтут в Афганистане, мне явно грозят неприятности.

- Не прочтут, потому, что мои «шедевры» я пишу на Грузинском языке и не думаю, что они когда-нибудь станут бестселлером и будут переведены на разные языки мира. Для надёжности буду так же соблюдать конспирацию, - искренне обещала Мустафе, что означало, что Мустафа имя вымышленное и человек с таким именем никогда не был моим ассистентом.

И в правду, время так незаметно пролетело, что я и не заметила, как мы оказались на таможне, где мне пришлось выслушивать совершенно другие истории. Два сотрудника национальной службы контроля ждали меня, чтобы рассказать, как хорошо, когда в каждом офисе таможни установлена видеокамера наблюдения. Под страхом нашего присутствия и при непрерывной работе видеоглаз, афганские граждане, торговцы и экспорт-импортёры, не суют в руки у всех на виду взятки афганским таможенникам.

- Эти камеры записывают всё, а мы передаём контролёрам кадры, вызывающие подозрения. Как правило, начальник отдела, один раз в месяц должен получать видеозаписи с тем, чтобы контролировать и анализировать нарушения, произошедшие за месяц. Мы даём полную картину, - говорит мне начальник службы Хасиб Хоссейн.

- Сколько нарушений зафиксировано, например, за этот месяц и привлечён ли кто-нибудь к ответу за нарушения ? – спрашиваю я будто свалилась с Луны и ничего не знаю.

- Эта аппаратура смонтирована у нас сравнительно недавно и начальник таможни ещё не требовал у нас соответствующих материалов. Следовательно ещё никто не был наказан за нарушение...Но положительным, несомненно, является то, что из офиса самовольно выйти никто не может и торгашей заводят в офис тоже. Какие-то пути они всё-таки находят, но это не сравнить с тем, что было: все боятся «Бабау», - улыбается Хасиб.

- А кто такой «Бабау» ?

- Вы наверно знаете, что, укладывая спать, детям говорят, чтоб они заснули скорей, иначе придёт «Бабау» и будет плохо. Вот и мы предупреждаем таможенников, чтобы они вели себя по правилам потому, что видеокамеры, «Бабау», видят всё и запоминают, - смеётся Хасиб и показывает мне на большом телеэкране всё, что происходит в данный момент на Кабульской таможне. Ничего особенного. Взад и вперёд снуют люди в пиджаках с папками. За ними ходят афганцы в чалмах и без них. Главное, что Хасиб знает точно, кто из них даёт взятки, а кто берёт их.

Хасиб кончал Московский Университет и свои личные претензии к работе Кабульской таможни он, отключив диктофон, говорит мне по-русски. Во мне он почему-то видит побратима и единомышленника, прошедшего советскую школу, который понимает, что большие разговоры в микрофон, прямо пропорциональны быстрой потере работы.

Глава 24.

Иногда какие-то афганские мужские голоса звонят мне по мобильному телефону и, услышав женский голос, не оставляют меня в покое. Пока что я нашла два пути отделивания от этих приставал: один простой и стопроцентно срабатывающий, другой более сложный, но менее надёжный потому, что в этот момент рядом с тобой должен находиться мужчина, говорящий на Пашту.

Первый способ заключается в том, что, после звонка, откладываешь телефон в сторону и продолжаешь делать дело, прерванное звонком, в ожидании окончания денег на балансе звонящего. Когда он поймёт свою ошибку, он срочно бросает трубку и больше звонить не будет.

Второй способ я испытала будучи в гостях у усыновлённого мной узбека, Тимурика. В гостях у него были так же его боливийский друг Андрес и обамериканевшийся афганец Сэм, который внешне больше Андреса похож на боливийца. В Афганистане у Андреса - бизнес и он максимально старается выглядеть местным парнем: по афгански отпущенная борода, на шее косынка афганского стиля, разговор на Пашту. Сэм вещает на чистом даунтаунском сленге:

- Где ты работаешь ? – спрашиваю я.
- Нигде, пью и курю.
- Я думала ты партнер Андреса.
- Да, в общем так и есть. Я ему кое в чём помогаю.
- В чём помогаешь ? – Я не закончила вопрос потому, что зазвонил мой мобильник.

- Ну, началось ! – произнесла я и протянула телефон Тимур: может звонящий, услышав мужской голос, оставил бы меня в покое. Тимур некоторое время ругал звонящего на англо-персидском, после чего повесил трубку. Через некоторое время мобильник зазвонил снова: на связи был тот же «онанист».

- Дай-ка мне телефон,- сказал Сэм и взял у меня мобильник. В тот же момент мы оказались зрителями шоу с участием одного актёра. Сэм держал мой мобильник перед собой, как микрофон и несколько изменённым голосом, как «базарят» наши тбилисские морфинисты, читал в трубку длинный монолог, звуки которого приятно ласкали слух: я была вся – внимание.

- На каком языке он говорит ? – спросила я Тимурика.
- На Пашту,- ответил он шёпотом и приложил указательный палец к губам, мол не мешай ему говорить.

- Какой, оказывается, красивый язык. А что он ему говорит ? – Задала я очень неуместный и алогичный вопрос.

- Он сам тебе скажет ! – отразил Тимур мой вопрос,
- А я Пашту не понимаю,- смеялся Андрес.
- Ага, повесил, и если у него есть голова на плечах, он в жизни не прикоснётся к мобильному телефону,- сказал Сэм и передал мне телефон.
- Что ты ему сказал ?
- Я ему прочитал один национальный эпос.
- Да, это было похоже на эпос: звучало очень красиво. Если сквернословие на Пашту звучит так же красиво, как эпос, я завтра же нанимаю частного педагога.
- Это был эпос.
- Расскажи , - Тимур не смог сдержать смех.
- В этом эпосе можно озвучать только знаки препинания...Короче, этот человек со страху не только тебе, но и родному отцу долго звонить не будет.
- Чтож, поживём – увидим. Но такой спектакль, который я увидела, я в жизни не забуду...Понял, чувак ? - Совсем по- тбилиски.

Международная туристско-путешественническая телевизионная программа «Фокс тревел», сегодня посвящается Кабулу. Молодой австралийский путешественник-журналист ходит по Кабулу и пытается сблизиться с афганцами, освоится. Не говори, я тоже пытаюсь это сделать, но в «Бароне» не очень-то разгуляешься. Вы сами это видите. Австралийцу в деле сближения помогают афганские журналисты, их друзья, работники безопасности. Те же люди мешают мне, не предоставляя никаких возможностей и помощи. Всё, что я искала нашёл он и сфотографировал. Помните, наверно, что я рассказывала про голубей. Так вот, этот журналист посетил охотников за голубями, взял у них интервью и записал на видео афганских голубиных воров. Потом он принял участие в соревнованиях воздушных змеев: научился у знаменитого Кабульского специалиста по змеям, Нурада, управлять змеем, купил у него наилучший воздушный змей и, после этого, «позорно» проиграл соревнование с четырнадцатилетним сыном Нурада. Комментатор не мог успокоиться, как он посмел проиграть соревнуясь змеем Нурада ! По окончании турнира воздушных змеев австралийский журналист появился в афганском салоне в выходном костюме со смазанными бриолином волосами среди избранных афганских «танталов» и спел вместе с Шакир Хаздасом (это то же, что в Тбилиси спеть с Анри Джохадзе).

Вечером мне позвонил Андрей и пригласил поиграть в парный пинг-понг. С большой радостью я направились в спортзал, где за всё это время первый раз увидела, что к экспатриотам (экспатам), т.е. к нам, пришли поиграть афганские водители.

Андрей еле дышал. На другой стороне стола играл босой афганец-водитель и бил такие топки, которые я видела только в исполнении нашего Тато Урджумелашвили. У меня расширились глаза: уже полгода, как я то с одним , то

с другим играю в паре (после отъезда Тато я в основном играю в паре с Андреем и мы считаемся сильнейшей парой), но хорошо играющего игрока-афганца здесь я вижу впервые.

- Что происходит ? – спрашиваю Андрея.

- А то, что это Тофик, а не Стив. Так просто у него не выиграешь, замотал он меня, нам придётся крепко сконцентрироваться, чтобы выиграть, последнюю фразу Андрей сказал мне по-русски.

- «Гуд ивнинг мэм», очень приятно с Вами познакомиться. Меня зовут Тофик. Я, – водитель. Андрей пригласил меня поиграть в пинг-понг, – представился молодой симпатичный афганец, лет 25-28, зеленоглазый брюнет с бородкой типа современного бланже.

- Здравствуйте, мне тоже приятно с Вами познакомиться, добро пожаловать в нашу команду.

Наш друг Гари стоял в сторонке и внимательно наблюдал за игрой Тофика и Андрея. Он удовлетворённо улыбался так как появилась надежда, в паре с Тофиком, взять реванш надо мной и Андреем.

А, между тем, Андрей выигрывал геймы, но с большим напряжением, с преимуществом всего в 2-3 очка. Он очень старался и приговаривал: «Нет, это не Стив, точно не Стив !» (Стив был бывший напарник Гари, двухметровый и плохо координированный американец, в прошлом военный эксперт).

- Если бы Вы с таким упорством боролись бы в Афганистане в своё время, Вы и сегодня были бы здесь, – напомнила я Андрею его захватническую генетику.

- Сейчас он одновременно борется с русскими и американцами, поэтому он такой озверевший. Я защищаю честь империи и, вместо всей России, я устрою ему реванш, – сказал Андрей и глотнул свою традиционную кока-кола-водку.

По тону разговора было ясно, что у него возникла симпатия к Тофику, как к достойному противнику.

- После Тато так бегать меня никто не заставлял.

- Да ? Тогда ты сыграй в паре с Гари, а я буду с Тофиком. Посмотрим кто и какой реванш устроит.

Андрей выиграл сет на «больше-меньше». Затем я стала в паре с Тофиком и тут же почувствовала как неожиданно было для него играть в паре с эмансипированной женщиной, хотя не скажу, что это его смутило. Мы слегка размялись и я сразу поняла, что грузинско-афганская пара принесена в жертву русско-американской коалиции, хотя что предпримет афганец, одному Аллаху известно, тем более, что мяч пинг-понга тоже круглый...

И случилось точно то, что случилось. Ни Андрей, ни Гари не смогли взять почти ни одну мою и Тофика подачу. А мы пали смертью храбрых на их нескольких неберущихся комбинациях, но провели много своих и выиграли гейм со счётом 21:19. Андрей со смехом спрашивал, что ты такое выпила, дай

мне тоже...Тофик стеснительно стоял среди своих друзей и вытирал пот со лба. Потом ему позвонили по мобильнику. Он извинился, сказав, что его срочно вызывают по делу, и ушёл. Друзья последовали за ним. Андрей и Гари просили продолжить, но ослеплённая головокружительным успехом, я отказалась, пожелав уйти непобеждённой.

- Ты и Гари сыграйте один на один, а я пойду спать,- притворилась я уставшей и положила ракетку на край стола. Мы «с соблюдением мировых стандартов» ударили друг друга по ладоням поднятых рук и я, уставшая и обессиленная «выплыла» из зала. Так или иначе, повезло нам или не повезло им, в «Бароне» запланированный «русско-афганский реванш» не состоялся, вот так !

На другой день мы играли как обычно потому, что Тофик не появился. Он не пришёл и позже. Почему-то Стив тоже пропал. Я очень удивилась потому, что ранее он не пропустил ни одну игру.

- Куда пропал Стив,- спросила я Гари
- Стив уехал.
- Куда, когда ?
- Домой, вчера.
- Как это, у него, что контракт закончился ? Он же совсем недавно приехал ?
- Нет, по контракту он должен был быть ещё два месяца, но ему сказали, что финансы проекта урезали и он попал в сокращение.
- Ты что говоришь, это же нарушение условий контракта, как так можно, это же не шарашкина контора, это американский проект, а Стив что говорил ?
- Ничего не говорил, улетел сегодня вечерним рейсом.
- Он не протестовал ?
- Нет, решение американского правительства не опротестовывают, особенно в Афганистане.
- Он что шпионом был ?
- Я это не знаю, но знаю, что контракты составлены так, что ничего сделать не возможно. При этом у них такие адвокаты, что жаловаться бесполезно. Короче, он уехал. Он сам знает своё дело !
- А отдел Стива закрыли ?
- Стив сам был отделом поэтому с его уходом никто не пострадал.
- Единственное преимущество. Ведь с уходом Фреда и Кармел пятнадцать афганцев потеряли работу. Правда им обещают места в других отделах, но афганцы в это не верят. Они говорят, что в ближайшие три месяца должны закрыться ещё два отдела.

Мне не нравится история со Стивом. Однако он не один попал в такую переделку. Это уже третий случай, который произошёл при мне. Шутка ли, закроешь глаза на тысячу опасностей, пойдёшь людям навстречу, приедешь в эпицентр терроризма и, на тебе,- сюрприз работодателя. Фактически сидишь на

двух пороховых бочках: одна бочка жизни и смерти, другая, - бочка потери работы. Это и есть причина того, что в этой пуховой и соловьиной «тюрьме» все находятся в депрессии или страдают психозом.

Я не долго оплакивала пропажу Стива потому, что задумавшись, вспомнила, что в связи с ним было очень много непонятного. В первую очередь было непонятно, в каком проекте он участвовал. Второе подозрение: как-то раз я услышала как он на ломанном Дари говорил с кем-то по телефону. Я поинтересовалась, где он научился этому языку. Он ответил, что детство он провёл в Иране и немного ещё помнит персидский. У меня после этого возникли подозрения, что он «наследственный шпион», из-за чего он так часто появляется и пропадает в разных местах. Однажды Марк Макнамара сказал мне, что «Барон» сильно нашпигован шпионами, вернее цереушниками.

Макнамара рассказал мне также интересную историю про своего шотландского прадеда, который на своей Родине убил двоих шотландцев и на первом же пароходе уплыл в Америку. Когда пароход причалил к американскому берегу и дед вылез из тайника, ему, наподобие Колумбу, показалось, что это Индия. На берегу, присмотревшись, он понял, что он в Австралии. Денег и документов у него не было, а пароходы в цивилизованный мир уходили с частотой один раз в год. Что он мог поделаться, - остался в Австралии, там, куда забросила его судьба и где он начал поднимать австралийскую целину.

Не буду отнимать драгоценное время пересказом семейной саги Марка Макнамары и его наследников, а перейду на то, что меня больше всего поразило. А поразило меня больше всего дом Макнамары и его окрестности, которые я увидела на фотографии: зелёный коттедж с небольшими белыми мостиками вокруг в аквамариновой океанской лагуне, берега которой покрыты красивой травой с растущими из неё пальмами и множество других вьющихся растений. И сразу в голову пришла известная легенда, которую очень часто используют при произнесении тостов. Согласно ей грузины, которые обожают застолье, конечно же явились с опозданием на раздачу земель и Бог отдал им припрятанную для себя землю, которая сейчас называется Грузия. А дедушке Макнамары явно достался второй припрятанный участок.

Демонстрации на улицах Кабула не прекращаются. Андрес говорил, что ещё пять дней и всё кончится. Его прогноз не оправдался потому, что уже прошла неделя, а демонстранты не расходятся. По официальным сведениям уже убито семь демонстрантов. А вчера объявили, что в Кабульском «Железном дворце» (Министерство внутренних дел), в помещении максимально охраняемом, нашли трупы двух американских экспертов (здесь всех иностранцев называют американцами или британцами, раньше, видимо, называли русскими). Оба были убиты из огнестрельного оружия. В связи с этим, в «Бароне» начались военные игры. Нам провели тренинги гражданской обороны, дважды включили

«сирену» учебной тревоги. Звук «сирены» - невыносим. Мне легче пойти на войну, чем слышать этот звук сверлящий мозг. Бронежилет у меня тот же, на два размера больше моего. Как и раньше, одеть его в одиночку, я не могу. Поэтому я поставила его за креслом и не прикасаюсь к нему. А из каски, как я уже говорила, я смастерила абажур, но сейчас его приходится разбирать. В последний раз я ворвалась в убежище в каске. Убежище одновременно является комнатой Макнамары. В комнате почти всегда стоят такие запахи, что после тревоги, никто не хочет уходить (Макнамара - известный на весь «Барон» кулинар). Однако, в конце концов, убежище приходится покидать так как Макнамара не проявляет признаков гостеприимства. Однако его тоже можно понять: количество резото (итальянское блюдо) достаточное, чтобы накормить 25 человек, не то, что у него, не найдётся и в «Белла Италии».

Ещё одно поле битвы двух гигантов,- это моё общение с моим мужем по Скайпу. Вадик пишет мне по электронной почте: «Почему, когда бы я не вызывал тебя по Скайпу, ты не отвечаешь?» Я отвечаю: «Это я постоянно вызываю тебя, а ты не отвечаешь!» Короче говоря, вместо того, чтобы залечивать раны друг друга, вызванные разлукой, мы в больших количествах высыпаям на них поваренную соль. Это в момент, когда я преспокойно связываюсь и разговариваю с сестрой-Кетино, с сыном-Нодаром, с евразийскими и заокеанскими друзьями. Когда, наконец, дело стало походить на «битву русских с кабардинцами» (картина известного художника времён Кавказской войны), мы, в перерыве между сражениями, успели договориться, общаться только по электронной почте. Представьте себе, – помогло.

Раздаётся звонок из Тбилиси. Кетино очень взволнована. Она спрашивает, почему нас не эвакуируют? Оказывается в Тбилиси, в СМИ, идёт такая информация про положение в Афганистане, что у людей волосы встают дыбом. А мы здесь и не подозреваем, что находимся на передней линии фронта. Правда, мы знаем ситуацию от «Алджазира» и от БиБиСи, но в ней нет ничего такого панического. В этом смысле «Барон» напоминает экспериментальную кроличью ферму: мы, подопытные кролики, хорошо питаемся, живём в чистоте и довольствии, даже развлекаемся, но очень далеки от знания реальной ситуации за стенами «Барона». Эдакий информационный вакуум. Конечно же для здоровья это очень хорошо, но человек в такой ферме несомненно тупеет. «Собака лает, а караван идёт»,- вот наше положение, но в зеркальном отображении. Страна на глазах разваливается, а в «Бароне» упрямо утверждают, что реализация стратегического плана идёт строго по намеченному графику.

Что один отдел совсем не нужен был, это же наконец-то выяснилось и, несмотря на выброшенные на ветер миллионы, его моментально и бесследно расформировали. Кстати, я была в этом отделе, но не до конца, что и послужило поводом моего чудесного спасения, но до каких пор? Это не знает никто. Более того, это не написано в том стратегическом плане, который должен был служить

«гарантом всего» и представлял «библию» для каждого из нас,- правила внутреннего распорядка.

Первая часть «последователей» этой «библии» уже сегодня оказалась в офсайте, вторая – на старте, среди них и я, с той лишь разницей, что мой афганский ресурс почти исчерпан. Сейчас меня, маленькую птичку в клетке, вовсе не интересует, когда откроется дверь и мне прокричат: «Думбадзе, с вещами !»

Сиюю себе в крепости, где местные интриги не уступают интригам Мадридского королевского двора и, между делом наблюдаю, кто на кого доносит и кто под кого копает. А окончательно это выясняется только после какой-нибудь очередной катастрофы. А снаружи Афганистан истекает кровью и не только афганской... Как говорит Кармел, «Who Cares ?» - Главное, чтобы это кровопролитие продлилось на как можно больший срок, чтобы лидеры накопили как можно больший капитал.

Когда проект закрывают перед носом неудачника, он спокойно заявляет: «Ну и что ? Земля-матушка забита «Горячими точками в горячих странах». Тем более сейчас, когда вспыхнули события в Сирии, Ливане и т.д. На тушение этих пожаров двинулся поток проектов из развитых стран с новыми рабочими местами для «экспатриотов».

А ты что там делаешь ? – спросите Вы меня, а я отвечу: «То же самое», хотя чувствую, что в первый и последний раз...Я всё равно попала бы в подобную переделку потому, что таков ритм моей жизни: или я должна быть в эпицентре катаклизмов, или должна утонуть в болоте. Сейчас я заканчиваю первую часть моего ритма, через некоторое время я, видимо, откликнусь из болота.

Писательница, Посол Швеции в Грузии, которая пишет «Письма из Афганистана» и хочет, как она пишет, внести какие-то положительные изменения в местную действительность,- это сплошной блеф. Что она может изменить или спасти ? – Ничего. Афганистан, Ирак, Сирия и любая подобного типа развивающаяся страна, для подобных «миссионеров», является идеальной «тихой гаванью». Здесь все они одинаково счастливы и по разному несчастны (украли у Толстого). Счастье выявлено и определено, а несчастье покрыто тайной и запрещено для разглашения. Женщины из этой касты домой возвращаться не желают. Они пытаются отыскать свою диаспору за рубежом и заполнить, таким образом, пустоты своей бытовой действительности. Некоторые из них обзавелись здесь семьями. Большой популярностью для этого дела пользуются всеми забытые и одинокие породистые «мальчики» из охраны, бродящие по горячим точкам мира. По популярности от них несколько отстают афганские ребята-жиголо, которые охотятся за обладательницами заграничных паспортов и «грин-карт», для которых «миссионерки» ассоциируются именно с этими ценностями.

У меня семья, любящие меня муж и сын, внуки и внучка. Я уже в возрасте, в котором грузинские женщины вполне законно могут уходить на заслуженный отдых. Но в тоже самое время мой муж – пенсионер, моя Родина – нестабильная страна, которая платит за 40 лет научно-педагогической деятельности всего 110 лари в месяц (около 66 долларов США, при прожиточном минимуме около 120 долларов США в месяц) и не даёт никакой работы, можно считать, что Родина пустила нас по миру не в гонку за «длинным рублём», а в поисках денег на пропитание (обыкновенное выживание). Вот почему я нахожусь в Афганистане, который платит настоящие деньги нам, а по отношению к своим гражданам, ведёт себя точно так, как наши.

Здесь я, – женщина в бурке, у которой весьма туманное представление о физическом и духовном потенциале мужа, не говоря уже об его имущественном потенциале. И всё равно она настойчиво пытается нырнуть на дно бездонного океана в надежде найти, выловить и вытащить на поверхность какую-нибудь ценность. И вот я начала писать книгу про Афганистан. Посмотрим, насколько меня хватит и какой величины и качества жемчуг я вытащу. Какой бы простой ни была моя находка, уверена, что она будет необычайной и привлекательной и обрамлена красивыми афганскими самородками.

Сегодня, на уроке Дари, у меня открылось второе дыхание. Я была такая активная и результативная, что не могла скрыть восторга по отношению к самой себе. Вообще-то для меня Дари оказался очень трудным языком, тем более, что он почти не подчиняется логике. Поэтому я считаю, что учить его, в особенности в моём возрасте, равносильно героизму. Он, как математика: решишь задачку и наступает момент, когда ты становишься болно самоуверенной, сильно растёшь в своих глазах. Потому я так довольна была собой сегодня и занималась немного больше, чем занимаюсь обычно. Вот такие мы грузины, талантливые, но ленивые.

Забывчивость Кармел перевалила все пределы: она просит переслать ей текст, который я уже трижды ей пересылала. Более того, она не помнит, что последний месяц я ежедневно пересылаю ей всевозможную информацию. Интересно, куда она её деваёт ? Я понимаю Кармел: она принадлежит именно к той категории женщин, которые подошли к своему пятидесятилетнему рубежу без семьи и без близких друзей и жизнь их полностью зависит от наличия работы или, что тоже самое, от существования горячих точек на земле.

Поскольку несколько дней тому назад закрыли её отдел (я об этом говорила ранее), в её офисе сейчас ведутся заключительные работы. Всякий, кто терял когда-нибудь работу, поймёт, с каким настроением Кармел готовила «Врапинг ап» (ликвидационный отчёт).

Кармел закончила работу и приготовилась к отъезду. Мне, к сожалению, не удастся присутствовать на её проводах, так как я в ближайшие дни уезжаю в Дубай на очередное заседание Конгресса Всемирной Газетной Ассоциации. А по

возвращении оттуда, через месяц, я и несколько ведущих специалистов попрощаемся навсегда с проектом «ТАФА» и с «Бароном». Что касается меня, я никогда не скажу Афганистану «Прощай!» Я говорю ему только два слова: «До свиданья!».

Глава 25.

Конференция Всемирной Газетной Ассоциации (WAN), посвящённая проблемам среднеазиатских СМИ, состоялась 28-29 марта 2012 года в Дубаи, куда я прибыла в полдень 28 марта. Когда я приехала в гостиницу, конференция уже началась. Я быстро прошла регистрацию, взяла свой кейс и села в последний ряд зала. У меня сразу возникло чувство, что конференция происходит довольно «грустно», а то, что обсуждалось в тот момент, меня особенно не интересовало. Я думала о том, как изменился мир и вместе с ним и WAN. Где тот огонь страстей и ураган желаний или протестов, которыми сопровождалась конференции-конгрессы WAN-а (лично я, - участница шести таких мероприятий и говорю это, как очевидец). Газета, как говорят ванцы, - «погибающее СМИ» и этот необратимый процесс по-видимому реальность. «Многообразие», «Динамика» и «Полнокровность» Дубайской конференции заставили меня задуматься. Прежде чем я ударились в большой пессимизм, пришло время обедать и я направила свои стопы в «Пиано Холл» «Гран Мариота».

Обед был идеальным образцом восточной роскоши: очень богатый, вкусный и многообразный. Точно такой, который достоин города Дубай, - Мекки культурного многообразия и космополитизма. Мне особенно понравилась сладкая часть стола, которая отличалась красотой и привлекательностью, тонкими ароматами и вкусами. Понравилась настолько, что я не выдержала и, не дрогнув, похоронила (до следующей эксгумации) свою безсахарную диету. Потом, разозлившись на саму себя я принялась разбирать арабских женщин-журналисток по косточкам.

Я: «Факт, что на них чадра и головы их завёрнуты в головные косынки, но длинные до пола, чёрные платья так близко облегают их тонкие, как тростник фигуры, крутые бёдра и полные груди, что по сексуальности общего облика и откровенности замысла они запросто заткнут за пояс любую эмансипированную «голосистую» и длинноногую журналистку. Позолоченные широкие пояса так плотно обнимают их тонкие талии, что заставляет скромно опускать взгляд. Это мой монолог, мысль вслух, поскольку впервые я не нашла на конференции WAN ни одно знакомое лицо и некому дать ответ.

Next generation («новое, следующее поколение») – так называется сессия конференции, в которой я хочу принять серьёзное участие. Из аннотации сессии следует, что руководители восточного крыла WAN считают необходимостью

начало Среднеазиатской революции и эволюции именно из этой сферы: все издательства и все печатные органы должны быть сравнены с землёй, а на образовавшейся целине должна восстать новая новаторско-реформаторская поросль от заграничных семян. Что они задумали получить в результате, они сами, естественно, знают, но об этом на очередной конференции никто не говорит.

Я: «Видимо пришла Ваша очередь, чего Вам ещё надо. То, что произошло со всей грузинской журналистской школой и со всеми грузинскими печатными средствами и в какой ситуации она оказалась в результате реформ последних 20 лет, то произойдёт с Вами и потом поздно будет кусать локти...Это тоже мой монолог т.к. у меня попрежнему нет ответчика. Доложу Вам, опять-таки из собственного опыта, что эксперимент, в большинстве случаев, отклоняется от взятого направления, а результат или итог работы, как правило, превышает ожидание: вместо ребёнка в руках оказывается какой-то непрогнозируемый мутант.

Набор штатов в издательствах происходит по совершенно новым правилам. Описание работ руководитель меняет быстрее, чем исполнителей, так как в сегодняшнем мире с катастрофической скоростью меняется производство газетного бизнеса, форма и содержание газеты и, что самое главное, меняется концепция и философия. Сегодня налицо операции мультимедии, что обратно пропорционально выпуску газеты, напечатанной чернилами. В мире идёт охота на менеджеров нового типа. Этот тип менеджера в Средней Азии и в Грузии ещё не выведен. Менеджеры такого типа должны изменить стратегические функции газет. Первый шаг в этом направлении, – это кадровые изменения, которые должны произойти как можно быстрее с тем, чтобы расчистить новым медиалидерам путь к независимому, справедливому и светлому будущему.

О лидерстве написано и выпущено более 60 тысяч книг. А принцесса Иордании, которая была почётной гостьей Среднеазиатской Конференции WAN, заявила, что это не «лидерство», а «прислужничество». Я верю в то, что роль газеты, в деле формирования общества, всё ещё велика. А от иорданской принцессы формулировка «прислужничество» прозвучало очень убедительно.

Embrace the Future – create your own future! (Управляй будущим, сам создай своё будущее !) – превозгласил англичанин Дэвид Бетлер и тут же обратился к залу с просьбой встать лидерам. Сначала встали десять – пятнадцать человек, первая была невзрачная, кучерявая женщина. Потом весь зал поднялся на ноги и Дэвид Бетлер улыбаясь заметил, что, оказывается, весь зал заполнен лидерами. Потом на большом билборде, вертикально, сверху-вниз, высветилось слово LEADERSHIP и рядом с каждой буквой появились слова, которые являются критериями лидерства. Например: L – Listen (слушать); Learn (учиться); E – Envision (представление); A – Authentic (аутентичное); D – Decide (решение); R – Risk (риск); S – Sustainable (устойчивый); H – Humble

(скромный, человечный); Human (человек); I – Improvise (импровизация); P – Passion (переживание, желание).

В конце концов я узрела и услышала всемирно известный дубайский танцующий фонтан. Эти арабы – хитрейшая публика, создали Дубай для тихого, приятного и добровольного облегчения кошельков и карманов. Ты как хочешь называй его, но фактически, – это глобальный базар. Этот великолепный фонтан расположен между грандиозным дубайским торговым центром и новыми небоскрёбами. Фонтан бьёт из искривлённого бассейна с длительностью танцевального сеанса, всего 10 минут.

А сказать я хочу ещё, что Президент наш не всегда врёт потому, что когда, например, он говорил, что батумский фонтан лучше дубайского, он не врал: батумский грандиознее, танцует и поёт дольше и энергичнее. Дубайский фонтан включается один раз за полчаса и танцует под музыку разных уголков мира. Первые десять минут был танец фонтана под китайскую музыку. Я выхватила фотоаппарат и не успела хорошенько настроиться, как танец закончился. Новички-туристы находящиеся там и делающие то же, что я, выразили громкое неудовольствие кратковременностью шоу и покинули его, направив свои стопы на «Рынок золота» и «Дубай мол». А российские туристы, которыми буквально забит Дубай, популярно объяснили: «Хорошенького – понемногу!»

Именно здесь лежит ключ арабской хитрости: фонтан, который включается раз в каждые полчаса вынуждает тебя эти полчаса и больше находится в торговом центре, где тебя так «разденут» и «очистят», что ты и ахнуть не успеешь. Ты не хочешь опоздать на следующее, более красивое шоу со знакомой, общеизвестной и длительной музыкой, поэтому спешишь. А то, что после грандиозного шопинга, с тебя не берут деньги за фонтан (ужасно редкое для Дубай явление, когда не берут деньги), конечно же успокаивает все твои беспокойства по поводу уплывших только что денег.

И вправду, второе шоу оказалось более приятным. В сопровождении арабской музыки дубайский фонтан показался веселее, эластичнее и приятнее на слух, но опять сеанс очень быстро кончился. Как ухитрились арабы так мило обрезать, обкарнать свои затянуто-бесконечные байаты, я так и не поняла. Хотя чего удивляться, фокусы, магию и чудеса разве не они придумали?

Конференция в разгаре, но среднеазиаты ничего не показывают. Зато американцы, европейцы и Дальний Восток всё вынесли на свет Божий. Уже не знаю, что и подумать, им нечего показать или им неохота? Потому, что их газеты блестящего качества. Если нечего показывать, то откуда? Каким образом? Тихо сидят и слушают, как их учат лидерству в СМИ, новейшим методологиям новостей, технологиям добывания денег, бизнесу и т.д. С их стороны опять и опять смиренное слушание. Разве что их мучает совесть, что их газеты пахнут нефтью? Не знаю.

Дубай, город о котором у меня возник вопрос: «В этом городе кто-нибудь живёт? Есть у них свои дома, квартиры, семьи или это город гостиниц, ресторанов, развлекательных комплексов и торговых центров? Обслуживающий персонал в этих комплексах, – это китайцы, вьетнамцы, камбоджийцы, японцы или русские. Потребитель – весь мир. Тогда, где ночует коренное население арабских эмиратов? Неужто все сидят в своих виллах и поплёвывают в потолок? Или держат в руках большие счёты (абак) и непрерывно подсчитывают прибыли? Хочу, да, хочу получить ответ на этот дурацкий вопрос, который мучает меня с момента вступления на землю Дубай, но ответ на него никак не могу получить. Под конец я задала этот вопрос таксисту-португальцу. Он мне ответил, что здесь арабы не работают, здесь мы работаем на них. Нет дорогой, не поверю, что в этой 26-вековой давности стране всё делают другие, а хозяин только бряцает монетами и спокойно пожинает плоды нефтепроизводства Арабских Эмиратов: так попыталась я возродить таксисту. Но он ответил, что хочешь верь, хочешь нет, но это так.

Не могу не написать об этом: в ходе конференции в зал вошла дама типа «северной королевы». Это была белокурая, очень белокожая, широкобёдрая женщина с пышными бюстом и ляшками. На ней было клетчатое, чёрно-белое тафтовое короткое платье. Сказать только короткое, – очень слабо. В Кутаиси про такое говорят: «Мне нечего от тебя скрывать». Она с трудом протиснулась в предыдущий от меня ряд и начала устраиваться на место, находящееся прямо перед арабом в чалме и белом шальвар-камизе, сидящим справа от меня. Нагнулась, чтобы положить свою сумку к ножке кресла, оттянула подол, который еле закрывал её прелести и, наконец, села. Я говорю «наконец» потому, что, сидящего позади неё и рядом со мной арабского издателя от такого зрелища чуть нехватила кондрашка: кровь бросилась ему в голову из-за чего он покраснел, закатил глаза, застонал, закусил губу и отпустил её только когда она, наконец, села. Я поняла, что не смогу без смеха выдержать зрелища страданий арабского издателя, когда дама будет вставать и пересела в задние ряды.

Здесь, в Дубаи, я вспомнила одно типичное для грузинских женщин выражение: «Зачем мне это? Перед кем я красуюсь? Я же не собираюсь заново выходить замуж!» А почему я это вспомнила? Потому, что здесь, в Дубаи, когда я хожу по магазинам и смотрю на женщин с закрытыми чадрами лицами, которые выходят с кучей одежд от Пьер Кардена, Картье, Валентино и других, завернутых в дорогие упаковки, у меня возникают вопросы: «Зачем этим носительницам чёрных одежд такое количество дорогих европейских товаров, кому предназначается эта одежда, где они собираются её одевать и кому показывать? Неужели всё это делается для одного мужчины и для его нескольких жён?» А между прочим, эти мужчины не на одну минуту не покидают своих упакованных с ног до головы женщин. И ещё, когда женщина входит в магазин для «шопинга», они часами терпеливо ждут их возвращения.

Рядом с ожидающим мужчиной, я часто видела заснувшего в детской коляске ребёнка. Исходя из всего этого я заключаю, что арабские мужчины, не такие уж страшные и враждебные насильники, как мы о них слышали: «Не так страшен чёрт, как его малюют».

Эта многострадальная чадра и чёрное платье - традиция и правило, которым, хочешь или нет, должны подчиниться оба. Такова жизнь на их «Планете». Чего только не делали их правители, некоторые даже временно европеизировали свои страны. Но, как не села перепёлка на дерево, так не произошла полноценная европеизация и, некоторые европеизаторы, до сегодняшнего дня укрываются в европейских странах и в Америке, некоторые погибли, некоторые влезли обратно в национальные костюмы типа шальвар-камиз и заново напялили чалму на голову. «Ничего не поделаешь, Петруха, Восток, - дело тонкое !»

Я должна поговорить с Вами ещё об одной достопримечательности Дубаи. Это? – явление, феномен, который называется «Россияне в Дубаи». Жизнь в «Гранд Мариоте» шла размеренно: академические встречи, бесстрастные сессии. Обслуживающий персонал ласково выполнял свои обязанности, взаимодействия издателей и журналистов не отличались активным динамизмом, презентации среднеазиатов были достаточно сдержанными, а американцы старались зажечь пожар, но это им не удавалось так, как им хотелось. Дело в том, что нефть и бензин был в руках арабов и всякие евроамериканские нападки натывались на традиционную восточную мудрость и благоразумие. Конференция завершилась весьма спокойным обедом и я тут же переехала в более дешёвую, можно сказать пролетарскую гостиницу «Сити Макс».

Стоило мне ступить ногой в фойе гостиницы, я почувствовала себя в Сочи или в Агудзере. Да, больше в Агудзере потому, что во-первых Агудзере я лучше знаю и, во-вторых, Агудзера была более пролетарской, обслуживающей русский рабочий класс. Именно там крутился настоящий советский рабоче-крестьянский дух: мужчины и женщины с задранными носами, которые под ручки гуляли по «бульвару». Мужчины во второй, свободной руке держат сумки или авоськи и у обоих на сгоревших и пёстрых лицах лежит плотным слоем крем от загара.

Персонал гостиницы прекрасно говорит по русски, поскольку рабочий класс империалистской России не могут и не хотят говорить по английски. Короче, с тех пор как россияне ушли с черноморских курортов Грузии, они прямиком переселились сюда в Эмираты. Они за ночь платят минимум 100 долларов и не пропускают ни одно развлекательное мероприятие и экскурсию. Отдых у них организован идеально.

На пляж нас возят в автобусе, который забит русскими. Посадка строго по очереди. Я ни с кем не разговариваю, только слушаю. Впечатление, будто станок времени закрутился в обратную сторону, а все мы отброшены на 30-40 лет назад на пляж Черноморского побережья Кавказа: абсолютно те же диалоги, те же

взаимоотношения, настроения и эмоции. Это те же российские «отдыхающие», которые очень открыто рассказывают о своих семьях, родственниках, о работе, система которой с развалом Советского Союза полностью развалилась.

- Наши и с высшим образованием не могут найти работу, а здесь все трудоустроены,- жаловалась пожилая женщина с волосами морковного цвета.

- Потому и бегут наши девочки из России и выходят замуж за этих. Моя племянница стала 4-ой женой араба. Ей это подруга устроила. Сейчас она сбежала назад и никак не может вернуть ребёнка,- подхватила вторая, очень худая и более интеллигентная.

- Почему ?

- По их законам, жена остаётся русской, а ребёнок араб и принадлежит отцу. Короче говоря, если женщина решила развестись, она ни имущества не может получить, ни ребёнка.

- Да, но она не подумала об этом до замужества ?

- В том то и дело, что не подумала. Эти наши девочки с ума посходили по арабам...(Помните, грузинские и абхазские ребята, помешанные по красивым русским женщинам ? Ха, ха, ха !!! Какая простая штука, жизнь ! Сталина сменили, а что стоит заменить грузинских ребят на арабов, турков, греков, эфиопов и т.д.)

На пляже тоже полно русских среднего класса. Точно так же, как на пляжах Квариати и Кобулети женщины в ситцевых платьях и соломенных шляпах разносят горячую кукурузу, холодную кока-колу и фрукты, так и здесь, русские женщины среднего возраста, ходят с каталогами между зонтами и шезлонгами и предлагают отдыхающим меховые шубы и кожанную одежду. На пляже, кроме русских, тут и там я увидела бывших советских из среднеазиатов. О них русские женщины сказали,- это наши. Меня они внимательно осматривали, но определить мою принадлежность к нашим не смогли. Спросить не посмели, но, думаю, подозревали, что я понимаю, о чём они говорят. Я тоже смотрела и не произносила ни звука. Так было лучше, так я больше понимала их сегодняшнюю жизнь, которая, как я поняла, не так уж плоха как нам про неё рассказывают. Я в подробностях выслушала расписание их отдыха и узнала их туристские маршруты. Когда я сравнила их со своими (довольно дорогими), оказалось, что их маршрут намного дороже и разнообразнее. В тот же момент, подхлёснутая жаждой конкуренции, я внесла в свой маршрут изменения, добавив несколько новых пунктов.

Так, наподобие «Мадам Икс», я продолжаю изучение ситуации, что мне очень нравится, особенно то, с каким интересом и как подозрительно они следят за мной, как за шпионом. Слышу и вижу всё, а Вы, в прошлом наши старшие братья и сёстры, угадайте, кто я, что я хочу и что собираюсь делать ?

Я, как белая ворона, стою несколько в сторонке от очереди на автобус, возвращающий с пляжа. В половине четвёртого начинаются вояжи из «Сити

Макса». Очередь на последний автобус в четыре раза длиней, чем была, когда я направлялась сюда. Я раньше вышла с пляжа, поэтому в очереди была вторая: в любом варианте место в автобусе мне обеспечено. Очередь растёт неестественно. Она уже как в мавзолее Ленина. Несмотря на это, каждый следующий, который становится в очередь, вежливо спрашивает: «Кто последний?»

Автобус опаздывает и, соответственно, растёт очередь. Вдруг один мужчина переходит из хвоста очереди в голову и говорит, что вчера был первым и кто вчера сидел за мной, пусть и сегодня сядут сзади меня. Этот акт вызвал всеобщее возмущение, что привело к сплочению людей, стоящих в первых рядах, в один мощный кулак. У мятежного мужчины в задних рядах появилась поддержка из нескольких человек, которые подтвердили, что вчера они стояли в передних рядах и задние их задавили. Упорядоченная очередь, прямая, как тетива лука, дала трещины и искривилась. Добавим к этому попадавших в обморок от палящего Солнца нескольких человек, которых тут же увезли на такси и уехали вместе с ними и мы получим значительное похуждание очереди. Если учесть мой интерес к тому, что произойдёт, когда придёт автобус, ясно, что я осталась.

Я сильнее нахлобучила свою кепку на голову и закрепила на занятом мной плацдарме. Самая коренастая из тех женщин, которые стояли впереди меня, заговорщически прошептала остальным, что, когда придёт автобус, я влезу первая и займу всем Вам места. Я поняла, что должна была быть вблизи этой женщины. Вобщем, задремавшие во мне социалистические инстинкты, начали пробуждаться. Я была готова к битве не на жизнь, а на смерть. Если я не попадала на этот автобус, я опаздывала на экскурсию в Абу-Даби. К нам медленно приближался почему-то заполненный наполовину автобус. Очередь перепуталась, встала дыбом, зашумела, зароптала, завизжала. Я твёрдо взяла ориентацию на ту женщину. Та, как она и обещала своим подругам, первая заскочила в автобус и, теперь, я прилепилась к ним. Применяя методы, отработанные на митингах и демонстрациях в Тбилиси, я несколько оттеснила плотно окружавшую меня со всех сторон толпу, после чего заняла такую позицию, что толпа сама внесла меня в «автобус моей мечты». «Оп-ля, мы живы!» Добро пожаловать в Великий Советский Союз!

Кто же в конце концов попал в автобус? Я, та коренастая русская женщина со своими подругами, тот русский дядя, который начал в очереди революцию, его румынский друг с женой (пережившие Советский Союз в гораздо жёстких дозах!) и группа молодых русских туристов, которая вообще не стояла в очереди, просто одна из дверей подкатившего автобуса открылась прямо перед их носом и они не сплеховали.

Вот так, мои дорогие, думаете так легко развалить империю, которая стояла 70 лет? Она никуда не пропала, она от мавзолея Ленину переместилась в Дубаи, частично в Турцию, частично в Грецию, в Испанию...говорят, что

категория, которая не в состоянии посещать выше рассмотренные места, ездит «диким образом» в Абхазию.

До этого я очень много говорила о русской оккупации Объединённых Эмиратов, а на следующий день, как на зло, в отрицание моего такого мнения, мой шезлонг на пляже окружила целая династия викингов. Судя по звучанию языка, на котором они разговаривали, думаю что это были шведы. Совсем недалеко вчерашние русские попрежнему занимались разборкой русско-арабских бытовых вариантов.

Ровно два дня оказалось достаточным, чтобы я полностью отошла от афганских проблем. Сейчас я только путешествую и вчера, в круизе «Дубаи Крик», я поймала себя на том, что дважды заснула за столом. В автобусе, который отвёз нас к круизному катеру, было много индусов таких «диких», что к ним невозможно было приблизиться: они начинали рычать. Была также трёхчеловечная (двое мужчин и одна женщина) несколько развязная «компания». На одном из них, более симпатичном, была растёгнутая клетчатая рубашка, еле закрывающая пупок, и ливайсовские синие джинсы, Другой, лысый и невзрачный, был одет поскромнее. Полненькая женщина, с правильными чертами лица, была в клетчатой рубашке и в джинсах, в обтяжку. Они непрерывно фотографировали друг друга. Когда она снимала мужчин, они пальцами рук показывали «викторию». Чего только не подумала я об этой тройке (время для раздумий у меня было навалом). Наверное я даже переборщила со своей фантазией, Но почему-то они мне сильно напоминали генералов Момбайских трущоб.

Круиз на небольшом катере показался мне очень вялым и надоедливым. Во время ужина на катере я немного протрезвела может быть от того, что пришла в ужас, сколько же едят эти индусы. Они минимум четыре раза обошли шведский стол, а сейчас, второй раз устроили нашествие на десерт.

Круиз, к моей радости, закончился и, при выходе с катера на берег, пара в клетчатых рубашках вступила со мной в переговоры:

- Вы путешествуете одна ? – спросил меня молодой, в клетчатой рубашке.
- Да, я одна и приехала сегодня.
- А мы думали, что Вы с парой, которая сидела за Вашим столиком.

Хотели побеседовать с Вами. Но не решились нарушать семейную обстановку, - сказала женщина, - потом мы догадались, что Вы одна, нам показалось, что Вам очень грустно.

- Нет, я не грущу, я очень устала, при этом круиз сам по себе очень скучный.

- Да, обычно сюда ездят семьями ужинать и, быть одной здесь, действительно очень скучно. Несколько раз у Вас и глаза закрывались, - поддержал мужчина.

- Вы заметили ? Мне стыдно, но я действительно очень уставшая и эта слабая качка катера усыпляет,- улыбнулась я,- сегодня я записалась на много интересных экскурсий и наверное меня ждут интересные развлечения.

- И правильно сделали потому, что в этом Дубаи одни небоскрёбы. Пойдите на Сафари, в Абу Даби, в круиз по Индийскому океану с посещением по ходу Фуджерских гор, в Абу Даби можно остаться на короткий срок...Короче говоря путешествуйте вне Дубаи и Вам очень понравится...Жалею, что не познакомился с вами раньше. Люблю беседовать с такими людьми, как Вы. Моей девочке Вы тоже понравились...

- Мне тоже жаль, большое спасибо за советы, так и буду вести себя, как Вы сказали. Приятно было с Вами познакомиться.

Мы пожали друг другу руки и я побежала к своему автобусу, а они к своему. Я к своему «континенту», а они к своему и мы навсегда расстались. В автобусе я ещё несколько раз вздремнула:

Дали Пирцхалава сказала мне, ты разве не та Манана Думбадзе, которая всю жизнь пытается что-то из себя изобразить, но ничего из этого не выходит ? Что я пытаюсь из себя изобразить, она объяснить не сумела, но этими словами нанесла мне тяжёлое оскорбление. Дали моей подругой никогда не была и я, поэтому, удивилась, откуда она знала, что я пыталась что-то изобразить из себя и как долго я пыталась это сделать. Получается, что всю свою сознательную жизнь она провела в слежке за мной, жила моей жизнью, знает подробнейшим образом каждый мой шаг, а я об этом ничего и не подозревала. Наоборот, мы были настолько далеки, что часто я, при редких воспоминаниях о ней, путала её фамилию, называя её Курцхалия вместо Пирцхалава. Она до беспамятства была влюблена в Президента Саакашвили на почве обучения его английскому языку в детстве.

Вас наверное интересует почему она так коварно кинула меня ? Пожалуйста, дорогие мои, сейчас же Вам всё доложу. Из Швеции приехала наша общая подруга, прожжённая мишистка Мария Аксель-Цхондия и, в ожидании услышать интересные сплетни, позвала на чашку чая оппозиционно настроенных друзей и друзей, сторонников национального движения, вместе. Затем, по своему обыкновению, она кинула присутствующим несколько провокационных вопросов и, не дожидаясь ответов, вышла в другую комнату поговорить по телефону со Швецией. Когда она вернулась, Дали, уже с пеной у рта, доказывала позиционерам и оппозиционерам, какой Миша гениальный. Одной звиадистке она даже заявила, что Миша, по своей образованности, запросто заткнёт за пояс Звиада Гамсахурдия. Эту звиадистку мы еле удержали на стуле. За это Этери Арганашвили нанесла ответный удар Дали Пирцхалава, обзвав Мишу сопливым

и слюнявым. Дали даже подскочила от неожиданности, но, прежде чем она предприняла что-либо ответное, я опередила её сказав, что она может сесть и успокоится потому, что с ней всем всё ясно и никаких к ней вопросов ни у кого нет. Разъярённая на всех и вся Дали посмотрела на меня в упор, потом прищурилась и «вылила на меня накопленную за годы жидкую грязь», начав с фразы: «Ты разве не та Манана Думбадзе ?...Оказывается и так бывает. Да, кто-то всю жизнь наблюдает за тобой в бинокль, живёт твоей жизнью, а ты об этом и не подозреваешь.

Почему я вспомнила эту историю в Дубаи ? Видимо здесь у меня появилось очень много свободного времени для раздумий, для взвешивания аргументов, анализа. Где ты была до сих пор, Дали Пирцхалава ? То, что ты мне сказала, - правда, потому, что то, о чём я мечтала, мало что воплотилось в жизнь. Это наверное потому, на самом деле, никогда не пыталась из себя что-то изобразить. А главное заключается в том, что то, о чём я мечтала, не протащишь рогами. Для этого нужен был особый талант и способности. Я всю жизнь готовилась к написанию одной большой книги и вот, что я пишу...Ты правду говоришь ! Если ты спросишь меня, что я из себя представляю, я должна буду крепко задуматься, чтобы ответить: литератор – журналист – пиар – маркетолог, а теперь ещё и «международный эксперт». Из этого ряда, ни об одной специальности я никогда не мечтала, но если в какой-нибудь из них я на что-нибудь гоюсь, то я посвящаю это тебе, мой друг !

Рейс «Джип-Сафари» - безотказное средство для выделения адреналина. Я не знаю, нужно ли мне это было после Афганистана, но я всё-таки записалась на этот тур и ступила ногами на настоящую песчаную пустыню. Потом я поносила на Лендкрузере по её золотистым холмам и навизжалась и наоралась по Гурийски на целый год.

На заднем сиденьи машины сидят шесть мужчин и говорят по армянски. Хочу познакомиться с ними, но сейчас не время, я занята визжанием. Когда во время перерыва мы вышли из машины фотографироваться, я спросила их: «Вы армяне ?» Они высокомерно ответили, что они Карабахские террористы. Вот тут и началось традиционное грузино-армянское «соревнование» - кто кого. И в правду, кто они, шесть Карабахских «террориста» против меня, одной меленькой грузинки, приехавшей из колыбели терроризма, Афганистана, с сумкой наполненной бомбами?– никто! Им явно не повезло.

Ещё больший курьёз нас ждал впереди. Когда стемнело, согласно программе, нас повели на ночное шоу в лагерь бедуинов Сафари. Там нас ждали прогулка на верблюдах, ужин и танец живота. Круглая сцена была обложена коврами, на которых лежали большие и маленькие подушки-мутаки и стояли низкие и узкие столики. Я прилегла на ковёр прямо у сцены. Представление началось с завораживающего суфистского танца, потом были фокусы, потом ещё какие-то мистические номера и, наконец, танец живота. Для этого номера

собрались здесь, в пустыне, в лагере бедуинов люди, со всех концов света. И вот конференсье торжественно объявляет: «Прекрасная, великолепная и очаровательная... Ольга !» Да, да, ни Джамила, ни Назира, ни Гюльчита, ни Земфира, а Ольга, да, да, Ольга ! Худая, мускулистая, русская туристка, Ольга !!!

Сначала я подумала, что мне послышалось, но конференсье с таким восторгом повторял это русское имя, что все сомнения рассеялись в песке пустыни и исчезли бесследно. В общем вращала Ольга задом, раскачивала бёдра и бюст, что вызвала моё разачарование. Зато все другие ночные звуки пустыни были перекрыты стонами страсти и сладострастия, исходящими от присутствующих мусульман мужского рода. Нет, я конечно была права, когда говорила, что русские туристы завоевали Восток. У русских женщин ведь в мире нет равных. Глядя на них у всего мира захватывает дух, а мне всё чего-то не хватает. Видимо завидую, чёрт побери !

На арабских женщинах одеты одинаковые чёрные платья, чадра и головная косынка. И несмотря на это, невооруженным глазом видно, кто к какой касте принадлежит и какими возможностями обладает. Особые акценты перенесены на аксесуары: на сумку и на обувь. У некоторых такие дорогие аксесуары, а чёрное платья отделаны таким гипьюром, что ни один западный Фешен Шоу не выдержит с ним конкуренцию. В таких одеждах щеголяют в основном высокие, тонкие, длинноногие и полногрудые женщины. Про них как раз и говорят, что всё у них закрыто, но в то же время всё абсолютно ясно и прозрачно.

В Дубай посадили 42 миллиона пальм и собираются посадить ещё много. А у нас в Гульрипши, много лет назад, за уборной выросла пальма без всякого приглашения.

Глава 26.

Я, как экстрадированная заключённая, оставляю Дубай и возвращаюсь в «Барон», где весьма прохладная погода и есть всё, кроме тепла и любви: бетонные стены, колючая проволока, охрана с автоматами при входе, уборщицы, смотрящие в руки, амбициозные «экпатриаты» с нескончаемыми интригами и депрессиями. Вот уже девять месяцев варюсь я в этом котле ! Ещё немного и я, хочешь не хочешь, вольюсь в эту славную семью «экпатов». Но сильная встряска сверху отрезвила меня, убедив, что пришло время ухода: всех денег не заработаешь !

В Грузии так напряглась ситуация, что, думается, предпочтительнее остаться в воюющем Афганистане. Здесь знаешь точно, что стреляют и ты до конца не застрахован, знаешь точно кто друг, а кто враг, всё названо своими именами. Там этот вопрос – сложнее.

Итак, моя афганская эпопея подошла к концу. Поставить точку на ближайшем прошлом, в моральном плане, для меня оказалось довольно трудно, тем более, что в это самое время здесь начинается совершенно новый этап, - милитаризация: при входе в корпус поставили охранников с автоматами Калашникова, ввели новые охранные группы и, перед самым носом, строят две новые площадки. Для чего ? – Секрет милитаризации.

Во время перерыва афганские строители играют на площадке футбол. Эта картина напоминает мне Рембо. Помните, как он играет с афганцами поло на лошадях в перерыве между атаками русских: какое царит веселье, какой спортивный дух, улыбки и хохот, перед большим штормом...Затем вновь атака со стрельбой: смешались в кучу кони, люди, дети и женщины. Что изменилось после этого ? Ничего, все в ожидании повтора. Здесь и война и мир означают войну, а то и другое вместе - называют миром.

Воскресенье в «Бароне» объявлена встреча и знакомство с новой охраной с последующим пикником в саду. Бар-би-кю, Хот-доги, Яблочные паи и Кока-кола - рекой. Думаю, пикник будет чересчур американский.

На церемонии,предшествующей пикнику, я впервые увидела весь состав службы безопасности, начиная от рядовых, кончая начальством. У генерала был так хорошо поставлен военный тембр голоса, что микрофон, для приветственной речи, ему совсем не понадобился. Его слова отдавались в моих ушах как сирена боевой тревоги, что привело к тому, что у меня заложило уши.

Генерала сменили пламенными приветствиями одетые в камуфляжную форму здоровенные военные дамы (они в основном говорили о достижениях «АИСАФ»), которые выразили всей охране и всему персоналу свою материнскую любовь и преданность сестёр. На их улыбающихся лицах, в этот момент, даже блеснула слеза, что вызвало у слушающих кратковременный спазм умиления с последующим взрывом аплодисментов.

После этого потекли реки напитков, которые утаились в глубоких каньонах закусочных гор. Грянула музыка и я почувствовала себя словно на военном параде победы в справедливой войне. Наступило большое всеобщее веселье. Все обнимали и целовали друг друга. Фотоаппараты щёлкали без перебоя и перегрелись от большого количества вспышек: мы снимались с как с отдельными рядовыми охранниками, так и в группах.

После кульминационного момента, веселье длилось ещё, приблизительно, три часа, после чего «пикник» закончился и я срочно занялась переносом отснятых фотографий в компьютер: хотела по свежим следам отправить друзьям фотографии «пикника». Но при подробном рассмотрении оказалось, что они весьма малоинформативны и почти на всех отснятых кадрах - снайперы, с автоматами в руках, что патрулируют на крышах наших жилых корпусов. Отправка фото была отменена. Это был мой первый и последний «пикник» в Афганистане, а точнее, в «Бароне».

- Один из моих сотрудников, во время советско-афганской войны, служил в Кабуле и, до сегодняшнего дня, не перестаёт говорить о красоте и привлекательности этого города. Это что, синдром войны ? – Спрашивает меня моя московская крёстная Кира Андроникашвили.

- О синдроме сказать ничего не могу, но, что касается страны, она очень привлекательна своей своеобразной Восточной красотой. Но сейчас всё так перебито и разрушено, что от этой красоты почти ничего не осталось. В начале советско-афганской войны и раньше, Кабул всё ещё называли Восточная Бахча и Роза Востока. Потом, на протяжении сорока лет, эту Бахчу рушили как своими, так и чужими руками. О какой красоте может быть речь ?

Но всё равно, красота Кабула удивительно притягательна и интересна, - объясняю я Кире, которая сама политический журналист и подобная информация про Афганистан её очень интересует, даже рассказанная непрофессионалом.

Мне вовсе не хочется говорить, как я собиралась в обратную дорогу. Только скажу, что афганские сотрудники устроили мне в обеденный перерыв кофейно-бисквитный стол. Это не была официальная церемония проводов, которую как «обязаловку» устраивают всем сотрудникам проекта. На это я сделала официальное заявление, в котором отказалась от официоза потому, что я и так очень высокого мнения о себе, а дополнительные дифирамбы могли испортить мне настроение.

Прощание во время перерыва прошло в очень тёплой и дружеской обстановке: мы много смеялись и подшучивали друг над другом. Немного погрустили. Из близких друзей здесь остались одни мужчины. Из женщин были только Диана и Света, которые рассказывали про мои курьёзы.

Когда Мина услышала про мой отъезд, она пригласила меня с друзьями к себе домой. Попасть в этот дом – мечта каждого баронета: он «смахивает» своей коллекцией образцов культуры и внутренним садом на эдакий Афганский дом культуры. Это был мой последний вечер в Афганистане. Ночью я проделала несколько кругов по «Барону». Кажется в ту ночь сон с трудом пришёл ко мне.

В аэропорт я уезжала в 6 утра. Водитель моего «бронетранспортёра» был мой друг, Хайдар. Аэропорт я уже настолько «свой», что я, с «закрытыми глазами», дохожу до проходного пункта. Рейс Кабул – Дубаи идёт без опоздания.

Я, с одной маленькой сумкой в руках, при полном спокойствии, двигаюсь в людском потоке в направлении своей Родины. Независимо от меня, в сторону моего дома, движется мой груз. В Афганистане я оставляю один из интереснейших отрезков моей жизни. Полностью мой, неделимый ни с кем. А с собой на Родину я увожу самый странный в моей жизни опыт, тоже неделимый. Честно говоря, даже не знаю, что мне делать с этим выпавшим из обычной жизненной колеи отрезком и опытом, который продолжает грызть меня

воспоминаниями. Да, я обязательно должна поделиться и рассказать. Так взгляните вместе со мной на Афганистан через замочную скважину «Барона !»

Я всегда знала, что рулевым своего жизненного корабля я никогда не была, но у моего жизненного корабля всегда был хороший рулевой, который заботился о том, чтобы мне легче было идти по жизни, легче ступить по каменистой дороге событий.

Именно этот мой рулевой послал мне в Кабульском аэропорту трёх земляков – авиапилотов, у которых, как у меня, закончился афганский контракт и они возвращались домой. У них был свой, огромный багаж афганских воспоминаний. Больше моего потому, что они, в течении трёх лет колесили на своём вертолёте над этой страной и изучили её с высоты птичьего полёта вдоль и поперёк. Я всё спрашивала и спрашивала, а они всё отвечали и отвечали. Нет, к войскам НАТО они не имели отношения. Это был американский экономический проект, название которого и фирму-исполнителя они назвать не имели права.

- При первой же боевой тревоге мы, как угорелые, понеслись в бункер. Потом так привыкли, что, в ответ на сигнал тревоги, меняли только бок, на котором лежали и прожолжали спать,- смеётся Тамаз.

- Ну и ну, а я протёрла своей спиной левый угол ванной комнаты, напялив на себя каску, но бронежилет сдвинуть с места, до конца пребывания в Афганистане, так и не смогла,- отвечаю я.

- Один раз во время ланча объявили ракетную атаку. Вся столовая распласталась на полу. Вот этого типа,- он указал рукой на своего партнёра,- тревога застала в момент, когда он шёл с полным подносом к своему столу. Он на мгновение остановился, оглянулся и невозмутимо продолжил уже «слалом» между распластанными на полу сотрудниками. Аккуратно, переступая через них, он то и дело приговаривал: «Экскюз ми ! Экскюз ми !» - Тамаз так мастерски изобразил эту сцену, что я со смеху чуть не упала с кресла.

- Говорят, что грузинские пилоты были одними из лучших во всей советской авиации, это правда ?

- Похоже на правду потому, что очень крепкие были ребята. Вот сейчас приедем, сдадим квалификационный тест и через некоторое время на нашего брата снова начнётся большая охота. О нас уже многие знают.

- Как мне повезло, что я буду добираться домой вместе с Вами,- сказала я и тут же представитель грузинской авиакомпании «Аирзена» по динамике аэропорта Дубаи объявил, что по техническим причинам наш вылет откладывается на 3 часа.

Ребята страшно обрадовались потому, что у них возникла возможность сделать покупки для детей. Конечно же в Афганистане такого как в Дубаи товара не было. А я огорчилась и с грустью сказала ребятам, чтобы шли на шопинг, а я никуда не уйду, буду сторожить чемоданы.

Когда они вернулись и позвонили в офис «Аирзены», им сказали, что самолёт уже в пути.

- Что случилось ? – Спросила я.
- У них испортилась какая-то деталь и они вернулись с полпути заменить её.

- Ничего себе !
- Такое случается, ничего страшного.
- Как ничего страшного ? А если они не успеют назад ? А эта новая деталь не может испортиться ?

- Надеюсь, не испортится.
- Я. что должна жить этой надеждой ? О чём ты говоришь.
- Не испортится потому, что деталь заменили.
- Хороша ситуация, даже лететь не хочется.
- Эх, надо было лететь на «Дубай Флайс», - сказал с досадой Тамаз.
- Почему на «Дубай Флайс»?
- А потому, что у них новые самолёты и они вовремя вылетели в Тбилиси.
- А как на счёт «Аирзены», грузинских пилотов...Вы говорили...Это неправда ?

- Нет, то что я говорил про грузинских пилотов, это правда.
- Вы меня с ума сведёте. Зря позвонили в «Аирзenu»...- Как раз в этот момент объявили нашу посадку. Я прилепилась к моим новоиспечённым друзьям (будто они могли бы помочь мне в воздухе, еслиб что-нибудь случилось) и довольно грустно вошла в самолёт «Аирзены» с заменённой деталью.

- Дорогие друзья, приветствуем Вас на борту нашего самолёта,- начала свой обычный монолог стюардесса,- приносим наши извинения за непредвиденную задержку. К сожаленью, соседнее государство Иран, перекрыло наш воздушный коридор на три часа. Постараемся в процессе полёта хоть частично скомпенсировать потерянное время и т.д.и т.п. и ничего о проблемах технического характера. Наоборот, всё хвалились модернизированными самолётами «Аирзены».

Я взглянула на моих пилотов, сидящих на несколько рядов позади. Они весело смеялись и жестами показывали как я просто попалась на брошенный авиаторами «пакет». Да, я признала своё поражение, но розыгрыши на тему авиакатастроф мною плохо изучены, за что я и поплатилась.

Самолёт мягко приземлился в аэропорту Тбилиси. С грузинскими пилотами я сердечно распрощалась. С тех пор я их больше не видела.

Теперь о ежедневных афганских делах я узнаю из телевидения и ужасаюсь от того, что я была там, где всё это происходит. О чём я думала, когда соглашалась ехать туда ? Для чего и для кого всё это было сделано... После такого количества «для чего» и «для кого» я пришла к выводу, что из каждого увиденного и услышанного надо вычесть, эдак 50 процентов. Далее, к остатку, в

зависимости от расположения духа, прибавить желаемое количество процентов и то, что останется, это и есть риск-фактор. Такая математика прекрасно пригнана к афганскому оптимизму.

Сначала я решила поставить точку здесь. Но потом перенесла эту точку за историей, которая произошла, когда у меня дома гостили мои дорогие афганцы, живущие в Тбилиси.

В тбилисском «Бук Хаузе» (литературное кафе, которое находится на пересечении улиц Петриашвили и Гудаурской), во время просмотра юмористических рассказов моего отца, я познакомилась с Майей Кебурия, преподавательницей искусствоведения в «Интернейшенал Скул», которая сказала, что к ней в группу ходят несколько афганских учениц и учеников.

- Это – брат и сестра, очень милые и весёлые, а так же другие члены семьи, которые уже несколько лет живут в Тбилиси,- сказала Майя.

- Ну-ка дай им мой телефон и, если они захотят, пусть позвонят,- предложила я.

- Хорошо, дам, думаю - они обрадуются.

- Я тоже буду рада.

Через несколько дней, от имени Майи, мне действительно позвонила афганская девушка и сказала, что будет очень рада познакомиться со мной. Мы решили, что воскресенье в 3 часа я встречу с ней у метро «Делиси» и мы пойдём к ним в гости.

На встречу со мной пришла девушка, в возрасте приблизительно пятнадцати лет, среднего роста по имени Маджиуба. Тонкая брюнетка с чёрными глазами и типичной афганской улыбкой. Она больше похожа на таджичку. С ней был её брат – Абид, который, по афганским обычаям, сопровождал девушку вне дома. Голова Маджиубы не была покрыта косынкой, а брат был одет как типичный тбилисский тинейджер: шорты и майка-короткорукавка.

Абид пошёл впереди нас и мы зашли через арку во двор. Они живут в четырёхкомнатной квартире на втором этаже корпуса чешского типа, вход со двора. Ребята завели меня в гостинную, посадили на диван к столу, который был забит всякими засахаренными орешками, прозрачными конфетками и другими развлекательными штучками. Абид вышел, а вместо него в комнату вошли ещё две его старшие сестры – Раба и Амена. Они сели по обе стороны от меня и тут же засыпали меня вопросами: полюбила ли я в Афганистане чаепитие ? Понравился ли мне Кабул ? Где я ещё была, кроме Кабула ? Сколько у меня детей ? Как я попала в Афганистан и т.д.

- Чай и до этого я очень любила, а афганцев я полюбила сразу, поэтому я сегодня здесь,- сказала я от всего сердца. Что касается моей работы в Афганистане, кроме Кабула я нигде не была и сам Кабул я почти не видела

потому, что с целью безопасности нас почти никуда не пускали, в особенности пешком.

У меня один сын, внучка и два внука и сейчас, я без зазрения совести, пишу афганские записки, – скороговоркой протараторила я. Абид вернулся к нам в новой майке и в джинсах. Сел на угол дивана. Девочки принесли мне семейный альбом. В комнату вошла пожилая женщина с косынкой на голове.

– Познакомьтесь, это моя бабушка, Кобра, – сказала Маджиуба. С афганскими бабушками я уже встречалась в Багизанане, они очень были похожи на Акие Биби (нашу Аджарскую бабушку): лёгкие, как бабочки, очень и очень скромные с доброй улыбкой на лице. Кобра сказала мне несколько предложений на Дари, я тут же ей ответила, правда с грамматическими ошибками. Она обрадовалась, рассмеялась и сказала, что другого языка она не знает, поэтому говорить с ней можно только на этом.

Это как раз тот случай, когда мне помогли афганские уроки Дари. Она сказала мне ещё несколько простых предложений и я поняла и была очень горда этим. «Это что, читать и писать я умею лучше, чем разговариваю», – не замедлила похвалиться я. Бабушка Кобра указала мне на стол, приглашая угоститься, а сама под села к Абиду на угол дивана. Пока я рассматривала фотографии в альбоме, Маджиуба принесла лептоп.

– Здесь у меня фотографии свадьбы моего двоюродного брата, Вас интересует, какая бывает афганская свадьба ?

– Очень интересно. Однажды в Афганистане я видела видеозапись свадьбы, но о существовании женской и мужской частей отдельно я знаю только из книг. Говорят, вы так разрисовываете себя, что узнать Вас невозможно, это правда ?

– Да, правда. Очень много макияжа, ожерелья, золото, много золотых браслетов, большие медальоны, тяжёлые бусы, кольца с драгоценными камнями... Свадьба длится два дня. В первый день невеста обязательно должна быть в зелёном платье, как вот на этой фотографии, на второй день она должна быть в белом платье или в платье другого цвета. Но обычно предпочтение даётся белому цвету, вот как здесь...

– Ой, это всё золото ?

– Ну, червонное !

– Такой макияж требует высокого мастерства и много времени.

– Да, у нас в Афганистане много таких мастеров высокого класса, посмотри, не правда ли красиво ? – С фотографии на меня смотрела звезда какого-то фольклёрного ансамбля, одетая в богатые одежды. На другой фотографии на ней был уже национальный костюм, на третьей – европейское декольтированное короткое платье и, наконец, на четвёртой, – индийское пенджаб. Во всех случаях ведущую роль во внешнем одеянии играло золото и драгоценности своими размерами, весом и количеством.

- Какое богатство, трудно представить себе, что это Афганистан,- вырвалось у меня.

- Мои отец и мать раньше были такие бедные, что, например отец, на свадьбе был одет в одолженные одежды, свадьбу они справили в квартире родственника. Папа учился в Москве, откуда вернулся дипломированным юристом, но долго был безработным. Потом он начал работать в «Юнисефе» и постепенно «встал на ноги».

Сейчас у него хорошая зарплата: он работает в офисе «Юнисефа» в Судане.

- А сюда как Вы попали ?

- В 2008 году, во время войны, папа приехал сюда в роли международного наблюдателя ООН и привёз всех нас сюда. Все мы ходим в международную школу. Половину платы за обучение платит ООН, а другую половину, – папа. Мама не работает, она ухаживает за нами, вот придёт сейчас и напоит нас чаем.

- У мамы много свободного времени, попросите её и она научит Вас Дари: она же была школьной учительницей в Кабуле. Или приходите к нам почаще и общение с бабушкой вынудит Вас изучить язык потому, что английский она не знает, а много говорить очень любит.

- Я тоже очень люблю говорить с пожилыми людьми: они знают много очень интересных старых историй. Мне очень нравится Ваш дом. Эти ковры Вы из Кабула привезли ?

- Нет, большой ковёр хозяйский, мы привезли маленькие. Вы же знаете, что мы любим есть на ковре на полу.

- Знаю, я видела во время обеденного перерыва, в магазине ковров, как продавцы ели на ковре, уложенном на пол. Хочу пригласить Вас ко мне домой и показать Вам то, что я провезла с собой из Афганистана.

- Когда ? Вы помните, что мы не едим свинину и не пьём алкогольные напитки.

- Что свинину Вы не едите, я знаю, но, относительно алкогольных напитков, у меня другое мнение: мои знакомые афганцы тоже говорили, что не пьют, а потом так мило «глушили» водку, что смотреть на них было одно удовольствие.

- Мой папа пьёт,- засмеялась Маджиуба.

- Конечно, русские научили,- это, к моему удивлению, рассмешило и бабушку Кобру и она, в знак согласия со мной, кивнула мне головой. Оказывается младший внучёк тихо переводил ей мой и Маджиубин диалог.

- Азиз джан ! – с такой любовью это прозвучало, что я поняла, она произнесла имя сына.

- А вот и мама пришла,- зашебетали девочки. В комнату вошла красивая молодая женщина с косынкой на голове, улыбнулась мне и сказала Маджиубе довольно длинную фразу.

- Это моя мама, Марзия и мой брат, Юсуп. Мама приносит извинения, что не встретила Вас дома, но мы скоро уезжаем в Афганистан и надо было делать покупки. Но сейчас мы займёмся чаепитием и она полностью в Вашем распоряжении.

- Не беспокойтесь, я уже хорошо освоилась и у меня нет никаких проблем. Здравствуйте, Марзия, здравствуй, Юсуп. Ты уже настоящий афганский мужчина, сколько тебе лет ?

- Скоро будет пятнадцать.

- Тебе здесь нравится ? Завёл себе друзей ?

- Да, завёл в школе и несколько здесь, во дворе.

- Ну и что, нравятся тебе тбилисские ребята ?

- Да, есть хорошие и есть...ничего себе, у меня хорошие друзья, но чаще я с моими сёстрами и братом и маме помогаю, - у него по-моему зелёные глаза или тёмносиние, я хорошо не разобрала, брюнет, среднего роста, классического сложения, типичный красивый молодой афганец, уже мужчина, старший в семье. Рабия и Амена внесли электрочайник и начали разливать чай. Поговорили о том и о сём и, в финале, я пригласила их в воскресенье к себе в гости на обед. Они очень обрадовались и обещали обязательно прийти. Потом, по афганскому обычаю, я расцеловала всех персон женского рода и, приложив ладонь правой руки к груди, поклонилась мужчинам.

По возвращении домой я тут же отослала Диане, Весне и Грейс имейлы о тбилиско-афганской семье. Все трое очень заинтересовались и написали мне, что с нетерпением ждут вестей после воскресной встречи. Я тоже с нетерпением ждала всю неделю встречи с моими новыми друзьями. Всё, что я обнаружила в магазинах: фисташкообразное, сухофрукты, орешки и прочие восточные сладости, я закупила в достаточных количествах. Пирожные тоже. Делать настоящий обед я не решилась потому, что знаю, что эти суперразборчивые афганцы не любят чужую пищу. Не то, что не любят, не доверяют. Чтобы они не почувствовали себя неловко, я устроила им сухой сладкий стол.

Приглашенные на 7 часов мои афганские друзья вплоть до 9 часов не подавали признаков жизни. К этому времени я уже начала звонить Маджиубе по мобильному телефону, не случилось ли с ними чего по дороге, но номер был вне досягаемости. Потом я вспомнила про афганскую традиционную «пунктуальность» и успокоилась. Стоило мне взять себя в руки и стихнуть, как гости тут же появились. Прибыло только женское крыло семьи, - бабушка, мама, две сестры и Маджиуба. Мужчины, как я и предполагала, не пришли. А я, этим традиционным афганцам, приготовила сюрприз: встречу с суперэмансипированным, суперэмоциональным, абсолютно свободно мыслящим украинцем тбилисского разлива, моим супругом, - Вадиком. И вот что из этого вышло: сюрреализм ?

Вечер начался очень прилично, но со временем пришло большое веселье: представьте себе традиционных афганскую бабушку, афганскую маму, Маджиубу и двух сестёр в одной компании со мной и гуляющим от души Вадиком, который пьёт вино из большого фужера, играет на гитаре с бантом и поёт с цыганским надрывом «Очи чёрные». В промежутках между тостами Вадик старался развлечь женщин показом семейных альбомов, непрерывным предложением угощений, беседой на политические темы, на тему мирового экономического кризиса и глобального потепления. Не удовлетворившись всем этим он снова схватил гитару с бантом и «врезал» «Эх раз, ещё раз» да так, что люстра закачалась.

Надо сказать, что гости по-компанейски реагировали на всё это. Младшие девочки с горящими глазами смотрели на проделки Вадика, Маджиуба периодически похихикивала, а мама и бабушка, сидящие в креслах рядом, сдерживали друг друга от хохота, закрывая лицо головными платками. Глядя на сдерживающих смех взрослых женщин я поняла, что разреши им посмеяться от души и больше им ничего не надо. И я разрешила: залилась откровенно истерическим смехом до коликов в желудке и боли в висках. Это был мой сигнал к раскрепощению и они открыто захохотали. Бабушка Кобра даже сняла с лица шарф. Когда, через несколько минут, наступила усталость, все бросились на диваны расслабиться и передохнуть.

Все барьеры и занавеси были убраны, кругом воцарились уют и свобода, довольный Вадик продолжал пошучивать: время от времени он подлетал к бабушке и целовал ей руку. Та принимала это уже как должное. Было много тепла кругом. Сейчас, когда я пишу эти строки, перед глазами у меня стоит медовая улыбка бабушки Кобры. Да, это не был сюрреализм, это было полное расслабление, настоящий каиф!

* * *

Вчера я говорила с Весной по Скайпу. Весна вернулась в Афганистан и работает в каком-то проекте ООН. Она рассказала мне одну «весёлую» историю. В их отделе какой-то афганский мужчина влюбился в замужнюю сотрудницу афганку и начал посылать ей любовные СМС-ы. Та, недолго думая, рассказала это мужу. Последний поступил цивилизованно и, вместо того, чтобы резануть обидчика ножом по горлу, пожаловался на него на его службу, в ООН. Служба устроила «преступнику» импровизированный трибунал, оценила поступок как сексуальное насилие и выгнала его с работы. Если спросите меня, он отделался лёгким испугом! «Смешнее» оказалось то, что у этого мужчины дома оказывается две жены, таджичка и пуштунка. Одна говорит на Дари, а другая на Пашту и друг друга они без мужа не понимают. Ну что оставалось делать

этому мужику, как ни искать жену со знанием двух языков. Искал, искал и что нашёл Вы сами видите: смех сквозь слёзы.

По поводу этого случая мы столько смеялись с Весной, что чуть не сломали Скайп. Интересно, смеялись бы мои афганские подружки также от всего сердца, еслиб узнали об этом ? Надо проверить, как только подвернётся случай.

Эпилог

Вчера днём зазвонил звонок входной двери. Я открыла её и увидела средних лет мужчину, который назвался «Афганцем» (участник советско-афганской войны). Это был нищий. Я сказала ему, что только что вернулась из Афганистана и готова ему помочь. Он попросил бутылочную тару и небольшую денежную помощь. Пустых бутылок у меня не было и домой он не зашёл. Я дала ему немного денег, а он сказал, что в 80-е годы его забрали в Афганистан и он провоевал всю афгано-советскую войну. Это был худой, маленького роста человек, с короткой бородой. Я рассказала ему новости про наших ребят в Афганистане, кое-что про Кабул. Я видела, что он стыдится и спешит уйти... Имени я его не спросила, знала, что он не скажет, тепло с ним рассталась и он ушёл своей дорогой... Да, я слышала, что в нашем районе ходит афганец и просит милостыню, но до меня он дошёл только сегодня. Как он мог себе представить, что здесь его встречу я, со своей долей Афганистана в сердце...

Кабул – Тбилиси, 2012 год